

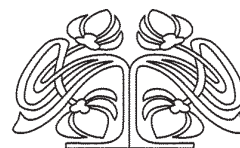
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2017 Том 17
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Владимиров П. А. Проблема рационального и иррационального в критической философии А. И. Введенского и В. Э. Сеземана 374

Гришечкина Н. В. Трансдисциплинарность знания как фактор развития института медицины в современном обществе 379

Данилов С. А. Риски революционного транзита и институциональное измерение общества: социально-философские основания 384

Дорошин И. А. Ценностное измерение отношений общности и власти в структурах сетевого порядка 388

Косыхин В. Г. Хайдеггер, нигилизм и завершение онто-исторического проекта модерна 393

Мартынович С. Ф., Орлов М. О. Ценностные основания бытия человека: философский и социокультурный анализ 398

Рожков В. П. Субъект власти в концепциях революций В. И. Ленина и М. Вебера: историко-философский аспект 405

Тетюев Л. И., Фахрудинова Э. Р. Человек и образ его внутреннего мира в западной и восточной философской рефлексии 410

Тихонова С. В. Лженаука в современной коммуникационной системе неформального знания 416

Трунев С. И., Антонюк Е. Ю. «Время культуры» как элемент социокультурной идентичности 421

Устьянцев В. Б. Системные риски переходного общества 425

Фриауф В. А. Абсолютная и относительная мифология А. Ф. Лосева 430

Психология

Арендачук И. В. Самоотношение в структуре самосознания подростков и юношей: динамика развития 434

Бельская Н. А. Апробация теста креативности К. Венкера: проверка конструктивной валидности и предложение нового варианта его использования в диагностике одаренности 439

Бочарова Е. Е. Взаимосвязь нравственного самоопределения и карьерных ориентаций у представителей студенческой молодежи 449

Неруш Т. Г. Основные этапы изучения феномена выгорания 454

Нестерова К. С. Этико-смысловые системы мировых религий: ордерный подход 460

Орлова М. М. Адаптационная ресурсность социальных предикторов у больных сахарным диабетом в зависимости от степени инвалидизации 465

Фролова С. В. Апробация авторского теста и тренинга эмоциональной креативности 471

Педагогика

Бактыбаева А. Т. Виды и формы работы при обучении речи студентов-иностранцев медицинского вуза на примере использования электронного учебного пособия 478

Недогреева Н. Г. Этнокультурный подход к становлению личности обучающихся 483

Рождествина А. А., Железовская Г. И. О некоторых аспектах содержания понятия «медиативный подход» 488

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 09.00.00 – философские науки; 19.00.00 – психологические науки; 13.00.00 – педагогические науки)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 29.11.17
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 169-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;
- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Vladimirov P. A.** Problem Rational and Irrational in Critical Philosophy of A. I. Vvedenskiy and V. E. Sezeman 374
- Grishechkina N. V.** Transdisciplinary Knowledge as a Factor of Medicine Development in Modern Society 379
- Danilov S. A.** Risks of Revolutionary Transit and the Institutional Dimension of Society: Socio-Philosophical Grounds 384
- Doroshin I. A.** Value Measurement of the Relations of Community and the Power Structures Network Order 388
- Kosykhin V. G.** Heidegger, Nihilism and Completion of the Onto-Historical Project of Modernity 393
- Martynovich S. F., Orlov M. O.** Value Foundations of Human Existence: Philosophical and Sociocultural Analysis 398
- Rozhkov V. P.** Subject of Force in the Concepts of Vladimir Lenin and Max Weber: Historical and Philosophical Aspect 405
- Tetyuev L. I., Fakhrudinova E. R.** Man and His Inner World in Western and Eastern Philosophical Reflection 410
- Tikhonova S. V.** Pseudoscience in Modern Communication System of Informal Knowledge 416
- Trounev S. I., Antonyuk E. Y.** «Culture Time» as an Element of Sociocultural Identity 421
- Ustiantsev V. B.** Systemic Risks of a Transitional Society 425
- Friauf V. A.** Absolute and Relative Mythology of A. F. Losev 430

Psychology

- Arendachuk I. V.** Self-Attitude in the Structure of Self-Consciousness of Teenagers and Adolescents: the Dynamics Development 434
- Belskaya N. A.** Approval of K. Venker's the «Creativity Test»: Verification of Construction Validity and the Proposal of a New Option of its Use in Diagnostics of Giftedness 439
- Bocharova E. E.** Interrelation of Moral Self-Determination and Career Orientations at Representatives of Student's Youth 449
- Nerush T. G.** Main Stages of Studying the Burnout Phenomenon 454
- Nesterova K. S.** Ethic and Semantic Systems of World Religions: Order Approach 460
- Orlova M. M.** Adaptive Resource of Social Predictors in Patients with Diabetes Mellitus Depending on the Degree of Disability 465
- Frolova S. V.** Approbation of Original Test and Training of Emotional Creativity 471

Pedagogy

- Baktybayeva A. T.** Types and Forms of Work when Training the Speech of Students Foreigners of Medical School on the Example of Use of the Electronic Manual 478
- Nedogreeva N. G.** Ethno-Cultural Approach to the Formation of Personality of Students 483
- Rozhdestvina A. A., Zhelezovskaya G. I.** About Some Aspects of the Contents of «Mediation Approach» 488

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Богатырева Елена Николаевна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Капичникова Ольга Борисовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мокин Борис Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Позднева Светлана Павловна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рожков Владимир Петрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фриауф Василий Александрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

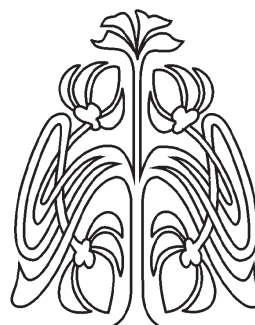
Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Elena N. Bogatyryova (Saratov, Russia)

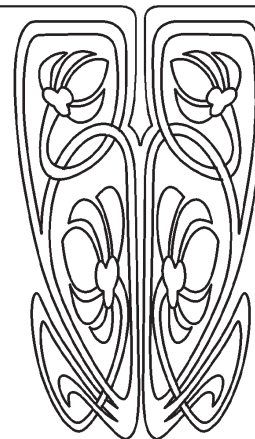
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Vera V. Afanasyeva (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
James Bosco G. (Michigan, USA)
Vasily A. Friauf (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)

Olga B. Kapichnikova (Saratov, Russia)
Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)
Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)
Boris I. Mokin (Saratov, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Svetlana P. Pozdneva (Saratov, Russia)
Vladimir P. Rozhkov (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

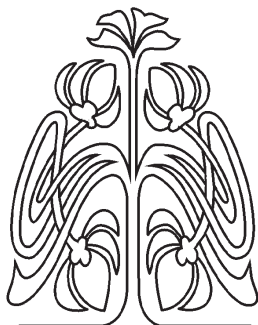

ФИЛОСОФИЯ

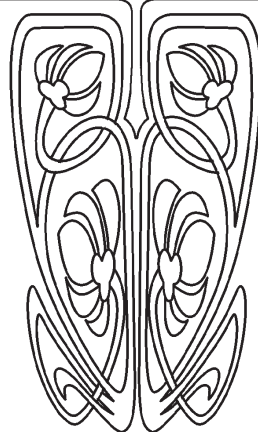
УДК 1(091) +165.65

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ А. И. ВВЕДЕНСКОГО И В. Э. СЕЗЕМАНА

Владимиров Павел Анатольевич – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vladimirov_p_a@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Статья посвящена рассмотрению проблемы рационального и иррационального в познании в русской критической философии А. И. Введенского и В. Э. Сеземана. Выделяется специфика методологии Введенского в его исследованиях возможности достижения цельного мировоззрения, основанного на критическом подходе в теории познания. Обозначенная в рамках критической методологии проблема демаркации научного и вненаучного знания показывает самоочевидность существования взаимоотношения между рациональными и иррациональными феноменами. Поэтому достижение всеобщего, или цельного миропонимания, отвечающего критериям достоверности, возможно только при использовании инструментария логического анализа и создания в философии особой области знания, имеющего логическое право на существование, – критической метафизики. Дальнейшее развитие проблемы рационального и иррационального в познании непосредственно осуществляется в творчестве Сеземана, где философ акцентирует внимание на сложном системном характере объективного знания, претендующего на всеобщность и необходимость. Историко-философская реконструкция взглядов русского неокантианца показывает, что основными структурными элементами теории чистого знания выступают принцип бесконечности познания и принцип системности знания. Посредством компаративистского анализа указывается на продуктивность дальнейшей рефлексии творчества русских неокантианцев в рамках истории философии и философии науки.

Ключевые слова: русская философия, неокантианство, критическая философия, рациональное и иррациональное, теория познания.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-374-378

Проблема формирования объективного знания о бытии эксплицитно восходит к вопросу о наличии рациональных и иррациональных компонентов в процессе познания окружающего мира. Возникновение этой проблемы в русской критической философии в противоположность русской религиозной традиции связано с попыткой нахождения достоверных оснований для объективного познания, отвечающего критериям всеобщности и необходимости. Рассмотрение рационального и иррационального в рамках вопроса о возможности достижения объективного знания происходит в творчестве А. И. Введенского. В последующем В. Э. Сеземан непосредственно обращается к теме соотношения рационального и иррационального в процессе познания мира, указывая на необходимый характер иррациональных составляющих при построении целостной системы знания о бытии. Проблема заключается в том, что на основании научного знания выстраивается целостная картина мира, которая должна отвечать на все возникающие вопросы о структуре бытия, его компонентов и составляющих. Но в действительности не существует единого представления о бытии или достоверного мировоззрения, основанных на позитивных науках, которые были бы в состоянии дать

ответы на фундаментальные вопросы, возникающие в процессе человеческого существования.

Введенский ставит вопрос о возможности реализации всеобщего знания в рамках критической философии, ориентированной на примат рациональности рассуждений. В своей работе «Опыт построения теории материи на принципах критической философии» осуществляет критику догматизма и эмпирических оснований в теоретическом научном знании. Эмпиризм, основанный на объективности опыта, не может с достоверностью констатировать, что опытные данные имеют всеобщий и необходимый характер. Согласно Введенскому, одним из основных условий существования несомненного знания является наличие идеи причинности, понимаемой в качестве неотъемлемой форма сознания. В эмпиризме же эта идея исходит из опыта, т.е. без опытных данных невозможно установить следствий для выведения закономерностей и создания теории. Такой подход опровергается Введенским из-за невозможности абсолютной достоверности единичного опыта, из которой складывается сущность эмпиризма. Традиция рационализма, берущая начало в методологии Декарта, тоже не удовлетворяет условиям объективности, так как рационализм «заблуждается, считая знание возможным в том случае, если идея причинности, хотя и не черпается из опыта, а всё-таки внушается нам извне» [1, с. 43]. В подобном виде рационализм нуждается во вспомогательных предположениях, которые наличествуют в качестве догматов и не требуют обоснования и доказательства, т.е. принимаются как самоочевидные положения. Но достоверные и объективные положения не могут выстраиваться на основании догматизма или кажущейся всеобщности результатов опыта.

Для решения вопроса возможности формирования несомненного знания Введенский выдвигает несколько условий. Во-первых, стоит определить, какое именно знание следует считать объективным; во-вторых, выявить сферу достоверного применения принципов познания; в-третьих, разграничить область научного и вненаучного знания. Следуя традиции кантовской философии, он выделяет математику и естествознание в качестве областей получения несомненного знания. Критицизм допускает достоверность знания, полученного посредством математики и естествознания, как факт. Но критическая философия «показывает те условия, при которых у нас получается логическое право допускать существование того факта, то есть – логическое право быть убежденным в достоверности математики и естествознания, а также и все следствия, вытекающие из этих условий» [2, с. 1].

Важнейшим следствием является положение, что все предметы, изучаемые математикой и естествознанием, к которым русский философ относит пространство и время, данные внутреннего и внешнего опыта считаются только явлениями, а не истинным бытием. Здесь обнаруживает себя расхождение позиции Введенского и Канта, так как пространство и время признаются лишь явлениями, а средством проверки на объективность знания выступают законы логики. Исходя из этого русский философ делает вывод, что надежное знание, выходящее за пределы простого констатирования данных опыта, составляют лишь законы и основанные на них предсказания и заключения о различных явлениях, а не метафизические понятия и гипотезы. Попытка дать достоверное и рациональное объяснение истинного бытия неизбежно приводит исследователя к метафизике, так как нельзя создать достоверное знание о вещах в себе посредством применения логических законов мышления (в том числе нельзя достоверно судить о пространстве и времени). Несомненным знанием он называет только то, которое формируется логически правильным образом, в соответствии с законами мышления, достоверное же применение принципов познания сводится к согласованности хода рассуждений с логическими законами мышления. Соответственно, сферой рационального применения принципов познания является наука, так как только в ней реализуется логическое право пользоваться умозаключениями для создания несомненного знания.

Разграничение научного и вненаучного знания делается с целью устранения метафизики из оснований науки, что является условием для формирования цельного мировоззрения на базисе несомненного знания. Научное знание должно разрабатываться посредством критического, а не догматического рационализма. Соответственно, философия как «система научно разработанного мировоззрения» [3, с. 23] имеет дело именно с критической метафизикой, не занимающейся предметами научного знания, а рассматривающей феномены, относящиеся к вненаучной области, но с достоверной очевидностью обнаруживающие себя в человеческом существовании. Цельное мировоззрение объединяет область критической метафизики и научно переработанного знания, которое определяется в качестве фундаментального основания для объективного постижения мира. Поэтому научное и вненаучное знания находятся в сложном взаимодополняющем отношении между собой, так как «существуют предметы, которые по самому понятию о них никогда и нигде не могут стать

предметом возможного опыта, а всего только будут являться верой» [4, с. 161]. Но для того, чтобы исключить интуитивно-мистические элементы из теории познания и находиться в рамках критической философии, следует ориентироваться на примат научно разработанного мировоззрения при построении теоретических систем. Для объяснения же и формирования цельного мировоззрения необходимо учитывать также сферу критической метафизики и рационально невыразимых моментов человеческого существования, к которым Введенский относит такие феномены, как «вера», «уверенность» и «убежденность».

Сеземан, в отличие от Введенского, иначе ставит вопрос о достижении достоверного знания и акцентирует внимание на неотъемлемом присутствии иррациональных моментов в познавательной деятельности, ориентированной на целостное познание мира. Проблема сочетания рациональных и иррациональных моментов в познании возникает вследствие направленности критического идеализма на достижение целостного, а не фрагментарного и единичного знания, что достижимо на уровне теоретико-прикладных наук. Для рассмотрения способа решения этой проблемы с позиции Сеземана следует указать на две важные составляющие его критической философии: принцип системности и теорию чистого знания.

Первый имплицитно включает в себя принцип бесконечности, который выявляет основную характеристику знания – его беспредельность и незаконченность. «Изначально философскому творчеству Сеземана присуще стремление доказать то, что человеческое знание вырастает из некоей допредметной установки, в которой нет дистанции между объектом и субъектом, и в дальнейшем знание ни объективно, ни субъективно, но представляет из себя единство объекта и субъекта, именно знание как таковое, чистое знание» [5, с. 61]. Сеземан разъясняет принцип системности посредством рассмотрения историко-философского контекста развития содержания понятий «рационального» и «иррационального». В античной философии первая рефлексия этих понятий была предложена в школе Пифагора в виде дихотомии предела и беспредельного. Именно в их содержании есть предпосылки для дальнейшего развития понимания знания как сочетания противоположных элементов: мира чувственного и умопостигаемого. Лейтмотивом всей эллинской философии является рефлексия единства противоположностей, которые выражались в разных понятийных формах, но всегда относились к проблематике возможно-

сти достоверного познания. В учении Платона и его последователей впервые отчетливо обрисовываются логические очертания «понятий предела и беспредельного». Позднее Аристотель предложит свой синтез двух начал – формы и материи, относящихся уже не к бытию идей, отвлеченных от чувственной реальности, а к миру вещей. Развитие понятий рационального и иррационального прослеживается в Новое время в смещении акцента с их различия и двойственности на внутреннее и систематическое единство, но зарождается и впоследствии сохраняется тенденция категорического противопоставления рационального и иррационального в познании до появления критической философии. Все знание становится конечным, имеющим предел и границы в виде рационально постижимого знания, остальное же выносится за скобки и обозначается недостоверным. В немецком идеализме происходит возврат к наследию Античности, к принципу бесконечности, утверждающему, что «нет пределов и границ философскому познанию, необъятно и необозримо многообразие доступного ему мира явлений» [6, с. 96].

Посредством принципа бесконечности знания осуществляется только постановка проблемы, но не предлагается методология её решения. Продолжая ход своих рассуждений, русский философ говорит о необходимости систематического единства знания, что делает возможным рациональную рефлексию бесконечного знания в рамках критического подхода. Таким образом, можно выделить в философии Сеземана принцип системности знания, который основывается на строгой методологии и заключается в наличии корреляции рациональных и иррациональных моментов в объективном знании. Если для Введенского показателем достоверного применения принципов познания является согласованность с логическим правом делать умозаключения, то у Сеземана это принцип системности, т.е. в процессе объективного познания следует учитывать рационально-иррациональный, или проблематический характер знания.

Своеобразный подход Введенского и Сеземана к решению вопроса о соотношении рационального и иррационального в познании не только значим в рамках историко-философского исследования русского неокантианства, но и требует своей рефлексии с позиции философии науки. Критицизм Введенского, основанный на методе логицизма, имеет методологию и исследовательский подход, схожие с аналитической философией и традицией позитивизма, а существенное различие обнаруживается в постановке вопроса о значении философии в

научном познании. Философия, согласно Введенскому, определяется как научно переработанное мировоззрение, являющееся частью целостной картины мира, или цельного мировоззрения, которое для достижения полноты представления необходимо включает в себя внеаучную область знания. С этой точки зрения интересна позиция Сеземана, который положительно характеризует позитивистские интенции ориентированности философии на достижения науки, но основной точкой расхождения с идеями позитивизма является положение о рационально-иррациональном характере знания. На творчество Сеземана оказала влияние Марбургская школа неокантианства, чем и объясняется положительное отношение к тесному взаимодействию философии с позитивными науками. В своей статье «Теоретическая философия Марбургской школы» русский неокантианец пишет, что «ориентирование на науки и стремление к систематическому единству знания – это две руководящие тенденции того направления критического идеализма, которое представляет Марбургская школа» [7, с. 61].

Общая интенция марбургцев, направленная на системность знания, как видим, нашла своё непосредственное отражение в философии Сеземана и послужила основанием для развития его теории чистого знания, но положение о неразрывности рациональных и иррациональных моментов познания отличается самостоятельностью и оригинальностью. Н. А. Дмитриева справедливо замечает, что «Сеземан, оставаясь методологически на неокантианской почве научного познания, находит в самой структуре знания обязательный

иррационально-психологический компонент, что позволяет ему говорить о “рационально-иррациональной сущности” “объективного знания”» [8, с. 175]. В заключение стоит отметить, что проблема рационального и иррационального, решаемая в творчестве Введенского и поставленная в трудах Сеземана, иллюстрирует специфику русского неокантианства, что выражается в своеобразии применения критического подхода и используемой методологии при решении вопросов теории познания.

Список литературы

1. Введенский А. И. Опыт построения теории материи на принципах критической философии. М., 2011. 352 с.
2. Введенский А. И. Новое и легкое доказательство философского критицизма. СПб., 1909. 25 с.
3. Введенский А. И. Логика как часть теории познания. М., 2014. 440 с.
4. Философия Канта и основания практической философии / под общ. ред. В. Н. Белова и Л. И. Тетюева. Саратов, 2013. 204 с.
5. Белов В. Н. Философская система В. Э. Сеземана // Философское наследие С. Л. Франка и современность. Саратов, 2008. С. 61–69.
6. Сеземан В. Э. Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. Междунар. ежегодн. по философии культуры. М., 1911. Кн. 1. С. 93–122.
7. Сеземан В. Э. Теоретическая философия Марбургской школы // Кантовский сборник. 2010. Вып. 4 (34). С. 60–80.
8. Дмитриева Н. А. Русское неокантианство : «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007. 512 с.

Образец для цитирования:

Владимиров П. А. Проблема рационального и иррационального в критической философии А. И. Введенского и В. Э. Сеземана // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 374–378. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-374-378.

Problem Rational and Irrational in Critical Philosophy of A. I. Vvedenskiy and V. E. Sezeman

Pavel A. Vladimirov

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: vladimirov_p_a@mail.ru

The article is devoted to the problem of the rational and irrational in cognition in the Russian critical philosophy of A. I. Vvedenskiy and V. E. Sezeman. The specificity of Vvedenskiy's methodology in his studies is based on the possibility of achieving an integral worldview based on a critical approach in the theory of knowledge. The problem of demarcation of scientific and extra-scientific knowledge, indicated in the framework of Vvedenskiy's critical methodology, shows the self-evidence of the existence of the relationship between rational

and irrational phenomena. Therefore, the achievement of a universal or integral worldview that meets the criteria of reliability is possible only with the use of the tools of logical analysis and the creation in philosophy of a special field of knowledge that has a logical right to exist – a critical metaphysics. Further development of the problem of rational and irrational in cognition is directly carried out in the works of Sezeman, where the philosopher focuses attention on the complex system nature of objective knowledge of the claiming for universality and necessity. The historical and philosophical reconstruction of the views of the Russian neokantian shows that the basic structural elements of the theory of pure knowledge are the principle of infinity of knowledge and the principle of the system of knowledge. Through comparative analysis points to further reflection, creativity productivity Russian neokantians in the framework of the history of philosophy and the philosophy of science.

Key words: Russian philosophy, neokantian, critical philosophy, rational and the irrational, theory of knowledge.

References

1. Vvedenskiy A. I. *Opyt postroyeniya teorii materii na printsipakh kriticheskoy filosofii* [Experience in building a theory of matter on the principles of critical philosophy]. Moscow, 2011. 352 p. (in Russian).
2. Vvedenskiy A. I. *Novoye i legkoye dokazatel'stvo filosofskogo krititsizma* [New and easy proof of philosophical criticism]. St. Petersburg, 1909. 25 p. (in Russian).
3. Vvedenskiy A. I. *Logika kak chast' teorii poznaniya* [Logic as part of the theory of knowledge]. Moscow, 2014. 440 p. (in Russian).
4. *Filosofiya Kanta i osnovaniya prakticheskoy filosofii*. Pod obshch. red. V. N. Belova, L. I. Tetyueva [Kant's philosophy and foundation of practical philosophy]. Eds. V. N. Belov, L. I. Tetyuev. Saratov, 2013. 204 p. (in Russian).
5. Belov V. N. *Filosofskaya sistema V. E. Sezemana* [Philosophical system V. E. Sezeman]. *Filosofskoye naslediyе S. L. Franka i sovremennost* [Philosophical heritage S. L. Frank and modernity]. Saratov, 2008, pp. 61–69 (in Russian).
6. Sezeman V. E. *Ratsional'noye i irratsional'noye v sisteme filosofii* [Rational and irrational in the philosophy of the system]. *Logos. Mezhdunar. ezhegodn. po filosofii kultury* [Logos. International yearbook on philosophy of culture]. Moscow, 1911, book 1, pp. 93–122 (in Russian).
7. Sezeman V. E. *Teoreticheskaya filosofiya Marburgskoy shkoly* [Theoretical Philosophy Marburg school]. *Kantovskiy sbornik* [Kant's compilation], 2010, iss. 4 (34), pp. 60–80 (in Russian).
8. Dmitrieva N. A. *Russkoye neokantianstvo: «Marburg» v Rossii. Istoriko-filosofskiye ocherki* [Russian Neokantianism «Marburg» in Russia. Historical and philosophical essays]. Moscow, 2007. 512 p. (in Russian).

Cite this article as:

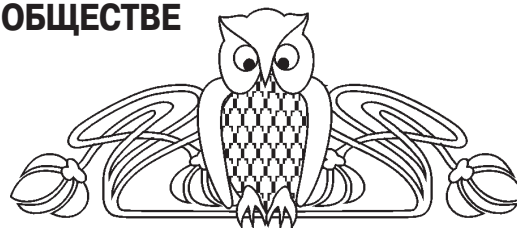
Vladimirov P. A. Problem Rational and Irrational in Critical Philosophy of A. I. Vvedenskiy and V. E. Sezeman. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 374–378. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-374-378.

УДК 165.12

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ЗНАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕДИЦИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Гришечкина Наталья Васильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского. E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

В статье анализируется развитие института медицины в современном обществе. Выявляются особенности его функционирования в связи с формированием нового типа производства знания. Раскрывается понятие трансдисциплинарности как способа формирования такого знания, которое выходит за рамки сложившихся научных дисциплин. Выделяются основные черты трансдисциплинарного знания: гибридность, зависимость от локального контекста, интерсубъективность, ориентированность на практику и решение конкретных задач, выход за рамки научных дисциплин и границы науки как социального института в целом. Биоэтика рассматривается как результат диффузии дискурсов науки и общества, как новая методология и практика решения трансдисциплинарных проблем в медицине, а также как трансинституциональная форма управления рисками. Определяется роль эксперта-профессионала как проводника социального распределения знания. Демонстрируется, как под влиянием социально распределенного знания трансформируются практика, профессиональная деятельность и процедура принятия решений в сфере медицины. Анализируются экспертная деятельность в медицине и ее роль в решении трансдисциплинарных проблем. Выявляется процесс социального распределения экспертной деятельности в современном обществе, основным продуктом которого выступает гражданская экспертиза. Персонализированная медицина рассматривается как одна из форм социально распределенной экспертной деятельности, т. е. гражданской экспертизы.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, трансдисциплинарное знание, институт медицины, биоэтика, эксперт.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-379-383

В условиях современного развития научного знания исследователю очень сложно оставаться в рамках конкретной дисциплины, так как постоянно возникает необходимость выхода за ее границы. Данная необходимость является сегодня не только внутренней потребностью научного знания, но и объективным условием развития современного общества. Структура научного знания, а также характер его производства и способы применения подвергаются качественным преобразованиям. Это происходит под воздействием глобализации социальной реальности, создания единого информационного пространства, технологизации жизненного мира. В результате формируется некое общее поле взаимодействия, стирающее границы между теорией и практикой,

научой и техникой, в котором высокие технологии позволяют совершать подчас мгновенный переход от знания к действию.

Одним из терминов, отражающих процессы, связанные с трансформацией научного знания, является «трансдисциплинарность». Этот термин обозначает способ формирования знания, которое выходит за рамки сложившихся научных дисциплин.

Трансдисциплинарность является закономерным следствием усиливающейся фрагментации научного знания, порождающей проблемы, решение которых находится на границах конкретных научных дисциплин и требует их взаимодействия. Она актуальна в решении сложных и неоднозначных проблем, что определяет гибридность получаемого знания, а процесс его производства отличается нелинейностью и рефлексивностью, что нехарактерно для любой академической дисциплинарной структуры.

Трансдисциплинарное знание представляет собой зависящую от локального контекста согласованную систему смыслов; будучи конкретно-ситуативным, данное знание становится неопределенным вне контекста.

Трансдисциплинарное знание является продуктом коммуникации, а следовательно, несвободно от эффектов коммуникативного действия и интерсубъективности. Процесс производства данного знания, таким образом, обладает характеристиками социального и организационного феномена. Оно представляет собой гибрид теоретического решения проблемы и практического его применения. Опосредованность пространством и временем, наличие локальных границ использования этого знания определяет его специфику.

Трансдисциплинарное знание ориентировано на применение, это «работающее знание». Его развитие не только стирает дисциплинарные границы, но и упраздняет разрыв между теоретической разработкой проблемы и практическим ее решением: это ориентированное на практику и решение конкретных задач знание. Трансдисциплинарные исследования не только обращены

к конкретным социальным проблемам, но и способствуют их решению: они направлены на устранение разрыва между теоретическим описанием реальности и фактической ее данностью. Трансдисциплинарное знание при этом не должно сводиться к прикладному, что зачастую происходит. Аналитическое описание и интерпретация являются необходимым уровнем трансдисциплинарного знания, поэтому актуальной становится проблема методологии трансдисциплинарного исследования [1, р. 399].

Трансдисциплинарные исследования инициируются реалиями жизненного мира человека и общества, это не познание причин явлений, а поиск методов минимизации эффектов развития техногенной цивилизации. Это знание, которое производится и тестируется «здесь и сейчас», а поэтому отражает всю специфику современной социальной реальности и характеризуется относительностью, изменчивостью, фрагментарностью. Производство данного знания выходит за рамки и границы научных дисциплин и социальных институтов. Это означает, что границы науки размываются на стыке с бизнесом и общественностью. Знание как результат процесса познания трансформируется в знание как продукт производства, а процесс познания начинает замещаться процессом производства знания. Таким образом, процесс духовно-практического освоения мира трансформируется в процесс экономический.

Так как трансдисциплинарные проекты решают практические проблемы, то оценить результаты трансдисциплинарных исследований критериями дисциплинарной науки довольно сложно. Как считает румынский физик Б. Николеску – основатель Международного центра трансдисциплинарных исследований (CIRET) во Франции, трансдисциплинарность является выходом за дисциплинарные границы, в котором становится возможным связать внешний мир объекта и внутренний мир субъекта [2]. Это метод научного исследования жизненного мира, форма связи науки с жизненным миром. При этом вектор трансдисциплинарных исследований задается этим жизненным миром и его проблемами. Специфика жизненного мира как объекта трансдисциплинарных исследований в том, что в нем невозможно выявить закономерности, найти алгоритмы решения проблем: каждая проблема неповторима, вовлечена в контекст и требует своего решения, попытки применять к их решению дисциплинарные подходы неэффективны. Очень ярко данное положение иллюстрируют биоэтические дилеммы. Возникновение биоэтики стало результатом диффузии научных и обще-

ственных дискурсов, отсутствием возможности решать этические проблемы только средствами науки. У. Бек отмечает, что «для современных моральных проблем, которые возникают в связи с развитием новых технологий, характерна эксцентричность принятия решений. Современные проблемы в обществе, медицине решаются транзитом, то есть нет никакого центра, в котором было бы все сосредоточено, мы должны как бы проехать по всему социальному ландшафту с тем, чтобы получить решение проблемы» [3, с. 243].

Трансдисциплинарные исследования являются проблемно ориентированными и имеют темпоральные границы «здесь и сейчас», это форма прикладных исследований, но с доминирующей ориентацией на решение проблем. Как утверждают К. Пол и Г. Хадорн в работе «Принципы проектирования трансдисциплинарного исследования» [4, р. 22], данный тип исследования характеризуется возможностью: а) изучить проблему во всей ее сложности; б) учитывать многообразие жизненного мира при научном рассмотрении проблемы; в) связывать абстрактное и конкретное знания; г) объединять знание и деятельность с целью достижения общего блага (*common good*). При этом за рамками трансдисциплинарных исследований остаются такие научные задачи, как поиск причин явлений, объяснение их закономерностей. И хотя выше было сказано, что трансдисциплинарность – это выход в решении проблем за границы конкретных дисциплин, это в то же время способность устанавливать общие границы научно обоснованных подходов к их решению.

Новые технологии производства и распределения знания, инноваций, стирание четкой границы между научным, экономическим и публичным дискурсами влияют на общую конфигурацию социального пространства, в частности, изменяются модели профессионализации: возникают новые требования к профессиональной подготовке специалиста: он становится востребованным, если отвечает ряду критериев – компетентности, уверенному пользованию ИКТ, решению нетривиальных задач. Вследствие этого возникает новая профессиональная модель – эксперт-профессионал, который начинает по-новому задавать институциональные границы профессии.

Ярким примером может служить институт медицины: в настоящее время к механизму регулирования профессиональной медицинской деятельности и производства медицинского знания подключается множество институтов. Возникновение биоэтики стало результатом диффузии научных и общественных дискурсов, трансдисциплинарной формой управления ри-

сками. Развитие биомедицинских технологий и рост медицинского знания приводит к эскалации рисков и отсутствию их прогностической освоенности. Особенность рисков в новой социокультурной ситуации состоит в том, что они не отсрочены во времени, а порождаются уже на стадии производства биомедицинской технологии, принципиально ненаблюдаемы моноинституциональным (научным) взглядом, а обнаруживаются только трансдисциплинарно [5, с. 43]. Важной особенностью профессиональной медицинской деятельности вследствие этого становится способность к риск-рефлексии и риск-коммуникации.

Включение новых информационно-коммуникационных технологий в институциональную ткань социальных практик задает предпосылки для нового вектора их эволюции, порождая такие формы организации деятельности в институциональном пространстве медицины, как телемедицина, интернет-медицина, электронное здравоохранение. Переход к сетевой организации общества связан с изменением принципа управления профессиональной деятельностью, в управлении медицинской деятельностью это проявляется в возрастании роли проектов и программ разного уровня – от международных до региональных. Современная медицина ориентирована на организацию сообществ, которые распадаются после реализации проекта. Всемирная организация здравоохранения ежегодно формирует приоритетные программы, федеральные целевые программы, грантовые проекты (например, развитие первичной медико-санитарной помощи, электронное здравоохранение, профилактика рака и борьба с ним и т.д.).

Помимо проектов развитие медицины в современном обществе неразрывно связано с деятельностью научных фондов, поддерживающих исследования в самых различных областях медицины и здравоохранения: Среди них, например, Благотворительный фонд фундаментальных и медицинских исследований (Foundation for Basic Research and Medicine), Благотворительный фонд Института исследования рака (Cancer Research Institute), Европейский научный благотворительный фонд (European Science Foundation) и т.д. Представляя собой некоммерческие организации, они способствуют закреплению трансдисциплинарной направленности медицинских исследований, объединяя под своей эгидой интересы науки, общественности и бизнеса. Динамика института медицины, определяемая новым способом производства знания, в целом способствует координации локальных и глобальных интере-

сов, формирует единое пространство решения проблем здоровья, болезни и качества жизни в целом [6, с. 30].

Медицина как социальный институт представляет собой социокультурную систему, функционирование которой задают три основных ее элемента – наука, образование, этика. В условиях современного общества данная система в целом и отдельные элементы в частности претерпевают изменения, отражая черты трансдисциплинарности и трансинституциональности: это проявляется в трансформации этоса медицинского сообщества. Если сохранение автономии сообщества было одной из ключевых ценностей этоса науки индустриального общества, то для этоса современной науки взаимодействие с «внешним» социумом становится определяющим, а также «встроенность» исследований в практические программы и проекты для их мониторинга, коррекции, обратной связи – необходимости постоянного информирования общественности. Как отмечает J. Muller, «...научная работа становится все более и более трансинституциональной» [7, р. 46], т.е. перестает ограничиваться рамками научного сообщества, а осуществляется на границах взаимодействия с бизнесом и общественностью. Сужение границ автономии становится важным фактором изменений, затрагивающих фундаментальные основы института медицины в современном обществе, а государственное регулирование финансирования медицины, управления системой здравоохранения – факторами ограничения автономии.

Усложнение способа производства знания в пространстве медицины, рост связей между её субъектами, возрастание социальной роли биомедицинских технологий приводит к возникновению большого количества проблемных ситуаций, разрешение которых требует нестандартных действий, носящих инновационный характер. Формы, границы и ориентиры социальных практик в современном обществе определяются людьми, обладающими высоким профессиональным, интеллектуальным и образовательным статусом, т.е. экспертами, которые включены в структуру социального института и задают направление институциональных процессов. Применяя профессиональные знания и навыки оперирования информацией к оценке социальных ситуаций, эксперты становятся проводниками социального распределения знания, объединяя в акте экспертизы институциональные и стратификационные измерения структуры современного общества. Но социальному распределению подвергается также и экспертная деятельность, приобретая все более персонализированный характер и

проявляясь в форме гражданской экспертизы. Особенно наглядно это реализуется в развитии проекта персонализированной медицины, одной из характеристик которого является «партиципация», т.е. активное участие пациентов в принятии решений, касающихся собственного здоровья. Как отмечает Д. В. Михель, вследствие конкретно-исторических событий в XX в. возникла необходимость осуществлять более эффективный общественный контроль в сфере развития медицины и биомедицинских технологий, в результате этого «практика принятия медицинских решений – особенно в рамках психиатрии, педиатрии, интенсивной терапии и трансплантологии – стала кардинально меняться. Некоторые медицинские решения стали приниматься с участием юристов, священников, философов, гражданских активистов» [8, с. 11].

Трансдисциплинарный характер производства знания в современном обществе определяет необходимость активности экспертов и их готовности к социальным взаимодействиям и контактам. Включенность экспертов в сетевые коммуникации, доступ к технологиям и возможность использовать их потенциал в различных направлениях приводит к тому, что социальные практики выходят за локальные границы. В пространстве медицины в связи с этим развиваются дистанционные телемедицинские технологии, используемые в целях профилактики, диагностики и лечения. Сетевой распределенный характер таким образом приобретает не только научно-исследовательская деятельность в медицине, но и практическая. Перемещение по сети исследовательских центров становится маршрутом развития научно-практической деятельности. В итоге формируется единое социальное пространство, в котором продуцируются ценности, направления и стратегии развития современного и будущего обществ. Структурирование этого пространства зависит от процесса производства знания, локализация в нем определяется уровнем профессиональной компетентности, а динамика отражает характер развития высоких технологий, культуры и науки.

Трансдисциплинарный характер производства научного знания не только стирает четкие границы между отдельными научными дисциплинами, направлениями и отраслями, выходя на уровень трансинституциональности, но делает проблематичным строгое разделение между

профессиями и уже – специальностями. Как отмечает Т. Л. Александрова, строго говоря, ученый, педагог, юрист, медик, военнослужащий, предприниматель – это сегодня не профессии, а группы родственных профессий, выступающие в качестве самостоятельных профессий лишь в неразвитом состоянии [9, с. 14].

Изменение структуры знаний, способа их производства приводит к изменению медицинской практики, а значит, к дальнейшей адаптационной трансформации остальных оснований института медицины как социокультурной системы – этики и образования. Традиционное производство медицинских знаний регулировалось принципами научного исследования и научной экспертизой, этого было достаточно, чтобы гарантировать качество. Однако в настоящее время, чтобы поддержать общественное доверие, только эти процедуры оказываются недостаточными, необходимо соответствие не только принципам научно-исследовательской работы, но и социокультурным требованиям.

Список литературы

1. *Lawrence R. J., Despres C.* Futures of Transdisciplinarity // *Futures*. 2004. Vol. 36. P. 397–405.
2. *Nicolescu B.* Methodology of transdisciplinarity – levels of reality, logic of the included middle and complexity // *Transdisciplinary Journal of Engineering & Science*. December, 2010. Vol. 1, № 1. P. 19–38.
3. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Сидельникова, Н. Федоровой. М., 2000. 384 с.
4. *Pohl C., Hadorn G.* Principles for designing transdisciplinary Research – proposed by the Swiss Academies of Arts and Sciences. Munchen, 2007. 124 p.
5. *Тищенко П. Д.* Биоэтика, общество риска и эвристика вызова // *Философские науки*. 2010. № 12. С. 42–49.
6. *Андрянова Е. А., Гришечкина Н. В.* Электронное здравоохранение в России : правовые и этические аспекты регулирования. Саратов, 2014. 161 с.
7. *Muller J.* Reclaiming knowledge : Social theory, curriculum, and education policy. L., 2000. 176 p.
8. *Михель Д. В.* Влияние идеологии персонализированной медицины на практику принятия медицинских решений // *Философские проблемы биологии и медицины*. Саратов, 2016. С. 9–12.
9. *Александрова Т. Л.* Методологические проблемы социологии профессий // *Социс*. 2000. № 8. С. 11–17.

Образец для цитирования:

Гришечкина Н. В. Трансдисциплинарность знания как фактор развития института медицины в современном обществе // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 379–383. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-379-383.

Transdisciplinary Knowledge as a Factor of Medicine Development in Modern Society

Nataliya V. Grishechkina

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky
112, Bolshaya Kazachia str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

Author analyses the institute of medicine development in modern society. Features of its functioning in connection with formation of new type of knowledge production. The concept of transdisciplinarity reveals as way of formation of such knowledge which is beyond the narrow scientific disciplines. The main lines of transdisciplinary knowledge are distinguished: hybridism, dependence on a local context, an intersubjectivity, focus on practice and the solution of specific objectives, overcoming a framework of scientific disciplines and border of science as social institute in general. The bioethics is considered as result of diffusion of discourses of science and society, as new methodology and practice of the solution of transdisciplinary problems in medicine and also as the transinstitutional form of risks management. The role of the professional expert is defined as instrument of social distribution of knowledge. Author proves that professional activity and the procedure of decision-making in the sphere of medicine is transformed under the influence of socially distributed knowledge practice. There is analyze of expert activity in medicine and its role in the solution of transdisciplinary problems. Civil expertise is defined as main product of process of expert activity social distribution in modern society. The personalized medicine is considered as one of forms of socially distributed expert activity.

Key words: transdisciplinarity, transdisciplinary knowledge, institute of medicine, bioethics, expert.

References

1. Lawrence R. J., Despres C. Futures of Transdisciplinarity. *Futures*, 2004, vol. 36, pp. 397–405.
2. Nicolescu B. Methodology of transdisciplinarity – levels of reality, logic of the included middle and complexity. *Transdisciplinary Journal of Engineering & Science*, December, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 19–38.
3. Beck U. *Risk society. Towards a new modernity*. London, 1992. 260 p. (Russ. ed.: Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Per. s nem. V. Sidelnikova, N. Fedorovoy. Moscow, 2000. 384 p.).
4. Pohl C., Hadorn G. *Principles for Designing Transdisciplinary Research – proposed by the Swiss Academies of Arts and Sciences*. Munchen, 2007. 124 p.
5. Tishchenko P. D. Bioetika, obshchestvo riska i evristika vyzova [Bioethics, risk society and heuristics of challenge]. *Filosofskie nauki* (Russian Journal of Philosophical Sciences), 2010, no.12, pp. 42–49 (in Russian).
6. Andriyanova E. A., Grishechkina N. V. *Elektronnoye zdavookhraneniye v Rossii: pravovyye i eticheskiye aspekty regulirovaniya* [E-health in Russia: law and ethical aspects of regulation]. Saratov, 2014. 161 p. (in Russian).
7. Muller J. *Reclaiming knowledge: Social theory, curriculum, and education policy*. London, 2000. 176 p.
8. Mikhel D. V. Vliyaniye ideologii personalizirovannoy meditsiny na praktiku prinyatiya meditsinskikh resheniy [Influence of the personalized medicine ideology on practice of medical decision making]. In: *Filosofskie problemy biologii i meditsiny* [Philosophical problems of Biology and Medicine]. Saratov, 2016, pp. 9–12 (in Russian).
9. Aleksandrova T. L. Metodologicheskiye problemy sotsiologii professiy [Methodological problems of sociology of professions]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2000, no. 8, pp. 11–17 (in Russian).

Cite this article as:

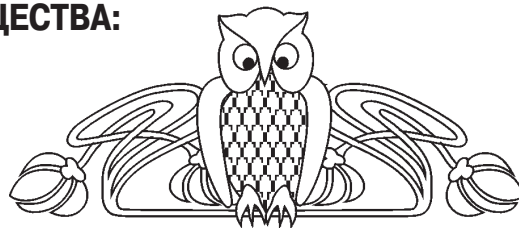
Grishechkina N. V. Transdisciplinary Knowledge as a Factor of Medicine Development in Modern Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 379–383. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-379-383.

УДК 316.3

РИСКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРАНЗИТА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Данилов Сергей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

В статье анализируется институциональное измерение революционного общества. Анализ трансформации революционного социума представлен в контексте соотношения формальных и неформальных институтов с позиций ценностных и институциональных факторов. Исследуется фактор власти в условиях революционной риск-динамики, обосновывается, что изменение института власти выступило тем системообразующим риском, который привел к коренным преобразованиям институциональной структуры социума. Процессы десакрализации власти, личностно-персонифицированный тип политической институализации которой был укоренен в мощнейшем социокультурном потенциале, обусловили интенсивность трансформаций. Неформальные институты активировали реверсивный характер революционного транзита. На примерах революционного общества начала XX в. рассмотрена незавершенная институализация и ее измерение – реверсивная институализация, предполагающая возвращение к прежним институциональным формам. Также отмечается, что неукорененность «импортированных» институтов как следствие незавершенной институализации приводит к воплощению сценария восстановления порядка. Стремление к снижению рискогенности социального транзита «возвращает» сознание человека и общества к устойчивым, определенным и стабильным форматам. В работе обозначена проблема ценностно-институциональных рассогласований, когда ценностные импульсы (революционный романтизм) не смогли преобразоваться в устойчивость новых институциональных конструкций. Этим можно объяснить особенности формирования социального порядка «постоктябрьского» российского общества.

Ключевые слова: институт, революция, риск, ценности, институализация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-384-387

У общества есть важнейшее измерение – институциональное, то, что образует его фундамент, определяет структуру и функции, формирует его динамику. Особый интерес проявляется к динамическим состояниям обществ, и революционный социум является тому подтверждением. Революция, согласно одному из множества определений, процесс коренных преобразований, затрагивающий экономические, культурные, политические основы общества. Институты, будучи правилами, нормами, в соответствии с которыми осуществляется социальный процесс, являются «камнем преткновения» в радикальных преобразованиях. Построение «нового мира» невозможно без новых норм, процедур, правил,

т.е. институтов. Институты, согласно Д. Норту, есть рамки, определяющие пределы взаимодействия людей и включающие в себя: во-первых, формальные (писанные) ограничения в форме предписаний и правил (юридические нормы), во-вторых, определенные процедуры, позволяющие выявить и не допустить отклоняющееся поведение. И наконец, в-третьих, неписанные обычаи, кодексы поведения. Институты – это «структурные формы человеческих взаимодействий, это сочетание правил, механизмов, обеспечивающих их соблюдение, и норм поведения» [1, с. 79].

Анализ динамики революционного социума являет нам опыт институциональных трансформаций как проблемы соотношения формальных и неформальных правил. Революционный социум как пример транзитивного общества демонстрирует конфигурации взаимодействия формальных и неформальных институтов. Такое разделение в институциональной науке существует, и за ним стоит определение правил официально закрепленных, признаваемых, и норм, которые сложились неофициально на основе социокультурного фундамента общества. Д. Норт полагает, что правила формального характера могут быть мобильно изменены через соответствующие официальные процедуры, например, юридического или политического характера, а «неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям» [2, с. 21]. Неформальные институты или институции сыграли важнейшую роль в динамике революционного транзита.

Эволюционный институционализм Д. Норта показал, что под влиянием факторов различного рода могут меняться как отдельные институты, так и институциональная структура общества. В случае с российским опытом революции, трансформация института власти выступила тем системообразующим риском, который привел к коренным преобразованиям всей институциональной структуры общества. Вообще рискогенность институциональной сферы общества актуальнее всего проявляется при исследовании

политических процессов, что объясняется тем, что «политические силы, стоящие у власти, через важнейшие элементы политического порядка оказывают воздействие на жизненные ресурсы социальных общностей» [3, с. 35]. Действительно, власть в России больше чем власть, она и сакральный гарант социального порядка, и ключевой символ русской культуры, и фактор геополитического процесса. Российский политический порядок – моноцентричный порядок самодержавной власти, укрепленной в своем единоначалии. Интересна позиция Карамзина, полагавшего, что самодержавие – это вечный институт для России, и русская власть не должна быть ограниченной ничем – парламентом, судами и т.д. Русская власть должна быть неограниченной.

Неизбежно, что говоря о единоначалии, мы закономерно обращаемся к личностному измерению политического порядка. Царь как помазанник Божий венчал собой политическую пирамиду, находясь во главе ее. Легитимация его как центра достигалась «согласованием его с некоторыми фундаментальными нормами, которые были присущи порядку, будь он космическим, природным или исходил от власти – верховной, трансцендентной. Такое единоначалие выстраивало систему отношений, где власть-личность доминировала над властью-институтом. Личностно-персонализированный тип политической институализации был укоренен в мощнейшем социокультурном потенциале, обеспеченном потенциалом культурной традиции и религиозной нормы. Потенциал личностного измерения власти оказывался сильнее, чем ресурс абстрактных, формальных институтов. К личности правителя (царя, императора, вождя народов, президента) всегда осуществлялась нравственная апелляция, к нему обращались в поисках правды и справедливости. Закономерно, что устранение царя как института и как человека породило беспокойство и рост негативных настроений при восприятии февральских событий 1917 г., когда «простые люди спрашивают в тревоге: откуда пришла гроза, что сделалось там, в столицах, может ли земля быть без царя, и кто же теперь будет править?» [4, с. 4].

Постреволюционный транзит, последовавший за событиями 1905 г., свидетельствует о плюрализации политического процесса в России. Октябрьский манифест, деятельность государственных дум – всё как бы говорило о том, что общество готово было освоить потенциал свободы, особенно политической. Социальное многообразие российского общества, проявляющееся в этническом, политическом, религиозном измерениях, безусловно, нуждалось в представительстве, партийном, парламентском. Но обретаемые

институциональные формы и проявившиеся риски институционального строительства вызвали у населения ассоциации «множественности» власти с «беспорядком», угрожавшим единству традиционного социального порядка. Так, во время Февральской революции общественное сознание обращалось к образу царя как оплоту единства, стабильности, преодолению вызовов.

Россия – властеориентированный социум, «властесцентричный» в определении Ю. Пивоварова или «стержень, вокруг которого строится общество» – М. Горинова, и власть в лице государства всегда выступала в качестве источника изменений – модернизации, реформы, революции. Процесс складывания новых институтов вынужденно проходил вместе с формированием правил самого институционального строительства, решением задач достижения, с одной стороны, институциональной самостоятельности, как в случае с политическими партиями, так и потребностью в достижении консенсуса, с другой стороны, о чем свидетельствует опыт достижения единства в деятельности государственных дум. Единая линия, отражавшая логику власти, была расколота и размыва множественными дискурсами («левые», кадеты и др.), что свидетельствовало о росте рассогласований. Парламент, на который верховная власть рассчитывала как на площадку, где политические силы смогут «выпустить пар», стал впоследствии генератором революционного процесса: здесь мы поспорим с позицией, согласно которой Государственная дума выступила скорее символом, чем активным механизмом изменений.

Традиции, обычаи как неформальные институты могут иметь важное ресурсное значение. Согласно Д. Норту, они могут служить эффективным заменителем формальных институтов, высвобождая и экономя общественный ресурс. В опыте российского революционного процесса социокультурные основы, с укорененной традицией восприятия власти как личностно-персонализированного явления, выступили важным фактором социально-ментальных процессов: во-первых, неформальные институты, активировав реверсивный характер революционного транзита, «вернули» общество к прежним формам на новом историческом уровне. Так возник культ А. Ф. Керенского как демократического вождя, а впоследствии – однопартийность, вождизм, моноидеология. Во-вторых, неформальная институциональность способствовала блокировке новых институтов, интегрируемых новыми политическими силами.

Анализ революционного процесса показывает, что его рамки не ограничиваются одним

1917 г. и двумя революциями: февральской и октябрьской. Она начинается гораздо раньше, и это, как минимум, 1905 г. в своей активной транзитивной фазе. Такая транзитивность может быть описана в терминах незавершенной институализации – одного из ракурсов многомерной революции, характеризующейся демонтажом прежних институциональных образований и генезисом новых институциональных структур. Одно из измерений незавершенной институализации – состояние, определяемое как «реверсивная институализация» – процесс формирования институциональной структуры, характеризующийся возвращением к прежним институциональным формам, избираемым в качестве наиболее устойчивых.

Так, очевидно, что свержение старого режима и устранение института царской власти после октября 1917 г. приводит к образованию не менее авторитарного политического порядка. Такой «реверсная» динамика обусловлена складывающимся контекстом, когда существующие конфигурации политического порядка неэффективны – раздвоение власти, многообразие внешних угроз для нового, устанавливающегося режима. Институциональный транзит революционной России характеризовался ростом нестабильности, неопределенности, угрожавших хаотизацией социума. Возвращение утраченной централизации в более жестких формах соответствовало духу времени и идее «диктатуры пролетариата». Фигура царя-богоносца как средоточия народного доверия, которая была устранена из институциональной структуры общества, нуждалась в «реставрации», поэтому необходимость и потребность в факторе сильной власти определила тенденцию возвращения к её авторитарно-персонифицированной форме.

В условиях военного времени, когда враг у ворот, и очевидна неукорененность «импортированных» институтов как следствие незавершенной институализации, начинает реализовываться сценарий восстановления порядка. Этот возврат носит, прежде всего, характер активации тех сформировавшихся ранее устойчивых представлений о правильной, сильной власти, к которой обращается как индивидуальное, так и общественное сознание. Сознание человека направлено на реновацию форм, обеспечивающих устойчивость в состояниях риска, когда система характеризуется неопределенностью, нестабильностью.

Такие состояния можно определить как амбивалентные, характеризующиеся не просто двойственностью, но и противоречивыми, полярными состояниями, которые, соединяясь,

образуют неустойчивые риск-конструкции. Так, с одной стороны, укоренялся антимоноархизм февральской революции 1917 г., а с другой стороны, как отмечает Б. Колоницкий, в сознании современников февральской революции формировались следующие конструкты: «нам нужен выборный царь», или «мы хотим демократическую республику и царя-батюшку на три года», «государя нужно выбирать из высших людей, на несколько лет, как выбирают старост» [5].

Также отметим, что ценностно-институциональные рассогласования – типичный случай революционного процесса, который возникает как ценностное явление, когда действующие силы ориентированы и движимы идеалами свободы, справедливости, равенства. Очевидно, что опыт мобильного конструирования социальных институтов никогда не был свойственен России, в историческом опыте которой всегда необходимо учитывать фактор культуры, с которым институциональный инжиниринг практически не считается. В этих условиях дисбаланс между ценностным и институциональными факторами заложен изначально, и его активация, реализующая разрушительный для социального порядка потенциал, возникает при нарушении нормативно-ценностного равновесия. Ценностные импульсы как выражение революционного романтизма не получили эффективную конвертацию в устойчивые институциональные конструкции, не стали устойчивой институциональностью – новыми правилами, процедурами. В ходе этого стал возможен октябрьский прорыв, сформировавший жесткий социальный порядок. Революционные преобразования институциональной среды касаются, прежде всего, формальных конструкций, и их интеграция в общество проходила без учета неформальных институтов. Культуру не «слушали», но использовали, активизируя стереотипы, архетипы и мифологию. Конструирование постоктябрьского государства осуществлялось на основе теоретической модели марксизма, также, по сути, импортированной.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-33-12009 а(ц) «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс»).

Список литературы

1. Норт Д. Институты и экономический рост : историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 69–91.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.

3. Орлов М. О. Дискурсивное управление социальной динамикой глобальных процессов : социально-политическая сфера // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 34–40.
4. Короленко В. Г. «Была бы жива Россия!» : неизвестная публицистика. 1917–1921 гг. / сост., предисл., коммент. С. Н. Дмитриева. М., 2002. 430 с.
5. РГИА (Рос. гос. ист. архив). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л.133, 474.

Образец для цитирования:

Данилов С. А. Риски революционного транзита и институциональное измерение общества: социально-философские основания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 384–387. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-384-387.

Risks of Revolutionary Transit and the Institutional Dimension of Society: Socio-Philosophical Grounds

Sergey A. Danilov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

The article analyzes the institutional dimension of a revolutionary society. The analysis of the transformation of the revolutionary society is presented in the context of the correlation of formal and informal institutions, from the standpoint of value and institutional factors. The author examines the power factor in the conditions of revolutionary risk dynamics, justifies that the change in the institution of power has acted as a system-forming risk that led to radical changes in the institutional structure of the society. The processes of desacralization of power, a person-personified type of political institutionalization of which was rooted in a powerful social and cultural potential, led to the intensity of transformations. Informal institutions, activated the reverse character of revolutionary transit. On examples of the revolutionary society of the beginning of the 20th century, unfinished institutionalization and its dimension are considered – a reversible institutionalization, involving a return to the old institutional forms. It is also noted that the rootlessness of the “imported” institutions as a result of incomplete institutionalization leads to the implementation of a scenario for the restoration of order. The desire to reduce the risk of social transit “returns” the consciousness of man and society to stable, specific and stable formats. The problem of value-institutional disagreements is pointed out in the work, when the value impulses (revolutionary romanticism) could not be transformed into the stability of new institutional designs. This can explain the features of the

formation of the social order of the “post-October” Russian society.
Key words: institute, revolution, risk, values, institutionalization.

Acknowledgements: Article is prepared with financial support RGNF, the project 15-33-12009 а (с) «Russia in 1917: institutional resource, social risks and civilization collapse».

References

1. North D. Instituty i ekonomicheskiy rost: istoricheskoe vvedenie (Institutions and economic growth: a historical introduction). *THESIS* [Thesis], 1993, vol. 1, iss. 2, pp. 69–91 (in Russian).
2. North D. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge, 1990. 159 p. (Russ. ed.: North D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Moscow, 1997. 180 p.).
3. Orlov M. O. Diskursivnoe upravlenie sotsialnoy dinamikiy globalnykh protsessov: sotsialno-politicheskaya sfera [Discursive management of social dynamics of global processes: socio-political sphere]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, iss. 1, pp. 34–40 (in Russian).
4. Korolenko V. G. «Byla by zhiva Rossiya!»: neizvestnaya publitsistika. 1917–1921 gg. [“Russia would be alive!”: Unknown publicism. 1917–1921. Originator, preface, comments S. N. Dmitrieva]. Moscow, 2002. 430 p. (in Russian).
5. *HRGIA* [The Russian state historical archive]. Fund. 1405. Inventory. 521. Case. 476. Sheet.133, 474 (in Russian).

Cite this article as:

Danilov S. A. Risks of Revolutionary Transit and the Institutional Dimension of Society: Socio-Philosophical Grounds. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 384–387. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-384-387.

УДК 316.3

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ ОБЩНОСТИ И ВЛАСТИ В СТРУКТУРАХ СЕТЕВОГО ПОРЯДКА

Дорошин Иван Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ivansar@mail.ru

В статье анализируются предпосылки трансформации религиозной идентификации в обществе риска. Анализ социальных трансформаций представлен в контексте соотношения формальных и неформальных институтов, в сравнении отношений общности и отношений власти. Потрясения, связанные с разрушением ценностного измерения, обусловили интенсивность трансформаций и формирование протестной динамики. Фундаментальные ценности – это заданная перспектива, не сводимая к расхожему пониманию социальной памяти. Это, скорее, социальная память о том, что есть будущее. Памятование «о будущем», «о смерти», «о вечности», «о вечной жизни» начинает определять наш выбор, который становится автономным и подлинно свободным. Ставится вопрос, определяет ли будущее что-то в сетевых сообществах, не сводимых ни к общностям, ни к обществу. От ответа зависит конституирование ценностного измерения отношений в структурах сетевого порядка. Проблема применения знаменитой идеи «конца истории» в отношении ценностного измерения власти усложнена тем, что цивилизационных линий много и каждая из них может знать свой конец истории. В структурах сетевого порядка эти линии так часто пересекаются, что в будущем, возможно, окажутся настоящей сетью. В свою очередь она сделает бессмысленным различие цивилизационных линий. Настоящий, глобальный «конец истории», таким образом, стоит «отодвинуть» в будущее. Впрочем, цивилизационные теории находят в эпоху экспертократии вполне конкретную реализацию; обязательным атрибутом являются территории «конца истории», где, собственно, ничего не происходит.

Ключевые слова: риск, ценности, элита, глобализация, сеть.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-388-392

Информационные технологии и общество риска задают два вектора в «системе координат» – отношений общности и отношений власти. Очевидно, что любые «отметки» в системе соотносятся с этими «ценностными» ориентирами: во-первых, они заданы сетевыми принципами общности и единства – человеческой общности и восприятия мира. Они имеют свою «информационную» специфику, о чем уже написано достаточно много [1]. Во-вторых, ценность события определяется возможностью «выигрыша», а значит – отношениями риска. Согласно У. Беку, «общество риска» оказывается такой парадигмой развития, где учитывается соотносительность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами, «причем

эксплицируется связь внутринаучных целей с внеаучными, социальными ценностями и целями» [2, с. 264].

Пытаясь продолжить эксперимент с «линейками» координат, можно предположить, что отношения власти «стремятся» к тому нулю, где начинаются эти линейки: элитарность критически несовместима с общностью, а риск нивелируется мощью власти. Конечно, как и ноль, ситуация может существовать только в нашем сознании. Интуитивно можно предположить, что вектор общности связан с пространственным восприятием и демаркациями территориальных схем, а вектор власти – с «пониманием» времени. Далее по мере продвижения в системе координат происходит изменение в формировании, составе элит, они лишаются ореола агрессии и избранности. В борьбе с элитами развитие теряет разбег, а значит и деления на нашей «линейке» становятся все более частыми и мелкими, пока не станут бессмысленными и не наступит «конец истории». Актуальными останутся лишь сами линии социального бытия, вне смыслов и ступенек частной жизни. Как по стволу, лишенному ветвей, обнявшись, скользим мы к абсолютным, без оттенков итогам риска «вообще». Проблема применения знаменитой идеи «конца истории» в отношении ценностного измерения власти усложнена тем, что цивилизационных линий много и каждая из них может знать свой конец истории. В структурах сетевого порядка эти линии так часто пересекаются, что в будущем, возможно, окажутся настоящей сетью. В свою очередь она сделает бессмысленным различие цивилизационных линий. Настоящий, глобальный «конец истории», таким образом, стоит «отодвинуть» в будущее.

Впрочем, цивилизационные теории находят в эпоху экспертократии вполне конкретную реализацию: обязательным атрибутом являются территории «конца истории», где, собственно, ничего не происходит. Границы цивилизаций найдены там, где мусульмане и христиане жили сообща, а «человек играющий» оказался нормой поведения: «современное общество рассматривает опасности со стороны риска и воспринимает

их всерьез только как риски» [2, с. 156]. Отказ от риска в современных условиях рассматривается как отказ от рациональности [3, с. 148]. Таким образом, исследователям и экспертам удается навязать ценностную модель поведения, которая вписывается в их теорию и удобна для исследований в научно-исследовательской программе, что легко конвертируется во власть и выигрыш. Впрочем, размышлять в категориях риска стало свойством как экспертного, так и массового сознания [4, с. 119].

Уровень допустимого риска отличается для «власти» и тех, на кого данные решения распространяются. Как же происходит нивелирование? Из объективных процессов, возможно, энтропия может быть должным отражением социальных процессов. Рискогенные процессы так или иначе упираются в объективную реальность экологии, природы, тела, материи, снижение напряженности в «плоском» мире, не имеющем метафизической глубины и высот, совершается за счет дистанцирования. Оно все более напоминает «разбегание» в разные стороны. Социальные связи растягиваются до напряжения струны, превращая мир общностей в сеть. Шум сети делает невозможным восприятие «мелодии» социальной гармонии: таким образом, теряется этот важный ориентир.

Социальные дистанции рискогенной реальности нивелируют ценность выигрыша, а сами риски оказываются следствием угрожающей мощи модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха [5, с. 45]. В итоге сеть «страха» порождает невиданное в истории одиночество, которое и оказывается экзистенциальным концом истории. Институты же продолжают производить риски – как принятие решений, так и уклонение от этого – все приводит к ситуации риска [4, с. 119]. Современное общество – это самое неуверенное «в себе» образование, требующее уверенности и решений от каждого своего члена, стремящееся к дисперсии, т.е. властных полномочий как распределения ответственности. Схема распределения стремится к сетевой организации. Риски представляются как неизбежный *побочный продукт* принятия решений (У. Бек), поэтому можно сделать вывод – это *побочный продукт и действия власти*.

Неопределенность ситуации риска не позволяет сделать её полностью прозрачной для разума, реально оценить шансы. Если рискогенная реальность не допускает построения строгой рациональной модели выбора, то это означает, что в любом социальном прогнозе и проекте уже содержится нечто, способное вызвать в будущем сбой или ошибку [6, с. 92]. К сожалению, участие

в контроле политических решений означает не снижение напряжения, уход от рискогенности этих решений, а лишь повышение уровня социальной приемлемости риска. По мнению западных исследователей, это возможные преимущества сети: взаимодействие с разными людьми расширяет источники политической информации и активность, повышает толерантность к другим (правда, указывается, что в настоящее время это только предположение) [7, с. 30]. Отечественные же авторы давно сформулировали особенности сетевого общества: «Мы живём в сложном, противоречивом мире, где всё связано со всем и всё от всего зависит. Все возрастающая сложность социальных систем и процессов диктует необходимость особого внимания к категории риска, в которой, как в зеркале, отражается вся хрупкость действительности, когда малые причины могут вызывать большие следствия и, с другой стороны, титанические усилия приводят к разочаровывающим результатам» [8, с. 21].

Всеобщая система связей сделала наш мир похожим на «большую деревню» [9, с. 230], а значит, социальные связи необходимо упрощаются. Сложные институциональные программы поведения и коммуникации в этом пространстве затрудняют выбор в ситуациях риска, т.е. деформируют процессы социализации и развития личности [10, с. 9]. Движение подменяет всякое развитие: изменения и реструктурирование социальных «кластеров» и сегментов, перманентные кризисы и модернизации – все эти движущие силы сети приводят лишь к увеличению угроз для всех субъектов социальной деятельности.

Глобализация, как мы знаем, приводит к увеличению связей различных субъектов [11, с. 4], но понимания, насколько это звучит угрожающе, как правило, нет. «Киберхалифат» показал со всей очевидностью насколько легкой и доступной может быть самая неестественная для сложившихся социальных общностей система связей. Различия предполагают пространственное простираение до определенных границ с выделением временных и постоянных рискогенных зон посредством социальных правил пограничного взаимодействия. Но всего этого не существует в киберпространстве. Отношения иерархии и власти в этих условиях «дрейфуют» в сторону сетевой структуры: приходит конец «массовой демократии», порожденной индустриальным миром, возникает *мозаичная демократия*, ориентированная на отдельного индивида [12, с. 158]. Еще в 2003 г. В. Швиммер заявил, что именно европейские существующие институты «призваны взять на себя ответственность за создание нового порядка, при котором они приноруются к новым

задачам и будут поддерживать друг друга» [13, с. 274]. В Европе, по его словам, должна возникнуть новая многомерная архитектурная конструкция, которая охватила бы наряду с военными личными, экономические, экологические, социальные, культурные, этнические и политические аспекты безопасности.

Отношения власти определяет информация, оформляя наши мысли и представления. Ее, конечно, можно понимать как любые полезные сведения, инструкции или осмысленное сообщение содержимого, но это слово буквально означает «придать форму». Каков источник этих форм? Мы не говорим о формациях в классовой терминологии, хотя и существует попытка говорить о «нетократии» как об особом правящем «классе». Мы перестали говорить и о мире религиозной идентичности, который, «впечатываясь» в мир социальных практик, создает *символические формы власти и единства*. Мы даже перестали говорить о ризоматичности всех попыток в случайности и неопределенности сетевого порядка. По большому счету, мы подходим к тому, чтобы попытаться *совместить все, не совмещающего ничего*. В киберпространстве с его отсутствием привычного восприятия пространства и времени само совмещение через рядоположение или параллельность подходов, совмещение или их столкновение методологически *невозможно*, но одновременно возможно *как проект*, который успеет оказать необходимое воздействие, прежде чем рассыпется.

Ценности давно стали «ценностями» в рамках проекта – просто ориентирами. Они имеют свою власть в киберпространстве, но действие их совершенно иное: передающий их символ также должен быть «правильно интерпретирован для того, чтобы быть полезным» [14]. Возникают закономерные вопросы: какова сама по себе информация, и можно ли проследить влияние информационных технологий на моральные ценности?

Каждое наше действие оставляет информационный след, который может быть записан и сохранен для использования в будущем: вы начинаете видеть сложные тропы данных, которые создаете каждый день [14]. Поскольку не оказывается физических препятствий для распространения всей информации, остаются только призывы к морали или экономической справедливости, которая могла бы предотвратить распространение некоторых видов информации: «...понимание роли нравственных ценностей в сфере информационных технологий является необходимым условием для разработки и применения этих технологий...» [14].

Наблюдение подрывает нашу личную автономию, утверждает американский философ

М. Линч, поскольку мы рассматриваемся в качестве объектов, а не людей [15]. Знания, по его мнению, становятся прозрачными, есть ощущение повышенной прозрачности нашей жизни: это не расширение свободы, все наоборот – решения могут быть «свободными», но они не полностью автономны. Это, пожалуй, главная мировоззренческая подмена в наши дни – автономия приравнивается к «свободе» выбора, которая сводится к «свободе» нажать кнопку «купить»: очевидно, что в этой «свободе» человека активно и порой агрессивно «ведут». Разговор снова упирается в фундаментальные ценности как условия свободы, но свободы как автономии. Фундаментальные ценности – это заданная перспектива, не сводимая к расхожему пониманию социальной памяти. Это, скорее, социальная память о том, что есть будущее. Памятование «о будущем», «о смерти», «о вечности», «о вечной жизни» и т.д. И тогда оно начинает определять наш выбор, который становится автономным и подлинно свободным.

Определяет ли будущее что-то в сетевых сообществах, не сводимых ни к общностям, ни к обществу? Когда мы сможем сформулировать ответ, тогда и зафиксируем ценностное измерение отношений в структурах сетевого порядка.

В меняющихся условиях любая информация становится *публичной*. В истории культуры есть примеры абсолютно публичной жизни, например, юродивых, но это исключительные случаи *подвижничества*, невозможные для всех. Наш же случай, по мнению М. Линча [15], можно сравнить с ситуацией, когда нас бы заставили произносить вслух каждую мысль, которая приходит в голову, нравится нам это или нет, либо благодаря медиа-технологиям мы получили бы возможность читать самые сокровенные мысли без ведома человека. Таким образом, разрушается тот компромисс, на который указывал Т. Гоббс.

Источник значений все более оказывается на перекрестке двух магистральных путей: поиска автономии и поиска самой личности. Знания могут быть прозрачными, но власть такой бывает редко [15]. Это факт, который было бы разумно не забывать, даже если мы не видим непосредственной пользы от того, чтобы помнить об этом. Таковы последствия изменений для отношений общности в структурах сетевого порядка.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-33-01143 «Религиозные общности в сетевых структурах социального порядка: протестная динамика и институциональная устойчивость российского региона»).

Список литературы

1. Динамика религиозных общностей в рискогенной реальности : пространственный и институциональный горизонты. Саратов, 2015. 220 с.
2. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2003. 744 с.
3. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
5. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 161–168.
6. Стризоэ А. Л. Методологический синтез социального знания о рисках (концепция В. Б. Устьянцева и ее возможности) // Общество : пространство, риски, ценности. Саратов, 2012. С. 89–103.
7. Erickson B. Social networks : The value of variety // Contexts. 2003. Vol. 2, iss. 1. P. 25–31.
8. Борцов А. С. О детерминации рисков // Ценности, риски, коммуникации в изменяющемся мире. Саратов, 2012. С. 21–26.
9. Гидденс Э. Социология. М., 1999. 704 с.
10. Устьянцев В. Б. Амбивалентный человек в ситуациях риска // Цивилизация и человек. 2010. № 1. С. 7–10.
11. Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопр. философии. 2005. № 11. С. 3–24.
12. Хевеши М. А. Социально-политические иллюзии, мифы и их воздействие на массы // Личность, культура, общество. М., 2002. Т. IV, вып. 3–4. С. 144–158.
13. Швиммер В. Мечты о Европе. М., 2003. 383 с.
14. Sullins J. Information Technology and Moral Values. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/it-moral-values> (дата обращения: 04.01.2016).
15. Lynch M. P. The philosophy of privacy: why surveillance reduces us to objects. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2015/may/07/surveillance-privacy-philosophy-data-internet-things> (дата обращения: 04.01.2016).

Образец для цитирования:

Дорошин И. А. Ценностное измерение отношений общности и власти в структурах сетевого порядка // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 388–392. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-388-392.

Value Measurement of the Relations of Community and the Power Structures Network Order

Ivan A. Doroshin

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: ivansar@mail.ru

The article analyzes preconditions of the transformation of religious identity in risk society. The analysis of social transformation is represented in terms of formal and informal institutions, in comparison of the relations of generality and relations of power. Shocks associated with the destruction of value measurement, led intensity transformations and the formation of protest dynamics. Fundamental values are specified in the prospect, are not reducible to the conventional understanding of social memory. It is rather a social memory that has a future. Mindfulness “about the future”, “death”, “eternity”, “eternal life” begins to determine our choices, which becomes autonomous and truly free. It raises the question of whether the future is something network communities, not reducible either to communities or to society. The answer depends on the design values and the measurement of relations in the structures of the network order. The use of the famous idea of “end of history” in relation to values and the measurement of power is complicated by the fact that civilizational lines a lot, and each of them can know your end of the story. In the structures of the network order, these lines often intersect in the future, perhaps they will be a real network. In turn it will make meaningless the distinction between civilizational lines. The real, global “end of history”, therefore, is to move into the future. However, the civilizational theory find in the era of expertocracy very specific implementation. Mandatory attribute are the “end of history”, where, in fact, nothing happens.

Key words: risk, value, elite, globalization, network.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 17-33-01143 «Religious community in the network structures of the social order: protest dynamics and institutional stability of the Russian region»).*

References

1. *Dinamika religioznykh obshchnostey v riskogennoy realnosti: prostranstvennyy i institutsionalnyy gorizonty* [The dynamics of religious communities in a risky reality: spatial and institutional horizons]. Saratov, 2015. 220 p. (in Russian).
2. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, 2003. 744 p. (in Russian).
3. Luhmann N. Der Begriff Risiko. In: Luhmann N. *Soziologie des Risikos*. New York, Berlin, 1991, pp. 9–40 (Russ. ed.: Luman N. Ponyatie riska. THESIS, 1994, iss. 5, pp. 135–160).
4. Giddens A. Fate, risk and security. In: Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Cambridge, 1991, pp.109–143 (Russ. ed.: Giddens E. Sudba, risk i bezopasnost. THESIS, 1994, iss. 5, pp. 107–134).
5. Beck U. From industrial society to the risk society. *Theory, Culture and Society*, 1992, no. 1, pp. 97–123 (Russ. ed.: Beck U. Ot industrialnogo obshchestva k obshchestvu riska. THESIS, 1994, iss. 5, pp. 161–168).
6. Strizoe A. L. Metodologicheskii sintez sotsialnogo znaniya o riskakh (kontsepciya V. B. Ustyantseva i ee

- vozmozhnosti) [The methodological synthesis of social knowledge about the risks (concept V. B. Ustyantseva and its capabilities)]. In: *Obshchestvo: prostranstvo, riski, tsennosti* [Society: space, risk, values]. Saratov, 2012, pp. 89–103 (in Russian).
7. Erickson B. Social networks: The value of variety. *Contexts*, 2003, vol. 2, iss. 1, pp. 25–31.
 8. Borshchov A. S. O determinatsii riskov [On the determination of risks]. *Tsennosti, riski, kommunikatsii v izmenyayushchemsya mire* [In: Values, risks, communication in a changing world]. Saratov, 2012, pp. 21–26 (in Russian).
 9. Giddens A. *Sociology*. Cambridge, 2017. 1152 p. (Russ. ed.: Giddens E. *Sotsiologiya*. Moscow, 1999. 704 p.).
 10. Ustyantsev V. B. Ambivalentnyy chelovek v situatsiyakh riska [Ambivalent people in situations of risk]. *Tsivilizatsiya i chelovek* [Civilization and man], 2010, no. 1, pp. 7–10 (in Russian).
 11. Fedotova V. G. Faktory tsennostnykh izmeneniy na Zapade i v Rossii [Factors of value changes in the West and in Russia]. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 2005, no. 11, pp. 3–24 (in Russian).
 12. Kheveshi M. A. Sotsialno-politicheskie illyuzii, mify i ikh vozdeystvie na massy [Socio-political illusions, myths and their impact on the masses]. *Lichnost, kultura, obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2002, vol. IV, iss. 3–4, pp. 144–158 (in Russian).
 13. Schwimmer W. *The European dream*. London, 2004. 256 p. (Russ. ed.: Shvimmer V. *Mechty o Evrope*. Moscow, 2003. 383 p.)
 14. Sullins J. *Information technology and moral values*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/it-moral-values> (accessed 4 January 2016).
 15. Lynch M. P. *The philosophy of privacy: why surveillance reduces us to objects*. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2015/may/07/surveillance-privacy-philosophy> (accessed 4 January 2016).

Cite this article as:

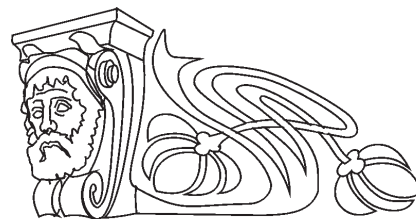
Doroshin I. A. Value Measurement of the Relations of Community and the Power Structures Network Order. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 388–392. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-388-392.

УДК 111.1+101.2+929 Хайдеггер

ХАЙДЕГГЕР, НИГИЛИЗМ И ЗАВЕРШЕНИЕ ОНТО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЕКТА МОДЕРНА

Косыхин Виталий Георгиевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Kosyhinvg@rambler.ru

В статье рассматривается различие философских проектов модернизма и постмодернизма посредством анализа понятия онто-историчности характерного для модернистского типа онтологического мышления. Утверждается, что хайдеггеровская философия бытия выступает в качестве пограничного состояния между онтологическими поисками модерна и их восприятием современной онтологией, что и определяет ее значение. Анализируется критика М. Хайдеггером тезисов о бытии в классической онтологии и критика фундаментальной онтологии со стороны философии постмодернизма и деконструкции. Показана взаимосвязь онто-историзма с трактовкой нигилизма в философии Ф. Ницше и М. Хайдеггера. Выявляется специфика модернистского и постмодернистского типов отношения к истории философии, нигилизму и преодолению метафизики. Таким образом, в случае с модернизмом и постмодернизмом перед нами предстают два типа современности, разделяемые своим отношением к истории. В модернизме речь идет о своего рода «эвклидовой геометрии» линейной истории, продолжающей себя в будущее. Постмодернизм понимает историю нелинейно, смешивая разные исторические пласты, допуская возможность начинать историю с любого места в рамках преодоления модернистского мифа об абсолютности начала. Современное состояние философии понимается как ситуация завершения онто-исторического проекта модерна.

Ключевые слова: нигилизм, онто-историзм, модернизм, постмодернизм, деконструкция.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397

Философия М. Хайдеггера в контексте современных вопросов и поисков онтологии производит двойственное впечатление. С одной стороны, неразрывно связанная с эпохой модерна, мысль Хайдеггера погружена в измерение онтологической историчности, интерпретируемой, скорее, в ницшеанском, чем гегелевском духе, как разворачивание этапов неизбежно прогрессирующего нигилизма. С другой стороны, связь истины бытия с возможностями языкового выражения, вопросительность (Fraglichkeit) как магистральный путь мышления и связь онтологии с событием (Ereignis) пролагают дорогу к постмодернистской критике историчности и нигилизма. Дорогу, надо сказать, достаточно прямую, если сконцентрировать внимание на возможностях языка, умножить вопросительность и лишить событие того смысла уникальности и обособленности, который придавал ему Хайдеггер. В таком случае критика Хайдеггером

нигилистического забвения бытия метафизикой как основание для перехода к подлинному онтологическому вопрошанию может пониматься как переходный момент для возникновения пост-хайдеггеровских онтологий постмодерна и деконструкции, в которых, в первую очередь, будет поставлен под вопрос сам дискурс подлинности как отмеченный знаком завершающейся эпохи модерна. Для Деррида, к примеру, сама претензия на единственную подлинность как раз выдает скрывающуюся в ней неискоренимую интенцию неподлинности, что и делает ее объектом деконструктивистской критики.

Рассмотрим подробнее это пограничное состояние хайдеггеровской мысли между онтологическими поисками модерна и их восприятием современной онтологией уже вместе с постмодернистскими онтологическими инновациями. Оговоримся, что под онтологическим постмодернизмом мы здесь будем иметь в виду, прежде всего, деконструктивистскую критику хайдеггеровского онтологического проекта. Критику, которая тем не менее этот проект продолжает, придавая пониманию современности в онтологии существенно пост-хайдеггеровские черты.

Постановка проблемы бытия в фундаментальной онтологии Хайдеггера осуществлялась как критика четырех основных тезисов метафизики о бытии в истории философии. Как пишет сам Хайдеггер в «Основных проблемах феноменологии»: «Разбор этих тезисов должен заодно познакомить нас с феноменологическим способом разработки проблем, относящихся к бытию. В качестве таких тезисов мы выбираем четыре: 1. Тезис Канта: бытие не есть реальный предикат. 2. Восходящий к Аристотелю тезис средневековой онтологии (схоластики): к бытийному устройению сущего относятся чтобытие (essentia) и бытие в наличии (existentia). 3. Тезис онтологии Нового времени: основные способы бытия суть бытие природы (res extensa) и бытие духа (res cogitans). 4. Тезис логики в самом широком смысле: всякое сущее без ущерба для присущего ему способа быть позволяет говорить о себе посредством “есть”» [1, с. 18]. Каждый тезис новой фундаментальной онтологии яв-

ляется результатом критики соответствующего тезиса о бытии в истории метафизики. Так, результатом фундаментально-онтологической критики первого тезиса является выявление онтологической разницы бытия и сущего. Критика второго тезиса приводит к обнаружению особого сущего, «вот-бытия», *Dasein*. В критике третьего и материализм, и идеализм подводятся под единое метафизическое основание, подлежащее онтологическому пересмотру, критика четвертого соотносит вопрос об истине с присутствием спрашивающего в собственном бытии.

Современная онтология постмодерна и деконструкции каждый из этих вновь полученных четырех тезисов фундаментальной онтологии Хайдеггера, в свою очередь, подвергает критике. Различие между бытием и сущим рассматривается уже не с точки зрения преимущества бытия, а с позиции онтологического приоритета универсального принципа различия как над сущим, так и над бытием. Аналитика *Dasein* второго тезиса подвергается критике как логоцентрическая метафизика присутствия. Единое метафизическое основание третьего тезиса критикуется с позиций невозможности признания только одного начала или основания. И, наконец, истина в онтологии связывается уже не с присутствием спрашивающего, а с диапазоном означивания бытия в языке.

Подобная «критика критики» показывает, что онтология Хайдеггера является переходной между так называемой «до-хайдеггеровской» («метафизической») онтологией и современной, «пост-хайдеггеровской» онтологией, ставящей под сомнение возможность, да и необходимость «преодоления метафизики». И если критика метафизики фундаментальной онтологией вполне вписывается в концептуальные границы модернизма, то критика самой фундаментальной онтологии осуществляется уже за пределами модернизма и может быть охарактеризована как постмодернистская.

В таком представлении постмодернизм – это отнюдь не то, что автоматически наступает вслед за модернизмом, по крайней мере в онтологии, потому что многие философы, которые хронологически писали свои работы после Хайдеггера, либо продолжали онтологический дискурс модерна, как Т. Адорно, Х.-Г. Гадамер или Ю. Хабермас, либо вообще не дошли до модерна. Смысл постмодернистского подхода к философии открывается только после прохождения определенных этапов модерна, в частности, для деконструкции хайдеггеровское отождествление философии с онтологией является одной из необходимых точек отсчета. Если же эти этапы не проходить или же пытаться продлевать в стиле

«незавершенного проекта» Хабермаса их до бесконечности, то, к примеру, останавливаясь на Адорно, Хайдеггере и Витгенштейне, мы вполне можем счесть, что постмодерн это некое окраинное явление на границах модерна, и модерн не только не закончился, но и продолжается. И тогда в современности ничего кроме модерна нет, ведь, в конце концов, модерн – это тоже современность.

Таким образом, в случае с модерном и постмодерном перед нами предстают два типа современности, разделяемых своим отношением к истории. В модерне очень сильна связь современности и истории, настолько, что можно говорить, в духе Бодрийяра, о своего рода «эвклидовой геометрии» линейной истории, продолжающей себя в будущее. Здесь можно вспомнить ницшеанского «философа будущего» или хайдеггеровскую надежду на понимание его текстов через несколько столетий. Постмодерн же понимает историю нелинейно, смешивая разные исторические пласты, допуская обратимость исторической герменевтики, возможность начинать историю с любого места в рамках преодоления модернистского мифа об абсолютности начала и необходимости возвращения к этому началу, что хорошо заметно у Ф. Ницше и Хайдеггера в их подчеркивании роли досократиков. В модерне эта фигура возвращения, наряду с осознанием необходимости, содержит не менее сильное ощущение невозможности этого возвращения, что открывает путь для философского осмысления нигилизма.

Вопрос о нигилизме вслед за Ницше с новой силой поднимает в своем позднем творчестве Хайдеггер, начиная с курса лекций о Ницше в 1930–1940-е гг., где эта проблема ставится, и заканчивая публикацией «Европейского нигилизма» в 1967 г. Осмыслению нигилизма Хайдеггер придает ключевое значение: нигилизм становится судьбой сущего, судьбой онтологии. В традиции Хайдеггера, точнее в ницшеанско-хайдеггеровской традиции, нигилизм неизбежен, нигилизм становится судьбой сущего, судьбой Европы, судьбой мышления.

Однако здесь можно задать встречный вопрос: не является ли подобное понимание нигилизма замкнутым исключительно внутри парадигмы модерна, возможна ли онтология за пределами нигилизма и так уж ли неизбежен нигилизм?

Положительный ответ на этот вопрос возможен именно вне измерения модернизма как с позиции немодернистского, так и с позиции постмодернистского взгляда на вещи. Примером первого может служить философия А. Ф. Лосева,

который обращается к столь не любимому Ницше и Хайдеггером платонизму, примером второго – деконструкция Ж. Деррида.

В качестве альтернативного проекта платонизм, в той его форме, над которой размышлял Алексей Федорович Лосев, вполне может служить «лекарством» от модернистского «переворачивания платонизма», помогающим задать вопрос о причинах постулируемой у Хайдеггера исторической неизбежности нигилистической интерпретации бытия. Одно дело, когда мы исходим из того, что послание бытия, которое открывается мыслью, «изначально», т.е. с самого начала метафизики является нигилистическим. Другое дело, когда мы вообще не исходим из этой парадигмы. И тогда то, что кажется само собой разумеющимся в хайдеггерианской перспективе, с точки зрения Лосева таковым вовсе не выглядит. Отсюда вопрос о нигилизме, о смысле нигилизма и о том, каким образом можно этот нигилизм, если не преодолеть (поскольку нет смысла преодолевать нигилизм, если это не нигилизм внутри собственного мышления), но посмотреть на него другими глазами. Слабостью философии Хайдеггера, открывающей возможность критики его онтологических позиций, здесь становится опора на Аристотеля при почти полном игнорировании платонизма. Как раз этим и воспользовался Лосев для обоснования своего видения онтологической современности.

Термин «онто-историзм», который в свое время Карл Лёвит употребил для обозначения сущности хайдеггеровского взгляда на философию, вполне коррелирует с введением проблематики нигилизма в область онтологии. Еще Ницше в работе «Сумерки кумиров, или Как философствуют молотом» рисует картину поэтапного вытеснения истины на периферию или деградации истины, т.е. истина не развивалась с течением времени, как полагал тот же Гегель, а, наоборот, деградировала от форм первоначального заблуждения (по Ницше, начиная от форм сократического и платоновско-аристотелевского заблуждения) вплоть до позитивизма, принимая на разных этапах метафизики формы усиливающегося нигилизма. Лосев не соглашался с подобной трактовкой вопроса просто потому, что понимание, будто истина имеет свои этапы развития, тоже является для философии отнюдь не обязательным. В конце концов, открытие историчности истины это тоже определенный этап, который начинается от эпохи романтизма и философии Гегеля и заканчивается, собственно, хайдеггеровской мыслью.

Критике историчности истины близка и деконструкция, которая ставит под сомнение поня-

тие истории и все онтологические предпосылки, которые исходят из того, что история является частью онтологии. Вполне возможна онтология без истории – вот о чем говорит деконструкция. В эстетике понятие историзма прочно связано с понятием модерна: модерн самоисторизируется, и историзирует действительность: в этом смысле модерн начинается даже не с учеников Гегеля, как считает Хабермас, а с самого Гегеля.

Модерн – это ощущение того, что мы находимся в потоке истории, что истина сопровождает поток истории, что она находится не вне истории, как у Платона, Аристотеля и даже еще у Канта, но обнаруживается именно в потоке истории. И марксизм, и даже позитивизм, который следит за видоизменениями научного знания в истории, – это отражение онто-исторической точки зрения. Но, подчеркнем еще раз, это не единственно возможная точка зрения. И в самом деле, точно так же, как Хайдеггер критикует метафизику, можно критиковать уже самого Хайдеггера с точки зрения той же метафизики. Хайдеггер исходит из фундаментального онтологического различия между бытием и сущим и стремится показать, показывает, что характерное для метафизики отождествление бытия и сущего является недостаточным, и вследствие этого необходимо их различать. Но, с другой стороны, почему бы не сделать обратный ход, не последовать за Платоном и Аристотелем в их отождествлении бытия и сущего и посмотреть, чем, с такой точки зрения, будет выглядеть философия тех, кто пытался преодолеть метафизику? Тогда как раз философия Хайдеггера предстанет проявлением нигилизма.

С этой точки зрения главным аспектом нигилизма в онтологии является, по сути дела, утрата архитектоники познания: платонизм и аристотелизм выстраивают познание сущего исходя из аналогии, поэтапного, аналогического познания, причем эти этапы связаны с мышлением и не зависят от истории поисков истины. С точки зрения Ницше или Хайдеггера, истину, о которой говорят платонизм и метафизика, вообще познать невозможно, можно лишь пребывать при ее историческом свершении, каждый этап которого открывает только одно исторически обусловленное явление истины бытия. Как отмечает С. М. Малкина, «Хайдеггер исходит из того, что сам по себе вопрос о преодолении метафизики историчен, он возникает в конкретную эпоху. Поэтому вопрос о сущности и преодолении метафизики требует бытийно-исторического осмысления, рассмотрения истории отношения бытия и философии. Вообще история нигилистического развертывания метафизики совпа-

дает у Хайдеггера с историей бытия, где самым существенным из вопросов является вопрос об истине» [2, с. 67]. Следствием такого понимания истины является то, что вне онто-исторического измерения истина как таковая для онто-историзма просто не существует. Нам может быть доступна только некая историческая редакция истины в «послании» бытия.

Гегель объявил свою редакцию окончательной, но, естественно, что она не была таковой и не могла ею быть в силу самой онто-исторической логики мышления, которая превосходила даже логику Гегеля. В онто-историзме после Гегеля происходит последовательное разрушение структуры анагогического познания в онтологии. Если познание истины бытия у Платона, Аристотеля и даже еще у Гегеля имеет ряд последовательных «уровней» восхождения, у Ницше оно пребывает исключительно в плоскости метафизического заблуждения. Истина, по Ницше, постигается через мгновенный акт ее осознания. Примером этому служит афористичный стиль, поскольку афоризм нацелен как раз на мгновенный акт осознания и понимания. Дальше – собирание «мозаики» мгновенных актов осознания, прочерчивание линий, то, что Ницше называет «перспективизм». Но перспективизм был еще у Платона и Аристотеля, где он рассматривался как предварительный набросок мысли. То, что было предварительным для мысли Платона и Аристотеля, у Ницше становится окончательным. Отсюда притязание онто-историзма на тотальную смену стиля философии.

Философия постмодерна, во многом отталкиваясь от модернистской критики прежней онтологии у Ницше и Хайдеггера, осуществляет добавочную критику онто-исторических оснований. В этом плане они выходят за пределы онто-историзма, а значит и нигилизма, который в онтологии связан именно с онто-историческим пониманием сущности. Например, когда я задаю простой вопрос «что это?» и отвечаю «ваза», я указываю на метафизическую сущность, согласно Аристотелю. А если на вопрос «что такое ваза?» я начинаю онто-исторически отвечать, как ваза возникла – об изначальности вазы, затем начинаю говорить о том, что ваза прошла определенный этап формирования, я подменяю вопрос «что это такое?» на онто-историческое освещение вопроса. И в результате это приводит к нигилизму именно в отношении сущности.

Чем отличается понимание сущности в онто-историзме? Сущность никогда не дана, она всегда становится, всегда находится в состоянии собственного исторического становления, т.е.

истина, по сути, никогда невозможна. Онто-историзм, в конечном итоге, превращается в софистику. А часто обвиняемая в софистике деконструкция, с этой точки зрения, наоборот, через критику софистики стремится обнаружить основополагающие условия философствования.

Существует хороший тезис, который предложил в свое время Жан Бодрийяр, что метод исследования, чтобы быть адекватным, должен соответствовать своему объекту. Это означает, что не существует независимых от объектов методов исследования, равно как нет и самостоятельных объектов, существующих вне соответствующей методологии их рассмотрения. Если мы исследуем Канта, мы должны, что называется, инфильтроваться внутрь кантовской мысли, находить траектории смыслов, которые пронизывают текст Канта. Если мы изучаем Платона или Хайдеггера, то мы должны делать то же самое, но уже применительно к Платону или к Хайдеггеру. Отсюда философия постмодерна и деконструкции делает вполне закономерный вывод: не существует единого онто-исторического движения мысли, будь то гегелевское завершение философии либо ницшеано-хайдеггеровский нигилизм, поскольку сам концепт модернистского совпадения онтологии и истории как раз и ставится под сомнение: существуют лишь разные дискурсы самоисторизации.

Я не буду говорить сейчас об онтологической эстетике постмодерна, о том, как это связано с Джойсом, с его романами – и с «Улиссом», и с «Поминками по Финнегану», о чем много писали еще Ж. Деррида и У. Эко. Но в целом в онтологии современность образуется единым дискурсивным пространством модерна и постмодерна, которые в этом пространстве спорят, пересекаются и взаимодействуют между собой. Но, с другой стороны, проблема современности в том, что если мы посмотрим на современное мышление, то оно пытается идти дальше, за пределы постмодерна, хотя современная философия пока и не определилась, что это может означать. Тут возникает такая же дилемма, как в случае с модернизмом: либо постмодернизм все же заканчивается, и тогда возникает вопрос о том, как может закончиться его вовсе не предусматривающий конца «трансфинитный универсум», либо он продолжает расширять свои границы. Хотя понятно, что проект постмодерна может оказаться несостоятельным именно при отсутствии позитивного противовеса собственной критике модернизма, отсутствии своего рода положительной динамики, возможности которой исследуются, пожалуй, только в деконструкции Деррида.

Подведем некоторые итоги: философия постмодерна, или онтология постмодерна (причем уже не только у Деррида) – это выход за пределы исторического измерения с его тесной связью онтологии и истории. Речь уже не может идти о том, что когда-то был Платон, а мы развились настолько, что оставили его далеко позади и теперь вместе с Ницше и Хайдеггером входим в новую онто-историческую эпоху, поскольку Платон преодолен или Ницше как последний метафизик преодолен. Деконструкция пробуждает философию от онто-исторического сна, онтология становится постисторической. Исчезает цель логоцентрического конструирования

единого смыслового поля истории онтологии. И если онтологический модернизм ставит вопрос об обретении смысла бытия – нужно осмелиться сделать и следующий ход: увидеть, что он больше, чем один.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. 448 с.
2. Малкина С. М. Преодоление метафизики и судьба бытия в философии М. Хайдеггера // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 1. С. 66–77.

Образец для цитирования:

Косыхин В. Г. Хайдеггер, нигилизм и завершение онто-исторического проекта модерна // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 393–397. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397.

Heidegger, Nihilism and Completion of the Onto-Historical Project of Modernity

Vitaliy G. Kosykhin

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: Kosyhinvg@rambler.ru

The article considers the difference between the philosophical projects of modernism and postmodernism through an analysis of the notion of onto-historicity as characteristic of the modernist type of ontological thinking. It is asserted that Heidegger's philosophy of being acts as a boundary condition between ontological searches of modernity and their perception by modern ontology, which determines its significance. Heidegger's critique of the theses of being in classical ontology and the criticism of fundamental ontology by the philosophy of postmodernism and deconstruction is analyzed. The interrelation of onto-historicism with the treatment of nihilism in the philosophy of F. Nietzsche and M. Heidegger is shown. The specifics of the modernist and postmodern types of attitudes toward the history of philosophy, nihilism and overcoming metaphysics is revealed. Thus, in the case of modernism and postmodernism, we are faced with two types of modernity, shared by

their relation to history. In modernism we are talking about a kind of "Euclidean geometry" of linear history, continuing itself into the future. Postmodernism understands history nonlinearly, mixing different historical layers, allowing the opportunity to begin history from any place in the framework of overcoming the modernist myth of the absoluteness of the beginning. The present state of philosophy is understood as the situation of the completion of the onto-historical project of modernity.

Key words: nihilism, onto-historicism, modernism, postmodernism, deconstruction.

References

1. Heidegger M. *The basic problems of phenomenology*. Bloomington & Indianapolis, 1988. 432 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Osnovnye problemy fenomenologii*. St. Petersburg, 2001. 448 p.).
2. Malkina S. M. Preodolenie metafiziki i sudba bytiya v filosofii M. Khaydeggera [Overcoming metaphysics and destiny of being in M. Heidegger's thought]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University], 2011, vol. 153, no. 1, pp. 66–77 (in Russian).

Cite this article as:

Kosykhin V. G. Heidegger, Nihilism and Completion of the Onto-Historical Project of Modernity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 393–397. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397.

УДК 111.1:1; (091) (44): 141.131; 502.12:1

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Мартынович Сергей Федорович — доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: sfmart@mail.ru

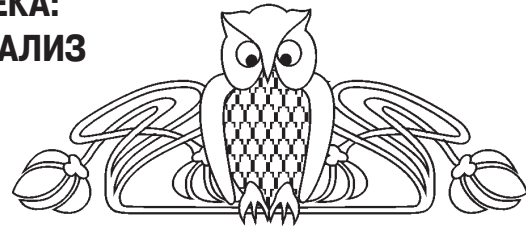
Орлов Михаил Олегович — доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: orok-saratov@mail.ru

В статье проводится анализ философских понятий, обращенных, в конечном счете, на познание человека. Историко-философская мысль пытается осмыслить и выразить в языке парадоксальную природу человека, сущность личности как бытия человека в мире. Человек — существо, характеризующееся дуализмом титанического и дионисийского начал, единством души и тела. Устанавливается, что в философском дискурсе человек понимается как существо разумное и политическое, деятельное и продуктивное, несамодостаточное и нуждающееся в другом субъекте, природное, социальное и личностное. Всё это свидетельствует об антропном единстве бытия и небытия, природной и культурной реальности. Базовыми категориями европейской философии для описания бытия человека в мире оказываются непрерывное становление и творчество. Исторически конкретное философское учение, познавая человека, конструирует его образ, норму и идеал, они соответствуют конкретному обществу и культуре в ее наличном бытии. Поэтому культура не владеет представлением о человеке как таковом, но хорошо знает конкретный исторический, ценностный, научный и правовой образ субъекта, который раскрывается в нормах, идеалах и ценностях. Как показывает проведенное исследование, в переломные и катастрофические периоды жизни социума происходит разлом исторических способов бытия человека, возникает неизбежность переоценки всех ценностей, образа человека в истории культуры. В этих условиях философы, осмысляя многомерного человека в пространстве многомерной рациональности, не могут позволить себе игнорировать ни один элемент человеческого опыта, элиминируя его из поля своего интеллектуального рассуждения. Философское понимание человека задано конкретной культурой и, следовательно, ценностно ориентировано в двух отношениях: в аспекте бытия и в аспекте познания.

Ключевые слова: онтология и теория познания, аксиология бытия человека и общества, история западной философии, социальный анализ современной цивилизации.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-398-404

Жизнь человека, социальных общностей, человеческого рода проблематизирована. Человек рождается и становится, развивается и умирает. Изменение — признак бытия человеческого индивида и рода. Существуют ли варианты, определяющие, направляющие и ориентирую-

щие человека, социальные общности, человечество в их жизни и деятельности?

Своеобразным релятивным инвариантом человеческого бытия оказывается производство и потребление, обмен товаров и движение капитала, язык и мышление, ценности и нормы, синтезированные в исторически определенную культуру. Релятивность надындивидуальных эволюционирующих инвариантов жизнедеятельности человека, сбои, возникающие в культуре, распад социальных общностей, нарастание проблем, переживаемых человеком на рубеже тысячелетий, — все это и многое другое побуждает обратить особое внимание человека на самого себя, задуматься о своей природе, о ее действительности и ее возможностях.

Проблематизация человеческого бытия инициирует человека не только к самопознанию, но и к творчеству. В условиях проблематизации бытия и сознания ценности жизни — самопознание и творчество — рассматриваются как императив, «веление времени». Установка культуры на познание человеком самого себя — величайшая из творческих задач, её осмысление — дело философии, которая формирует для этого специальный язык: в нем находится место для понятий, обозначенных словами родного языка, но их смысл оказывается не очевидным.

Все понятия философии обращены, в конечном счете, на познание человека: бытие — небытие — мышление, сознание — материя, дух — природа, культура — натура, телесность — душевность — духовность, абстрактное — конкретное, я — не я — другой. Философская мысль есть усилие человечества осмыслить сверхмыслимую, выразить невыраженную, понять парадоксальную природу человека, сущность личности как сверхкультурного бытия человека в мире.

Какие свойства человеческой природы находятся на горизонте очевидностей теоретически подготовленного (запрограммированного?) человека? На этот вопрос отвечает история философской мысли. Он — существо, характеризующееся орфическим дуализмом титанического и дионисийского начал, пифагорейским дуализмом

души и тела. Человек в изысканиях философов понимается как существо разумное и политическое, деятельное и продуктивное, конкретное в своей телесно-душевно-духовной определенности, несамодостаточное и нуждающееся в другом, природное, социальное и личностное. Он (человек) – конечное единство бытия и небытия, конкретная космо- и бионическая психическая и социальная реальность. Он – непрерывное становление и творчество.

Интересно, что, абстрактно размышляя, к человеку можно отнести все мыслимые, категориально философией заданные характеристики. Это может означать, что исторически конкретное философское учение, познавая человека, конструирует, задает его образ, норму, идеал, целесообразный культуре в ее наличном бытии. По этой, вероятно, причине культура не знает человека вообще, но хорошо знает свой образ человека, человека – норму, человека – идеал. Когда происходит разлом исторических способов бытия человека, возникает неизбежность переоценки всех ценностей и этого образа в истории культуры.

Не возникает ли в таком случае потребность различать положительную и отрицательную философскую антропологию, которые можно рассматривать как две дополнительные идейно-теоретические стратегии постижения человека? Для одной из них исходной могла бы стать идея бытия человека, для другой – идея его принципиальной непознаваемости. Не о человеке ли трактует катафатическая теология и теология апофатическая? Как поучителен этот опыт постижения человека в ином. Одной из стратегий развития философской антропологии является ее разработка как философии теологии, ее метафизики и онтологии, аксиологических, гносеологических и методологических оснований теологии в ее истории. Разработка теоретических программ постижения человека не отрицает, а предполагает его всестороннее научно-эмпирическое исследование. Все многообразие наук, созданных культурой, является в том или ином смысле науками о человеке, о различных аспектах его природы.

Философия, осмысливая многомерного человека в культуре многомерной рациональности, не может позволить себе игнорировать ни один элемент человеческого опыта, элиминируя его из поля своего умного видения. Все проявления человеческого опыта, родового опыта человечества и опыта личности, по-своему уникальные в истории, могут быть поняты как виртуальные предметы философской антропологии, взаимосвязанной со всеми областями философского познания.

Философское понимание человека культурно задано и, следовательно, ценностно ориентировано в двух, вероятно, отношениях: в аспекте

бытия и в аспекте познания. Бытие человека есть его культурное бытие. Конкретный человек есть человек наличной культуры. Познание культуры имеет конечной целью познание человека. Однако человек как личность – это и сверхкультурное бытие. Он есть конкретность, несоизмеримая с наличным бытием культуры, он не продуцируется наличной системой социально заданных ценностей. Следовательно, человек есть не столько бытие культуры, сколько ее инобытие, ее диалектическое отрицание. Он – творец культуры, он – творец ценностей. Все попытки философии типологизировать культуру, ее рациональную организацию в истории наталкиваются на феномен нетипизируемого качества в человеке, называемого личностью. Личность находится в бытии, но она сверхбытийна, личность бытийствует в мире ценностей, но она – сверхценность, так как ее сущность – быть самоценностью, ее предназначение – быть. Идея самоценности личности резюмирует всю историю человечества и открывает бесконечные возможности совершенствования культуры, бесконечные возможности творчества ценностей.

Человек как несамодостаточное, активно-деятельное и продуктивно-творческое существо нуждается в мире, в котором он живет, который он воспринимает, созерцает, изменяет, в котором осуществляет самого себя. Человек нуждается в мире природы, поскольку он является ее частью. Он овладевает природой духовно-практически посредством культуры, которая формирует социальные формы бытия человека в мире. В природно-культурном мире человек обращен к бытию другого человека и сбывается в нем. Человек нуждается в социально-культурном мире, поскольку последний определяет виртуальный универсум опредмечивания и распределмечивания его сущностных сил.

Личность как активно-деятельное и продуктивно-творческое качество человека может быть понята как свободная конкретность, как свободный конкретный дух, имеющий интенцию к бесконечности, к выходу «за пределы» наличной уникальной телесности, к желанию ее бесконечного совершенствования. Проявления личности как свободной конкретности экзистенциально противоречивы. Экзистенция может быть понята как осознанное движение конкретного духа к небытию. Логическое противоречие как отношение между утверждением и его отрицанием имеет экзистенциальное выражение. Им является отношение между бытием свободной конкретности и ее небытием. Человек решает свое экзистенциальное противоречие, он обречен на это своей природой. Он осуществляет возможность выбора между личностным бытием и небытием.

Положительный экзистенциальный выбор открывает перед Я как самосознанием моего сознания все многообразие возможностей бытия. Отрицательный экзистенциальный выбор закрывает все возможности личностного бытия, реализуя предельную экзистенциальную возможность – возможность небытия. Развивая метафизическую концепцию человеческой природы на основе методологии рационализма («Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей») [1, с. 407], Б. Спиноза постулирует: «Никакой идеи, исключаящей существование нашего тела, в нашей душе существовать не может: такая идея нашей душе противна». Доказательство этого положения великий голландский мыслитель осуществляет в постулативном духе: «В нашем теле не может существовать ничего, что могло бы его уничтожить», «первое и основное стремление нашей души <...> состоит в том, чтобы утверждать существование нашего тела, а потому идея, отрицающая существование нашего тела, нашей душе противна, что и требовалось доказать» [1, с. 465]. По Спинозе, первое, что составляет сущность души, есть идея актуально существующего тела.

Рационалистический метод и своеобразная онтология используются Спинозой для обоснования понятия сущности души, которая рассматривается как определяющая основное стремление нашей души. Если сущность нашей души состоит в идее актуально существующего нашего тела, то основное стремление нашей души состоит в утверждении существования нашего тела. С этим оптимистическим выводом трудно согласуется практика суицида, имеющая историю, равную, вероятно, истории человечества. Умозрительный подход новоевропейской метафизики к проблеме человека не выдерживает сопоставления с социальной реальностью.

Э. Дюркгейм, выявляя причины самоубийства, подчеркнул роль стагнации ценностных факторов в механизме этого феномена. Понимая человека как своеобразное единство «человека физического» и «человека социального» [2, с. 223–262], он показал взаимодействие норм и ценностей в формировании и поведении человека. Причем у каждого из типов самоубийств, по типологии Э. Дюркгейма, своя взаимосвязь ценностных и нормативных факторов в детерминации поведения человека. Особо следует выделить в этой типологии так называемый аномический тип, который связан с разрушением целостности ценностно-нормативных ориентиров наличного бытия культуры.

Феномен аномии значим при осмыслении статуса ценностных оснований бытия человека, их роли в жизни личности и общества,

при осмыслении способа функционирования, механизмов разрушения, преобразования и становления новой системы ценностных оснований жизни человека и общества. Аномное поведение личности есть свойство типизированного, стандартизированного, технизированного бытия инновационного общества, для которого характерна стагнация роли социальных ценностей и целей, идеалов и норм. Аномизация психологии, сознания членов социальной общности есть духовная предпосылка различных форм саморазрушения личности, в том числе и суицида. Особенностью аномного сознания и самосознания является противоречие между продуцированием однотипных ценностей и целей индивидуального успеха и массовыми отрицательными самооценками членами общества результатов собственной жизнедеятельности.

В ценностном мире аномного самосознания ценность творчества и творчество ценностей становятся исчезающей малой «величиной». Аномность самосознания и его креативность тождественны лишь формально-отрицательно, их различие содержательно. Аномность есть ценностный нигилизм, а креативность есть ценностное творчество [3].

Творческое действие человека описывается модальными понятиями возможности, действительности, необходимости, невозможности. В многообразии возможных вариантов творческого действия человек выбирает некоторые из них как под влиянием внешних обстоятельств, так и на основе ориентации на определенные ценностные реалии. Характер обусловленности творческого действия двойственный. Многозначно отношение человека к ценностям и целям, идеалам и нормам. Ценностно-нормативную обусловленность творческого действия можно описывать концептуальными оппозициями контрадикторного типа, например, понятиями номического и аномического действия. Нравственные и религиозные, эстетические и научно-познавательные, экономические и политические ценности как своеобразный закон идеального бытия определяют творческое действие посредством ориентации в выборе некоей возможности из практически неограниченного их многообразия.

В основании всех форм, видов и типов выбора находится экзистенциальный выбор. Однако экзистенциальный выбор и аксиологический связаны отношениями взаимной обусловленности. Чем обусловлен положительный экзистенциальный выбор человека? Было бы неоправданным полагать, что абсолютное большинство людей («нормальные» люди) всегда предпочитают положительное отрицательному в экзистенциальном выборе, что так было или будет всегда и что поэтому данный

вопрос является теоретическим. Философия как мышление об основаниях человеческого бытия должна ставить вопрос о природе ценности жизни, о причинах аксиологического предпочтения бытия небытию и об условиях, изменяющих или отменяющих подобное предпочтение. Конечно, человеческие сообщества на являются аналогом стай китов, время от времени выбрасывающихся на побережье океана, однако подобные феномены коллективного отрицательного экзистенциального выбора характерны и для людей.

Предпочтение человеческого бытия небытию, что, как кажется, естественно для человека, как если бы оно было обусловлено генетически, есть либо экзистенциальная интуиция, либо аксиологическая рефлексивная санкция я: самосознание разрешает себе быть. Решая быть, человек может негативно оценивать наличные способы бытия в мире. Принципиально значимо различать признание ценности человеческого бытия и возможное отрицание ценности конкретных способов наличного бытия. Отношение к небытию глубоко проникло в историю культуры. Отрицательное отношение к феномену смерти человека в бытовавших мифах и в мифологии современных народов выражается в идее бессмертия высшего существа и в идее человека, подобного творцу, но не обладающего свойством бессмертия.

В мифориентированном понимании феномена человеческого небытия актуальна роль лингвокультуры, которая обуславливает в определённых формах обрядовые действия. Известно, например, что в мифах славянских народов аксиологически отрицательный образ смерти реализуется в виде чучела человека женского пола, в культуре германских народов – мужского. Это различие можно объяснить особенностями лингвокультуры данных народов: в славянских языках слово «смерть» женского рода, в немецких – мужского. Отмеченная лингвоспецифика определила подбор исполнителей обрядов смерти: у славянских народов образ смерти в таких обрядах исполняют, как правило, девушки, у немцев – юноши.

В мифокультурах отношение к смерти и к умершему человеку амбивалентно: погребальные обычаи строятся так, что умерший и изолируется, и сохраняется в некрополях вблизи поселений; он рассматривается виртуально – и как благодетель, и как вредоносный дух.

Осмысление феномена смерти человека в научном познании и в медицинской практике подчинено, казалось бы, продлению жизни человека по его желанию, что проблематизирует в более широком контексте понимание человека как рационально действующего существа.

Творческая деятельность человека описывается концептуальными оппозициями контра-

дикторного (следовательно, и контрарного) типа. Контрадикторные концептуальные оппозиции описывают весь универсум возможностей деятельности определённого вида, а свобода человека такова, что он «все может» в том смысле, что может реализовать любую из реальных возможностей определённого универсума возможностей. Так, он может быть и/или не быть, иметь и/или не иметь, творить и/или не творить. Его деятельность может быть номичной и/или аномичной, рациональной и/или нерациональной, телеономичной и/или нетелеономичной и т. п.

Возможно, многочисленных конфликтных ситуаций между поборниками безудержной свободы самовыражения и защитниками унаследованной от прежних поколений этических принципов можно было бы избежать, если бы в 1947 г. был услышан голос Американского антропологического общества. Лидеры общества указали на проблему, которую не смогла решить принятая в том же году Декларация прав человека: «С одной стороны, справедливо подчеркнуты забота и уважение к индивидууму и его право на развитие в качестве полноправного члена общества. Однако в поддержании мирового порядка не менее важно точно такое же уважение к культурам различных человеческих групп» [4, с. 93]. Как показали последующие десятилетия, американские антропологи оказались глубоко правы, увидев конфликтный потенциал недоработанности системы прав человека: защищаются его права как индивидуализированного субъекта, но игнорируются его права как участника духовной традиции. Одномерное понимание человека заложило основы и для понимания духовной традиции как чего-то внешнего по отношению к человеку и потому не заслуживающего соответствующей защиты или хотя бы бережного отношения. В «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятых в 2008 г., подчеркивается, что в современном обществе права человека на практике приводят к реализации таких воззрений, которые в корне расходятся с христианским учением. Христиане оказываются в условиях, когда общественные и государственные структуры могут принуждать, а зачастую уже принуждают их мыслить и поступать вопреки Божиим заповедям, что препятствует достижению самой важной цели в жизни человека – избавлению от греха и обретению спасения. Декларация утверждает безусловную ценность всякой человеческой личности: «Человек как образ Божий имеет особую ценность, которая не может быть отнята. Она должна уважаться каждым из нас, обществом и государством» [5, с. 13]. С другой стороны, «существуют ценности, которые стоят

не ниже прав человека. Это такие ценности, как вера, нравственность, святости, Отечество <...> Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святых, угрожало бы существованию Отечества» [5, с. 14]. Относительно «прав человека» документ четко фиксирует позицию Православной церкви: «Права человека не могут быть выше ценностей духовного мира» [5, с. 15].

Вторым фактором, негативно повлиявшим на функционирование в западном мире социальных механизмов, направленных на сохранение собственного наследия, является пережитый во второй четверти XX столетия опыт немецкого национал-социализма и итальянского фашизма, получивших обобщенное название «фашизм». Абсолютное отрицание идеологии нацизма превратилось спустя несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны в отрицание не только фашизма, но и того, что на данный момент времени казалось политическим и общественным деятелям, журналистам и философам «фашизмом». «Когда говорят “европейское наследие”, всякий уважающий себя левый интеллектual реагирует так же, как Йозеф Геббельс реагировал на слово “культура” – он достаёт свое оружие и начинает выпаливать обвинения в протофашистском европоцентристском культурном империализме» [6, с. 284]. Принятый в 2009 г. на референдуме в старейшей демократической стране Европы Швейцарии запрет на строительство мечетей вызвал у премьер-министра Турции Р. Эрдогана обвинения в росте фашистских настроений в Европе [7]. Устойчивое применение в текстах западных политологов приобрел термин «исламофашизм» [8], несмотря на отрицание связи ислама и фашизма в ряде более взвешенных публикаций [9]. Один из рупоров консервативной мысли США Дж. Голдберг связывает с фашизмом всё, особенно деятельность профсоюзов [10].

Склонность к огульному обвинению в фашизме чего угодно нашло свое осмысление в научной литературе. В 1953 г. Лео Штраусом было введено понятие *reductio ad Hitlerum*, предполагающее отвержение любой точки зрения, если её так или иначе поддерживал Гитлер [11, с. 46]. Американский писатель Майк Годвин выдвинул на заре эпохи Интернета «закон Годвина об уподоблении нацизму»: «По мере возрастания онлайн-дискуссии вероятность сравнения (оппонента) с нацизмом или Гитлером стремится к единице» [12].

Подобная специфика современного интеллектуального (и не только интеллектуального) дискурса оказала существенное негативное

влияние на готовность общества к защите своих ценностей и традиций. Боязнь получить в свой адрес огульное и бессмысленное обвинение в нацизме приводит к страху показать свою приверженность к какой-либо традиции или ценностям, кроме крайне либеральных, вообще. Государство, которое призвано защищать и охранять культурное и духовное наследие страны, легко от него отказывается в угоду мнению меньшинств, которые уже давно не испытывают давления, а изобретают новые поводы для борьбы с мнимой дискриминацией [13, с. 43–47].

В рамках информационного общества человек с детского возраста подвергается значительного уровня информационному воздействию со стороны различных культур и псевдокультур (как реальных, так и фэнтезийных), ему предлагается, а часто навязывается ознакомление с совершенно различными духовными и псевдодуховными практиками. Времени и физических возможностей на изучение какой-либо из предложенных культурных традиций у человека, как правило, не остается, в результате чего поверхностная осведомленность о разных культурах переходит в глубокое невежество относительно культуры собственного народа. Нередким результатом навязанного знакомства с «традиционными ценностями» является воспитание недоверия и равнодушия к духовной сфере вообще и замыкание в личном социальном успехе либо деградации. Для молодого поколения данная ситуация отягощается частой погруженностью в «традиции», имеющие виртуальный характер – так называемые «косплеи» (костюмированное воспроизведение миров книг и фильмов в стиле «фэнтези»), а также создание глобальных компьютерных миров со своей многоаспектной культурой, погружение в которую в рамках игрового процесса может занять у человека целые месяцы, а с учетом общего количества таких игр – годы. Например, в игровой вселенной известной серии компьютерных игр «Древние свитки» («The Elder Scrolls») персонажи игроков встречаются в городах и пещерах компьютерного мира сотни различных «книг» общим объемом в несколько тысяч страниц, формирующих своеобразную и довольно целостную «культурную надстройку» игрового пространства – от мифов и исторических хроник до алхимических рассуждений и вульгарных рассказов. Широкий выбор увлекательных и красочных культурных «традиций», не требующих от человека принятия этических решений не виртуального характера, формирует также и ложное представление о традициях реальных. Последствия такого переноса норм виртуального мира на реальный очевидны в преступлении, совершенном норвежцем А. Брейвиком, усвоившим своего рода «фэнтезийное»

понимание христианства как всего лишь внешней традиции, без какого-либо жизненного понимания содержания данной традиции [14, с. 34–40].

Становление инновационной экономики и обусловленные ею постоянные изменения в жизненном мире и жизненном опыте человека являются еще одной из основных причин нарушения механизмов передачи духовного и жизненного опыта. Люди вынуждены постоянно приспосабливаться к изменениям в быту, которые претерпевают несколько циклов за время жизни одного поколения. В процессе приспособления опыт предшествующих поколений уже не может быть применен и потому не имеет практической ценности. В прежние эпохи в крестьянской, охотничьей либо мастеровой семье, из поколения в поколение занимающейся одним и тем же делом, опыт и силы старших имели практическую пользу для младших. В какой день начать посев, какую кожу выбрать для изготовления сапога, какому зверю или птице принадлежит тот или иной след – все эти неустаревающие практические знания о мало меняющемся в мире были базовым связующим звеном межпоколенческой коммуникации и передачи опыта. При ускорении темпа изменений, начавшихся с индустриальной революции и значительно ускорившихся при переходе к постиндустриальной экономике, в профессиональной деятельности и социальной жизни человека опыт, достижения, эстетические предпочтения старших поколений стали не просто не интересными для их современных потомков, но порой и непонятными. Разные поколения, действительно, стали говорить на разных языках о разных вещах. Разрыв между поколениями подчеркивается также возникшей в индустриальную эпоху практикой социализации новых поколений. Они не ощущают свою взаимную ответственность в отношении общей земли, ее прошлого, настоящего и будущего, культурного и природного достояния. Нарушение механизма передачи духовного опыта приводит к негативным последствиям, с которыми столкнулось большинство современных обществ.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что аксиологический выбор человека и общества историчен по своей природе, по генезису. Он обозначен горизонтом проблем наличного бытия, который осмысливается в культуре. Творческая, сверхнормативная, сверхкультурная природа личности оставляет открытой возможность гармонизации человечества в условиях наличного культурно-аксиологического релятивизма.

Образец для цитирования:

Мартынович С. Ф., Орлов М. О. Ценностные основания бытия человека: философский и социокультурный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 398–404. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-398-404.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации «Светское и религиозное образование: этика конфликта в условиях социального многообразия» (проект № МД-104.2013.6. (2013–2014)) и РФФИ (проект № 15-33-12009 «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс»).

Список литературы

1. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произв. : в 2 т. М., 1957. Т. 1. 407 с.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. М., 1994. 399 с.
3. Орлов М. О., Мокин Б. И. Человек – ты кто? Историко-философский анализ проблемы человека в аспекте организационной концепции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 40–47.
4. Щаранский Н. ID : identity и её решающая роль в защите демократии. М. ; Иерусалим, 2010. 263 с.
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Приняты Архиерейским собором РПЦ. М., 2000. 18 с.
6. Жижек С. Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии. М., 2014. 528 с.
7. Эрдоган : Запрет минаретов – признак фашизма // Аль-Бурак. Ислам в России и за рубежом : [официальный сайт]. URL: http://islaminnussiaandabroad.blogspot.ru/2009/12/blog-post_5585.html (дата обращения: 15.01.2015).
8. Podhoretz N. World War IV: The long struggle against islamofascism. N.Y., 2007 // Air Power Australia. URL: <http://www.ousairpower.net/DT-Islamo-Fascism-2007.html> (дата обращения: 15.01.2015).
9. Safire W. Islamofascism // The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2006/10/01/magazine/01wwln_safire.html?_r=3& (дата обращения: 15.01.2015).
10. Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М., 2012. 512 с.
11. Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007. 312 с.
12. Godwin M. Meme, counter-meme // Wired. URL: http://archive.wired.com/wired/archive/2.10/godwin.if_pr.html (дата обращения: 15.01.2015).
13. Орлов М. О. Категориальный анализ энергийных составляющих динамики социума // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6, вып. 1. С. 43–47.
14. Орлов М. О. Дискурсивное управление социальной динамикой глобальных процессов: социально-политическая сфера // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 34–40.

Value Foundations of Human Existence: Philosophical and Sociocultural Analysis

Sergey F. Martynovich, Mikhail O. Orlov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: orok-saratov@mail.ru, ssmart@mail.ru

The article analyzes the fact that all concepts of philosophy are ultimately focused on human cognition. Historical and philosophical thought tries to comprehend and express in the language the paradoxical nature of man, the essence of the personality as the being of man in the world. Man is a being characterized by the dualism of the Titanic and Dionysian principles, the unity of the soul and body. It is established that in a philosophical discourse a person is understood as being a reasonable and political being, active and productive, not self-sufficient and in need of another subject, natural, social and personal. All this testifies to the anthropic unity of being and non-existence, natural and cultural reality. The basic categories of European philosophy for describing the existence of man in the world are continuous formation and creativity. Historically, a concrete philosophical doctrine, knowing a person, constructs its image, norm and ideal, they correspond to a specific society and culture in its actual being. For this reason, culture does not possess the concept of a person as such, but knows well the specific historical, value, scientific and legal image of a subject that is revealed in norms, ideals and values. As the study shows, in the critical and catastrophic periods of the life of the society there is a breakdown in the historical ways of being a person, there arises the inevitability of reassessing all values, the image of a person in the history of culture. In these conditions, philosophers, understanding a multidimensional person in a space of multidimensional rationality, can not afford to ignore any element of human experience, eliminating it from the field of their intellectual consideration. Philosophical understanding of man is given by a specific culture and, consequently, is value-oriented. In two respects: in the aspect of being and in the aspect of cognition.

Key words: ontology and epistemology, axiology of human being and society, history of western philosophy, social analysis of modern civilization.

Acknowledgements: *The work was supported by the grant of the President of the Russian Federation "Secular and religious education: ethics of the conflict in conditions of social variety" (project no. MD-104.2013.6. {2013–2014}) and the Russian Foundation for Basic Researches (project no. 15-33-12009 "Russia in 1917: institutional resource, social risks and civilization collapse").*

References

1. Spinoza B. *De Ethics*. Chicago, 1993. 697 p. (Russ. ed.: Spinoza B. *Etika*. Spinoza B. *Izbr. proizv.*: v 2 t. Moscow, 1957, t. 1. 407 p.).
2. Durkheim E. *On suicide*. Glencoe, 1951. 405 p. (Russ. ed.: Durkheim E. *Samoubiystvo*. Moscow, 1994. 399 p.).
3. Orlov M. O., Mokin B. I. Chelovek – ty kto? Istoriko-filosofskiy analiz problemy cheloveka v aspekte organizatsionnoy konceptsii [People – you who? The historico-philosophical analysis of a problem of the person in aspect of the organizational concept]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 40–47 (in Russian).
4. Shcharanskiy N. *ID: identity i ee reshayushhaya rol v zashhite demokratii* [ID: identity and its crucial role in protection of democracy]. Moscow, Ierusalim, 2010. 263 p. (in Russian).
5. *Osnovy sotsialnoy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Prinyaty Arhiereyskim soborom RPTs* [Bases of the social concept of Russian Orthodox Church. Are accepted by the Hierarchal cathedral of ROC]. Moscow, 2000. 18 p. (in Russian).
6. Zhizhek C. *Ticklish subject. The absent center of political ontology*. London, New York, 1999. 480 p. (Russ. ed.: Zhizhek S. *Shchekotlivyy subekt. Otsutstvuyushhiy tsentr politicheskoy ontologii*. Moscow, 2014. 528 p.).
7. "Erdogan: Zapret minaretov – priznak fashizma" ["Erdogan: The ban of minarets – a fascism sign"]. *Al-Burak. Islam v Rossii i za rubezhom* [Islam in Russia and abroad. Official site]. Available at: http://islaminrus-siaandabroad.blogspot.ru/2009/12/blog-post_5585.html (accessed 15 January 2015) (in Russian).
8. Podhoretz N. *World War IV: The long struggle against islamofascism*. New York, 2007. *Air Power Australia*. Available at: <http://www.ausairpower.net/DT-Islamo-Fascism-2007.html> (accessed 15 January 2015).
9. Safire W. *Islamofascism*. *The New York Times*. Available at: http://www.nytimes.com/2006/10/01/magazine/01wwln_safire.html?_r=3& (accessed 15 January 2015).
10. Goldberg J. *Liberal fascism*. New York, 2009. 498 p. (Russ. ed.: Goldberg Dzh. *Liberalnyy fashizm*. Moscow, 2012. 512 p.).
11. Strauss L. *Absolute law and history*. London, 1992. 241 p. (Russ. ed.: Strauss L. *Estestvennoe pravo i istoriya*. Moscow, 2007. 312 p.).
12. Godwin M. Meme, counter-meme. *Wired*. Available at: http://archive.wired.com/wired/archive/2.10/godwin.if_pr.html (accessed 15 January 2015).
13. Orlov M. O. Kategorialnyy analiz energiynykh sostavlyayushchikh dinamiki sotsiuma [Categorical analysis of the energetic components of the dynamics of society]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2006, vol. 6, iss. 1, pp. 43–47 (in Russian).
14. Orlov M. O. Diskursivnoe upravlenie sotsialnoy dinamiko globalnykh protsessov: sotsialno-politicheskaya sfera [Diskursiv management of social dynamics of global processes: socio-political sphere]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, iss.1, pp. 34–40 (in Russian).

Cite this article as:

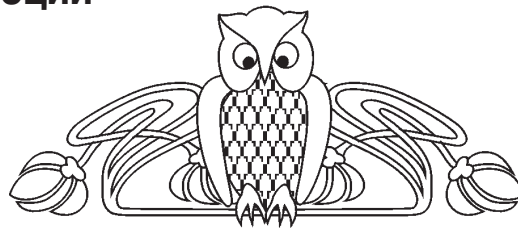
Martynovich S. F., Orlov M. O. Value Foundations of Human Existence: Philosophical and Sociocultural Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 398–404. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-398-404.

УДК 1(091)

СУБЪЕКТ ВЛАСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ РЕВОЛЮЦИЙ В. И. ЛЕНИНА И М. ВЕБЕРА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Рожков Владимир Петрович — доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье проводится сравнительный анализ выделения субъектов власти в концепциях революций В. И. Ленина и М. Вебера. Историко-философский характер решения поставленной задачи позволяет аргументировать выбор для сопоставления концептуальных положений, отражающих вполне определенные революционные события 1905–1917 гг. в России. Автор доказывает, что различия в теоретических построениях Ленина и Вебера по рассматриваемому вопросу обусловлены, прежде всего, принципиальной разницей в применяемой им методологии. Российский марксист формирует методологическое основание, обращаясь к историческому материализму, формационному и классовому подходам. На этом основании в период революции 1917 г. им аргументируется идея слома буржуазного государственного аппарата и утверждения государства диктатуры пролетариата в форме Советов, объединяющих в своей структуре и представительную, и исполнительную власть, которая опирается на вооруженную силу рабочих, солдат и матросов. Немецкий социолог исходя из понимания смысла действия индивида, личности в создании методологического ресурса изначально апеллирует к отношениям между людьми, к их призванию и профессии. Реализуя этот подход, он рассматривает власть через призму борьбы личностей за господство в государственной системе. Отсюда коренное отличие в их теоретических выводах о субъектах государственной власти на уровне «диктатуры пролетариата» и «господства бюрократии».

Ключевые слова: теория, методология, концепция, революция, политика, власть, государство, насилие, господство, диктатура, класс, группа, народ, интерес, пролетариат, бюрократия.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-405-409

Понимание логики определения субъектов государственной власти, обретающих этот статус в ходе социальных революций, такими теоретиками в области социально-философской и социологической мысли как В. И. Ленин и М. Вебер требует предварительного выяснения их методологических позиций. Как известно, выводя теоретические положения о революции и государстве, В. И. Ленин апеллирует к марксизму. Это означает, что в целом его концепция революционной динамики, природы и характера государства, субъекта государственной власти, форм и способов его утверждения в данном статусе должна основываться на методологии исторического материализма, формационном и классовом подходах. В обобщенном системати-

зированном виде их можно представить следующим образом. Прежде всего, государство характеризуется ими как машина господствующего класса, создаваемая для подавления угнетенного класса и его насильственного удержания в состоянии совершающегося подавления. Аргументируя закономерность государственного насилия в письме П. Лафаргу, Ф. Энгельс ссылается на невозможность никакого совместного действия без навязывания некоторому числу людей чужой воли [1, с. 309]. Это навязывание предполагает, в конечном счете, доминирование силы воли одного субъекта над силой воли противостоящего, что, по сути, означает волевое насилие. Власть поэтому можно определить как насильственную реализацию чужой воли доминирующего субъекта. Если учесть, что для К. Маркса и Ф. Энгельса субъектом политики является класс, то вполне понятен их вывод о политической власти как организованном насилии «одного класса для подавления другого» [2, с. 447]. Вполне логично в этом случае усматривать характерный признак государства в выделении социальной группы (класса) властвующих, которые формируют особый аппарат управления, особые отряды вооруженных людей – дружины, армии, полицию и т. п. Этот аппарат, опираясь на вооруженную силу, директирует обществу систему налогов, совокупность законов, выражающих волю властвующих, нормы и правила общежития, подавляет социальные возмущения, отражает внешнюю агрессию, решает задачи по реализации внешнеполитических интересов.

Таким образом, марксизм обосновывал объективность исторической необходимости выполнения государством насильственной функции и определение сущности государства как диктатуры властвующего субъекта – класса. Примером может служить интерпретация К. Марксом и Ф. Энгельсом политического существования государственной власти на различных этапах непрерывной революции, отразившаяся в их высказываниях периода 1848–1850 гг. Как известно, основоположники марксизма обозначали форму и политическую сущность государства

на выделенных трёх этапах революционного процесса следующим образом: конституционное ограничение монархии (диктатура крупной торгово-промышленной буржуазии), демократическая республика (диктатура народа), социально-демократическая республика (диктатура пролетариата) [3, с. 86].

В то же время в работах классиков марксизма просматривается и обращение к широкому социальному смыслу государственной власти как диктатуры определенного класса. Интересны в этом отношении суждения Ф. Энгельса: по его мнению, государство проявлялось и как «официальный представитель всего общества», его «средоточие в виде корпорации», однако, как он полагал, государство являлось «таким лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество» [4, с. 224]. Среди русских марксистов наиболее радикально идеи социальной революции, государства как орудия классового насилия и диктатуры класса, пришедшего к политической власти, воспринял В. И. Ленин. Это проявилось уже в его критике позиций либеральных народников, заявлявших, что единственной задачей государства является охрана экономически слабого. Следует отметить, что, опровергая представления П. Б. Струве о государстве как преимущественно организации порядка, В. И. Ленин с классовых позиций выделяет признаки государства. Показательно, что одним из них он называет публичную власть, не совпадающую с совокупностью вооруженного народа и в силу этого отделенную от народных масс. В его понимании это означало образование особого класса лиц, концентрирующих в своих руках государственную власть и управление.

Такая интерпретация признака публичной власти примечательна, как можно полагать, не только с позиции выявления особенностей государственной формы власти как таковой, но и с точки зрения подхода к актуальной проблеме государственного управления – проблеме бюрократии. Подобная проблематика во всей своей сложности возникает перед В. И. Лениным уже в первые годы советской власти, но в предреволюционный период он сосредоточивает усилия на решении задачи прихода к государственной власти на методологическом основании классового подхода, предполагающего разработку темы субъекта государственной власти на уровне класса: отсюда его призывы к упрочению республиканской традиции среди русских революционеров и широких масс рабочих [5, с. 319]. Они вполне понятны, если учесть, что буржуазная республика в ленинской концепции

рассматривалась как политическая арена борьбы за утверждение диктатуры пролетариата. Позже, с учетом революционной практики 1905 г. выдвижение идеи Советов рабочих депутатов позволило выделить субъект политической власти в лице рабочего класса весьма определенно.

В драматический период революции 1917 г. В. И. Ленин интенсивно работает над проблемами слома буржуазного аппарата государственной власти и конкретной формы диктатуры пролетариата – Советов. На повестку дня выдвигается не парламентская республика, а республика Советов «снизу доверху». Ключевым аргументом, касающимся последней, становится утверждение об аккумуляции в структуре Советов и представительной и исполнительной власти, опирающейся на вооруженную силу рабочих, солдат и матросов. В годы Гражданской войны акцент переносится на обоснование насилия как главного стержня диктатуры пролетариата, которая уже определяется как власть, «не связанная никакими законами». Свидетельством тому является острая полемика с К. Каутским в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918 г). Одновременно нельзя не отметить смену акцентов в характеристике Советов с позиций проблем с субъектом власти в 1919–1921 гг. Так, если ранее Ленин указывает на принципиальную новизну Советов как органа власти, заключающуюся в том, что этот орган правит непосредственно через народ, в отличие от буржуазного демократического парламента, правящего от имени народа, то в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) он, ссылаясь на низкий культурный уровень трудящихся, признает, что реально Советы представляют органы управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящихся.

Таким образом, субъект власти сужается им до «передового слоя» пролетариата. Показательно, что на этом же съезде он обращает внимание на частичное возрождение бюрократизма. В 1921–1922 гг. это «частичное возрождение» бюрократизма достигло уровня явного зла [6, с. 122–124]. Более того, проявилось «зло» не только советского государственного бюрократизма. Ленин в эти годы обращает внимание и на такой реальный субъект власти, как партийная бюрократия. В противовес обюрокративанию партийного аппарата он предлагает осуществление контроля снизу за работой ЦК и Политбюро путем привлечения к реализации контрольной функции рабочих [7, с. 384]. Следовательно, классовый уровень определения субъекта политической власти и государственного управления в концепции революции В. И. Ленина требовал

корректировки. Можно предположить, что советская бюрократия в годы Гражданской войны проявилась в процессе массового террора через функцию революционного насилия настолько отчетливо, что такие бывшие марксисты, а затем и либералы, как П. Б. Струве, стали иначе, чем до революции, оценивать царскую бюрократию. По его впечатлению, революционная стихия «разнузда» гоголевскую Русь [8, с. 235–237].

Конечно, в приведенных суждениях отразились совершенно противоположные политические позиции, но в них просматривается и нечто общее. И Ленин, и Струве пишут об одном субъекте государственной власти и управления – бюрократии. Следует отметить, что *bureaucrasy* (лат.) характеризуется исследователями неоднозначно. Однако, рассматривая определение, можно выделить в основном два подхода.

В одном случае исходную позицию представляет перевод самого термина, что дает основание определить бюрократию как чиновников государственного аппарата. В другом – к бюрократии подходят как к сложному и противоречивому общественному явлению. В первом варианте акцент делается на профессиональном выполнении группой лиц функций государственного управления. Во втором – бюрократия может исследоваться в различных аспектах, например, как чиновничья администрация, оторванная от народа, его интересов и, следовательно, представляющая интересы экономически и политически доминирующих социальных групп, или как вертикально иерархизированная система управления, а в более широком масштабе – как особая форма организации государства. В последнем варианте бюрократия выявляется как социальный субъект, представленный большой группой людей, естественно выделяющейся в процессе генезиса государственной формы организации общества.

Думается, что в суждениях П. Б. Струве отражается первый, узко аппаратный подход к бюрократии. В то время как для В. И. Ленина, рассматривавшего бюрократию с классовых позиций, присуще широко смысловое понимание «бюрократического зла», связанное с опасностью отрыва от интересов народных масс. Но в таком случае возникает вопрос о причинах его непоследовательности в реализации марксистской методологии выделения объективного фактора социальной дифференциации. Речь идет о таком факторе, как разделение труда. В самом деле, на основе этого критерия марксизмом выделяются большие социальные группы (социальные слои, классы), осуществляющие функционально значимые для самосохранения

и динамики общества как социальной системы виды деятельности. Это – большие социальные группы (классы), реализующие функцию непосредственного производителя в различных сферах материального производства, группы (классы), осуществляющие функцию обмена произведенного продукта, и группы (классы), концентрирующие в своих руках функцию управления. Без реализации функции производства, обмена и управления социальная система, в соответствии с марксистской методологией, разрушается. К тому же, учитывая марксистское положение о разделении умственного и физического труда, В. И. Ленин не мог не предполагать, во-первых, выделения социальных групп (слоев, классов), непосредственно осуществляющих материальное производство (рабочие, крестьяне), с одной стороны, и духовно-интеллектуального производства (интеллигенции) – с другой.

Во-вторых, в этом же контексте у него были основания предвидеть выделение системно значимой социальной группы, осуществляющей управление как функционально необходимый вид деятельности, который, по сути, представляет синтез умственного труда с реализацией воли субъекта власти и управления, т.е. социальной группы бюрократии. На этих основаниях логично полагать, что инъекция в эту социальную группу представителей классов непосредственных производителей (рабочих и крестьян), прошедших соответствующую образовательную подготовку, не минимизирует опасность «бюрократического зла» в его отрыве от интересов народа, так как, в соответствии с марксистской формулой, «бытие определяет сознание». Следовательно, «бытие» в среде бюрократического управления выходцев из рабочих и крестьян (социальных групп непосредственного производителя) должно было со временем соответствующим образом бюрократически определить их сознание в векторном направлении корпорационных интересов, социальной группы бюрократии и, прежде всего, интересов социально-группового самосохранения, когда бюрократия функционирует как самостоятельная, самодостаточная система управления, решающая свои системно-функциональные задачи, которые могут и не совпадать с целями доминирующего классового субъекта.

Как представляется, интересную концепцию выдвигал М. Вебер, рассматривавший бюрократию и как систему администрации, и как тип управления, проявляющийся во всех организациях и политических системах, и как наиболее чистый вид легального господства. Последняя характеристика обосновывается особенностью

методологической ориентации немецкого социолога на исследование власти как борьбы людей (личностей, лидеров, политиков) за государственное господство. И отсюда следует определение государства как господства людей над людьми, предполагающее «легитимное» применение насилия как средства [9, с. 646]. Категория господства, таким образом, не исключала категории насилия аналогично марксистской теории государства. Напротив, при таком подходе она отражала существо государственной власти и, следовательно, имеет методологическое значение для выдвигания концептуальных положений о государстве. Известно, что наряду с традиционным и харизматическим М. Вебер выделял и легально-компетентное господство [9, с. 646–647]. Вот почему определение бюрократии как наиболее чистого вида легального господства обрело теоретически исходный смысл в положениях о субъекте государственной власти, которые концептуально выстраивались социологом в ходе его исследования генезиса «профессионального чиновничества».

Показательно, что, обращаясь к полутысячелетнему опыту этого социального субъекта в Европе, М. Вебер отмечал его организацию на основе разделения труда [9, с. 685]. Нельзя не обратить внимание и на его аргументацию выделения «чиновников-специалистов» и «политических чиновников» [9, с. 660–661]. Кроме того, в ходе анализа динамики буржуазных партий им выявляются партийные чиновники. В последнем случае характерна его ссылка на опасения германской социал-демократии относительно реальности для партии оказаться в плену бюрократизации [9, с. 676]. Не случайно и то, что, называя конституционализм в России 1906 г. псевдоконституционализмом, М. Вебер характеризовал февральский режим 1917 г. как «псевдодемократию», так как полагал, что члены правительства и «думские круги», пожертвовав «коронай», нацелены на «...господство бюрократии и офицерского корпуса», формируемых «исключительно из великорусской среды, над другими народами...» многонационального российского общества [10, с. 25].

Таким образом, можно предположить, что концептуально обозначая в качестве субъекта политической власти в современных для него формах государственной организации государ-

ственную и партийную бюрократию, социолог приходил к выведению такой обобщающей категории, как бюрократический государственный строй [9, с. 650]. В целом, как представляется, все вышеизложенные положения и категории концепции М. Вебера создавали методологическое основание для прогнозирования драматических бюрократических метаморфоз внутри социального субъекта постреволюционной политической власти в России. Очевидно и другое: исследуя бюрократию, М. Вебер акцентировал внимание на политическом существе такого государственного строя, который предполагает не установление диктатуры пролетариата или утверждение общенародного государства и т. п., а противостояние диктатуры бюрократии белого, красного, коричневого, желтого, других цветов и народа на длительную историческую перспективу.

Список литературы

1. *Энгельс Ф.* Энгельс – Полю Лафаргу 30 декабря 1871 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1964. Т. 33. С. 307–310.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 5–110.
4. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 185–230.
5. *Ленин В. И.* Аграрная программа русской социал-демократии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1972. Т. 6. С. 303–348.
6. *Ленин В. И.* О чистке партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1974. Т. 44. С. 122–124.
7. *Ленин В. И.* Как нам реорганизовать Рабкрин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1975. Т. 45. С. 383–388.
8. *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины : сб. ст. о русской революции. М., 1990. 707 с.
9. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М., 1990. 808 с.
10. *Вебер М.* Переход России к псевдодемократии (1917) // Космополис. 2005. № 3. URL: polit.ru/article/2005/12/02/veber (дата обращения: 25.08.2017).

Образец для цитирования:

Рожков В. П. Субъект власти в концепциях революций В. И. Ленина и М. Вебера: историко-философский аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 405–409. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-405-409.

Subject of Force in the Concepts of Vladimir Lenin and Max Weber: Historical and Philosophical Aspect

Vladimir P. Rozhkov

Saratov State University
83, Astrakhansaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

The article shows a comparative analysis between the visions of Vladimir Lenin and Max Weber regarding Subject of Force. The historical and philosophical aspects of this analysis allows to argue the comparison of the concepts of Lenin and Weber during the revolutionary events in the time period 1905–1917. The author proves that the theoretical issues between Lenin and Weber were mainly determined by their conceptual differences of how they apply their methodology. Vladimir Lenin, as a follower of the Marxist doctrine, generated methodological base, by considering historical materialism, formational and class struggle. Based on this concept, during the period of the Russian Revolution of 1917 year, Lenin argued the idea of «smashing» and replacing of the bourgeois state apparatus and the establishing of the «dictatorship of the proletariat» in a form of councils («Sovety»). By the structure, the councils combine both the representative and the executive power, which relies on the armed force of work class, soldiers and sailors. The German sociologist's vision based on Max Weber's understanding of the «methodological individualism», and his focus on the individuals and their actions. Weber appeals to the relationship between individuals, their vocation and profession. Based on this concept, he considered state force through the prism of battle between the individual(s) and state system. Hence the fundamental difference between Lenin and Weber' visions regarding a subject of state force at the level of the «dictatorship of the proletariat» and the domination of bureaucracy.

Key words: theory, methodology, concept, revolution, politics, power, state, violence, domination, dictatorship, class, group, nation, interest, proletariat, bureaucracy.

References

- Engels F. Engels to Paul Lafargue 30 December 1871. Marx K., Engels F. *Collected works*: in 50 vol. Vol. 44: Letters 1870–1873. London, 2010, pp. 284–287 (Russ. ed.: Engels F. Engels – Polyu Lafargu 30 dekabrya 1871. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1964, vol. 33, pp. 307–310).
- Marx K., Engels F. *Das the Communistische Manifest. Neue Ausgabe mit einem Vorwort der Verfasser*. Leipzig, 1872. 30 S. (Russ. ed.: Marx K., Engels F. *Manifest Communisticheskoy partii*. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1955, vol. 4, pp. 419–459).
- Marx K. The Class struggles in France. 1848–1850. Marx K., Engels F. *Collected works*: in 50 vol. London, 2010, vol. 10, pp. 45–147 (Russ. ed.: Marx K. *Klassovaya borba vo Frantsii s 1848 po 1850 gg*. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1956, vol. 7, pp. 5–110).
- Engels F. *Die Entwicklung des of sozialismus von der utopie zur Wissenschaft*. Hottingen, Zurich, 1872. 189 p. (Russ. ed.: Engels F. *Razvitie sotsializma ot utopii k nauke*. Marx K., Engels F. *Soch.*: v 50 t. 2-e izd. Moscow, 1961, vol. 19, pp. 185–230).
- Lenin V. I. Agrarnaya programma russkoy sotsialdemokratii [The agrarian programme of Russian social-democracy]. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]: in 55 vol. 5th ed. Moscow, 1972, vol. 6, pp. 303–348 (in Russian).
- Lenin V. I. O chistke partii [About cleaning party]. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]: in 55 vol. 5th ed. Moscow, 1974, vol. 44, pp. 122–124 (in Russian).
- Lenin V. I. Kak nam reorganizovat Rabkrin [As we reorganize Rabkrin]. Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]: in 55 vol. 5th ed. Moscow, 1975, vol. 45, pp. 383–388 (in Russian).
- Struve P. B. Istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii i natsionalnye zadachi [The historical meaning of the Russian revolution and national tasks]. *Iz glubiny*: sb. st. o russkoy revolyutsii [From the depths: A collection of articles on the Russian revolution]. Moscow, 1990. 707 p. (in Russian).
- Weber M. *Politik als Beruf. Gesammelte Politische Schriften*. Tubingen, 1980. S. 505–560 (Russ. ed.: Weber M. *Politika kak prizvanie i professiya*. Weber M. *Izbr. proizv.* Moscow, 1990. 808 p.).
- Weber M. Perekhod Rossii k psevdodemokratii [The Russia's transition to pseudodemocracy]. *Cosmopolis* [Cosmopolis], 2005, no. 3. Available at: polit.ru/article/2005/12/02/weber (accessed 25 August 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Rozhkov V. P. Subject of Force in the Concepts of Vladimir Lenin and Max Weber: Historical and Philosophical Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 405–409. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-405-409.

УДК 1/14

ЧЕЛОВЕК И ОБРАЗ ЕГО ВНУТРЕННЕГО МИРА В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: tetjuewl@mail.ru

Фахрудинова Эльмира Рэстэмовна – кандидат философских наук, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского. E-mail: elmirafah@yandex.ru

В статье анализируются исходные основания философской рефлексии образа человека и его внутреннего мира, получившего свое историко-философское выражение в модусах мировых культур Европы и Запада. На основе компаративистского анализа осуществляется реконструкция трех философских подходов – герменевтического, философского историзма и метафизического в современной ориенталистике. Методология философской компаративистики призвана обосновать многообразие мировой философии, дополнить диалогом существующие представления. Отмечается, что формируется экзистенциалистский вариант прочтения философской мысли на Востоке. Если европейский Запад символизирует собой волю, активность и рациональное достижение цели, то Восток – недеяние, покорность и отрешенность. В философии буддизма, однако, получает развитие трансцендентально-философская традиция, близкая взглядам представителей европейского трансцендентализма. Буддийская идея «вѣдения», «созерцания» понимается как основа действия. Подобно взглядам представителей европейского трансцендентализма, выдвигается положение, что действовать означает созерцать, а абсолютная воля является конечной. Уникальность восточного способа мышления в том и состоит, что абсолютное небытие воспринимается как «конечная» реальность. Параллели между буддийской философией небытия и трансцендентализмом Хайдеггера усматриваются в обращении к философии Аристотеля и Канта.

Ключевые слова: философская компаративистика, философия европейского Запада и Востока, буддийская философия небытия, европейский трансцендентальный идеализм Канта и Хайдеггера.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-410-415

История мировой философской мысли свидетельствует о том, что постижение образа человека и его внутреннего мира всегда опирается на устойчивые элементы культурного наследия, традицию народа, самобытный взгляд на человека и его жизненный мир. В основании мифологического, религиозного, теологического и философского подходов к феномену человека следует усматривать историю самосознания человека. Как заметил М. Шелер, известный антрополог европейской мысли, вся история

философско-антропологической мысли должна рассматриваться как «летопись самосознания человека».

Г. Хенгстенберг в книге «Натуральная философия» пишет, что в каждом вопросе, поставленном человеком миру и самому себе, сам человек прямо или косвенно ставит себя под вопрос – причиной тому эволюция самой природы и самозволюция человека. «Человеку свойственен принцип выражения», который можно определить как своего рода «изначальное» отношение к миру, Богу и самому себе. Немецкий философ выделяет в качестве принципа выражения человека принцип личности. Этот принцип выступает *лейтмотивом понятия человека*, в котором понятие «человек» является «динамической формой слияния духа и тела» [1, S. 330]. Как видим, сущность человека не только определяется как нечто «срединное» или некое «промежуточное» существование, а имеет сугубо объединяющий характер, сочетающий в себе *интегративные проекции* бытия мира материального и духовного, природного, тварного и идеального, божественного.

Во всем многообразии подходов к интерпретации человека и его внутреннего мира в мировой философской мысли традиционно выделяются две традиции – *восточная* и *западная*. При всей видимости разноречивости философских школ и направлений стран, регионов все больше выявляются их общая определенность и взаимодополнительность. Современный полифоничный мир требует «кооперативной коммуникации» в философии, синтетичности построений, учитывающих опыт Запада и Востока [2, с. 3–6]. Бинарные оппозиции прошлого в философии («Европа–Восток») сегодня должны быть *проверены* на предмет поиска универсальной составляющей. Методология философской компаративистики в этом случае призвана обосновать многообразие мировой философии, дополнить диалогом существующие представления. Как определяет А. С. Колесников, «философская компаративистика нацелена на поиски выхода за пределы обособленных философских культур через обогащение содержания языка философских понятий и смысла рефлексии. Опираясь

на методологию трансцендентальности, она выделяет предельные типы философствования, рассматривает их соотношения, анализирует особенности индивидуального творчества. В эпоху наступления различных форм глобализации философская компаративистика раскрывает многообразие духовной культуры, заботится о самобытности философских культур, пытается найти их универсальную составляющую» [3, с. 28–29].

Вопреки различию культурных традиций Европа и Восток следуют все же одной человеческой логике, отделяя телесное (природное, физическое, материальное) от ментального (связанного с культурой и социальностью) и духовного (идеального, божественного, святого). Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на общую единую – трансцендентальную логику развития образа человека, восточная и западная традиции, однако, существенно отличаются. В западной культуре образ человека восходит к идее «эллинистического чуда» греческой философии. Тема человека впервые ставится Сократом и софистами. Протагор определяет человека «мерой всех вещей». Человек, по мнению Платона, есть душа, и задача его жизни состоит именно в том, чтобы разумно приготовить к окончательному «освобождению души из тела-темницы» и посредством самосовершенствования достигнуть мудрого созерцания идей, образов другого – истинного бытия мира. Аристотель разрушает платоновский дуализм души и тела, соединяет их в одной природной субстанции, определяя две неполных природных сущности в качестве формы и материи. Философский образ человека во многом обязан европейской философии, породившей в науке этику самообладания и самовоспитания человека.

Европейская концепция человека основывается на предельно личностном представлении о Боге. Греки и римляне, как и восточные народы (вавилоняне, шумеры, египтяне), опирались в своих представлениях на древние космогонические гипотезы. Истина о человеке в истории европейского самосознания восходит к единственному и абсолютному первоначалу всего сущего, в том числе мужчины и женщины, – к Богу. Человек есть творение Бога, и потому он – образ и подобие Бога. Бог, Абсолют вступает в личные отношения с человеком. Человек создает свою собственную историю и собственную судьбу. Через деяние Христа мы все христиане – дети одного Отца и потому все братья и все равны. Конечной целью человека является идея полного достижения блага как такового, а в качестве конечной цели – полное постижение Бога как

высшей истины и высшего блага. Христианский Бог – Бог евангельского откровения [4, с. 64–70].

Немецкий идеализм воскрешает платоновский идеал человека – свою полноту человек обретает через совершенное знание. Самым энергичным сторонником философской антропологии, считает М. Бубер, был И. Кант [5, с. 203]. В трансцендентальной философии И. Канта человек обосновывается как моральное существо, опыт которого не ограничивается сознанием эмпирического Я, но восходит к трансцендентальному единству самосознания всеобщего. Человек есть сам по себе цель и вместе с этим – цель всего человечества. «Цель всех успехов в области культуры, которые служат школой человеку, – применять полученные знания и навыки к миру, – пишет И. Кант, – но наиболее важный предмет в мире, к которому эти знания могут быть применены, – это человек, поскольку он есть собственная последняя цель» [6, с. 138]. Однако уже в философии Гегеля человек превращается в умозрительное существо, в качестве одного из моментов развития Абсолютного Духа. Гегелевское стремление к поиску Абсолюта утверждает пантеистический взгляд на мир, в котором идея конкретного человека и личности «снимается» рационалистическим представлением о Едином и Целом.

Современные направления антропологического толка, такие как феноменология, персонализм, экзистенциализм и собственно философская антропология, выявили одну странную закономерность: предмет философии должен сводиться к разъяснению и раскрытию смысла бытия. При этом смысл человеческого существования выявляется через обращение к субъективности (человеку как индивидуальному субъекту) как действующей первооснове всякой объективности, раскрытие субъективных человеческих форм конституирования (учреждения) мира. Сама же идея человека растворяется в специальных дисциплинах, и ее образ расписывается по всевозможным моделям и парадигмам теоретического знания.

Однако все настойчивее исследователи начинают говорить о единой философии человека [7], о единой философской традиции землян. Эта проблема решается уже на пути поиска человека как образа целостности. Главное различие в понимании человека на Востоке и Западе в последнее время связывается с установлением отношения подчиненности между выявленными структурными элементами [8].

Так, на Востоке в качестве внешнего проявления человека в мире определяют его физическое тело – своего рода символ воплощенного

эфирного тела как матрицы и образа, которое и является физическим телом. Эфирная форма тела является воплощением тела астрального, астральное же состояние выражает определенную форму воплощения ментального тела. Согласно Веданте, началом в человеке является Атман – душа, дух, самость, субъективность, соответствующая по своей внутренней природе всеобщему началу – Брахману. Главное – это охватить разумом Первую Сущность, Единое (Целое). Осознать его – это все равно, что осознать весь мир, жизнь и судьбу человека. Брахман – «это вся Вселенная» и тем не менее природа его духовная; «жизнь – его тело, форма его – свет, душа его – пространство»; в нем заключены все деяния, желания, запахи и вкусы [9, с. 223–224]. Перводанная сущность сотворила мир и человека. Атман олицетворяет в человеке божественную сущность. Определенные основания тому дает и сама «восточная реальность» с действительно характерным для нее доминированием религии. Атман и Брахман идентичны. Бог – великий дух универсума.

Изучение истории философии и религии на Востоке породило уже на ранних этапах становления ориенталистики три философских подхода. Первый определяется *герменевтикой* Ф. Шлегеля, одного из первых санскритологов, заложившего начала идеалистического толкования восточной философии. Второй восходит к *философии истории* Г. Гегеля [10, с. 9, 11]. Известно толкование Гегелем в «Лекциях по философии религии» всех восточных форм религии как «религий субстанции», восходящих от представления о религии Китая – как «абсолютно пантеистической» – до естественных религий, а именно «религий духовной индивидуальности», к которым он относил иудаизм, греческую «религию красоты» и христианство как «религию истины и свободы».

Третий – *метафизический*, восходящий к учению об идеях и натурфилософии А. Шопенгауэра. В становлении его философской системы современные философы усматривают влияние нескольких философских традиций: кантовской, платоновской и древнеиндийских – брахманистской и буддистской. Как известно, в упанишадах А. Шопенгауэр нашел основоположения для обоснования онтологического статуса «жизненной силы» человека. «Вечное око мира» не может быть тождественно конечной жизненной силе человека, представляющего мир в пространстве и времени. Но как объективный субъект «вечное око мира» – единое существо, которое видит «великий сон», снящийся ему так, что «вместе с ним его видят и все участники сновидения».

Как субъект познания все мы одно существо воли [11, с. 242]. Некоторые идеи буддийской религии А. Шопенгауэра сегодня рассматриваются даже в качестве возможных моделей для Запада.

Сегодня формируется и *экзистенциалистский* вариант прочтения философской мысли на Востоке. Он восходит к понятию «осевого времени» К. Ясперса. Согласно К. Ясперсу, мировая история имеет универсальный смысл, доступный человечеству в целом как накопленный «капитал смысла», что и обуславливает диалог времен и культур. В жизни человечества он выделяет локальную историю и «ось мирового времени», которая определяется периодом между 800-м и 200-м гг. до н. э., когда одновременно сосуществовали греческие философы, израильские пророки, творцы зороастризма в Иране, основатели буддизма и джайнизма в Индии, конфуцианства и даосизма в Китае. Связь времен и культур способна осуществить только философия, поскольку только она способна, исходя из идеи существования общечеловеческой веры в истину, установить основы «истинной коммуникации» между различными регионами и культурами.

Как замечает современный сторонник компаративистского метода в философии Х. Смит, в культуре Запада с утверждением иудео-христианской веры укореняется представление, что этот мир с течением времени может быть преобразован и тем самым спасен. Восток же убежден, что надежде нет места и что мир спасти нельзя. Европейский Запад символизирует собой волю, активность и достижение рационально поставленной цели, Восток – недеяние, покорность и отрешенность [12, с. 19]. Как свое время писал М. Вебер, все так называемые популярные религии Востока – ислам, индуизм, буддизм, джайнизм, конфуцианство – не содержат мотивов или ориентации на рациональное этическое моделирование мира в соответствии с «системой жизненной регламентации» и святыми заповедями. Все они принимали этот мир как извечно данный, а значит «наилучший из миров» – результат одного определенного типа группового социального действия.

Согласно буддизму, опыт самодостаточен, непрерывен, и он является единственной реальностью. Буддизм склонен интерпретировать жизнь как сознание человека, как своего рода человеческую форму порождения реальности. Как отмечается в философии буддизма, в частности ойгачары, сознание служит результатом специфического в своей целостности контакта между общей «чувственностью» субъекта и объектом чувств [2, с. 362–367]. Это и есть непосредственный опыт в буддизме.

Сегодня можно с полным правом говорить и о развитии *трансцендентально-философской* традиции. Как подчеркивает Нисида Китаро, японский философ и логик [13, с. 263–272], буддийская идея «видения», «созерцания» должна пониматься как основа действия. Подобно взглядам представителей европейского трансцендентализма (Канта, Фихте, Гегеля, Хайдеггера), он выдвигает тезис, что действовать – значит созерцать, и в этом смысле абсолютная воля является конечной. Уникальность восточного способа мышления в том и состоит, признается философ, что оно рассматривает абсолютное небытие как «конечную реальность». Исследователи подчеркивают некоторое сходство буддийского понятия «места» с хайдеггеровским *Dasein* [14, р. 467–470]. Параллели между буддийской философией небытия Нисиды Китаро и трансцендентализмом М. Хайдеггера усматриваются в обращении к философии Аристотеля и Канта.

Касаясь вопроса о соотношении Бога и мира, Н. Китаро пишет, что любовь к Богу выступает фундаментальной характеристикой личности, но эта любовь в контексте буддийской и христианской религии имеет свою специфику. Нечто большее, чем просто небытие, – это Бог. «Бог – бесконечная любовь, бесконечная радость и мир». Китаро подчеркивает, что понятия человек и человеческое бытие – тождественные, поскольку только в Боге человек возвращается к своему «изначалу». Поклонение и любовь к Богу должны основываться на единстве личности. В своей трактовке личности он исходит из понимания субъективной самости, близкой идее Канта, как некоего единства познания (знания), чувствования и воления. В понятии же личности, наделенной Богом способностью к самореализации, Н. Китаро опирается на идеи, сформулированные в азиатской традиции понимания *места* личности в универсуме. Буддийская религия является «кульминацией познания и любви», «мы можем познать Бога через любовь, веровательную интуицию» [13, с. 435–436].

Как видим, компаративистский подход содействует межкультурному диалогу между мыслителями Востока и Запада. Буддийский космос не тождествен космосу древнегреческой мысли, так как натурфилософская основа носит в нем условный характер. Центр внимания в буддизме перенесен с мира явлений на *внутренний мир личности*, в то время как внешний мир рассматривается, прежде всего, как функция ее психических процессов, проецирующих в сознании иллюзию мирового круговорота (микрокосмосансары), причем сами эти процессы, в свою очередь, выступают как отражения некоторых

«метапсихических» явлений или онтологических универсалий (макрокосма – нирваны), не поддающихся, с точки зрения буддистов, рациональному исследованию. Европейская философия и буддийская философия при таком взгляде выступают двумя путями одной, единой «мировой философии». Более того, диалог культур в настоящее время является важнейшим условием выживания всего человечества [15, с. 18].

Полагаем, существующее противопоставление Запада и Востока должно быть вновь осмыслено, и критично. Как заметил еще в начале XX века О. О. Розенберг, неокантианец и ученик, последователь Ф. И. Щербатского, «невозможность понять мир Востока есть не что иное, как неумение сосредоточиваться на их ассоциациях, задерживать при этом свои привычные. Неумение вполне понятное, вполне простительное при настоящем положении науки об этих странах, но, тем не менее, лишь неумение, а отнюдь не какая-то таинственная преграда между мирами Европы и Востока. Загадочность Востока – это тайна неизвестного, а не тайна непостижимого <...> Допустим даже, что различие Востока и Запада правильно. На самом же деле, Востока и Запада нет по отдельности» [16, с. 320–321].

Сегодня уже очевидно, что Россия как философское пространство мысли включает в себя три мира – христианский, роднящий ее с Европой, мир мусульманского Юга и мир буддийского Востока. Так попытаемся же снять препятствия в установлении интеллектуальных контактов с культурой Большого Востока. Образ человека на протяжении столетий приобретал собственную культурно-историческую специфику, поскольку культурный мир человека и общества неповторим и уникален в своей многообразной целостности, связанной с образом самосовершенствования человека.

Список литературы

1. Hengsternberg H.-E. Philosophische Antropologie. Stuttgart, 1997. 316 S.
2. История современной зарубежной философии : компаративистский подход. СПб., 1997. 480 с.
3. Колесников А. С. Методология компаративистского изучения философии и культуры Востока // Вестн. Рус. христианской гум. акад. 2008. Т. 9, вып. 1. С. 19–29.
4. Вальверде К. Философская антропология. М., 2000. 412 с.
5. Бубер М. Два образа веры. М., 1995. 464 с.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 7. С. 138–376.

7. Тетюев Л. И. Трансцендентальная философия как основание философского учения о человеке // Человек в современном мире. Саратов, 2003. С. 21–24.
8. Мельник Н. Б. Стремление человека к целостности : западная и восточная философские традиции // Человек в современных философских традициях : в 4 т. Волгоград, 2007. Т. 2. С. 58–61.
9. Элиаде М. История веры и религиозных идей : в 3 т. М., 2001. Т. 1. 432 с.
10. Шаймухамбетова Г. Б. Философия и религия в историко-философском развитии Востока (к постановке вопроса) // Философия и религия в зарубежном Востоке : XX век. М., 1985. С. 5–20.
11. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Соч. : в 6 т. М., 1999. Т. 1. 495 с.
12. Сагадеев А. В. Стереотипы и автостереотипы в сравнительных исследованиях в восточной и западной философии // Философское наследие народов Востока и современность. М., 1983. С. 17–35.
13. Корнеев М. Я. «Логика небытия» Нисида Китаро. Дзен-буддизм // История современной зарубежной философии : компаративистский подход. СПб., 1997. С. 263–272.
14. Maraldo J. C. Translating Nishida // A Quarterly of Asian and Comparative Thought. Philosophy East and West. Honolulu, 1989. № 4. P. 465–495.
15. Фахрудинова Э. Р. Кросскультурный диалог в глобальном мире : философско-компаративистский анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 16–19.
16. Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX вв. СПб., 1998. 344 с.

Образец для цитирования:

Тетюев Л. И., Фахрудинова Э. Р. Человек и образ его внутреннего мира в западной и восточной философской рефлексии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 410–415. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-410-415.

Man and His Inner World in Western and Eastern Philosophical Reflection

Leonid I. Tetyuev

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: tetjuewl@mail.ru

Elmira R. Fakhruidinova

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky
112, Bolshaya Kazachia str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: elmirafah@yandex.ru

The article analyzes the original reasons of a philosophical reflection of the image of man and his inner world, which received its historical-philosophical expression in the work world cultures of Europe and the West. On the basis of comparative analysis of the reconstruction of the three philosophical approaches – hermeneutic, philosophical historicism and metaphysical in a modern Oriental studies. The methodology of philosophical comparative studies designed to substantiate the diversity of world philosophy, to be supplemented with dialogue existing views. It is noted that there is a variant of the existential reading of philosophical thought in the East. If the European West symbolizes the will, activity and rational achievement of the goal, the East, non-action, humility and detachment. In Buddhist philosophy, however, has development of transcendental-philosophical tradition that is close to the views of the representatives of the European transcendentalism. The Buddhist idea of «vision», «contemplation» is understood as the basis of acting. Like the views of the representatives of the European transcendentalism put forward the position that the act means to see, and absolute will is the ultimate. The uniqueness of the Eastern mode of thinking lies in the fact that absolute nothingness is perceived as the «ultimate» reality. The parallels between the Buddhist philosophy of nothingness and Heidegger's transcendentalism is seen in the appeal to the philosophy of Aristotle and Kant.

Key words: philosophical comparative studies, philosophy of the European West and East, Buddhist philosophy of nothingness, European transcendental idealism of Kant and Heidegger.

References

1. Hengsternberg H.-E. *Philosophische Anthropologie* [Philosophical anthropology]. Stuttgart, 1997. 316 S.
2. *Istoriya sovremennoy zarubezhnoy filosofii: komparativistskiy podkhod* [The history of modern foreign philosophy: a comparative approach]. St. Petersburg, 1997. 480 p. (in Russian).
3. Kolesnikov A. S. Metodologiya komparativistskogo izucheniya filosofii i kultury Vostoka [Methodology of comparative study of the philosophy and culture of the East]. *Vestn. Rus. Khristianskoy Gum. Akad.* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2008, vol. 9, iss. 1, pp. 19–29 (in Russian).
4. Valverde C. Der Mensch als Person. *Philosophische Anthropologie*. Paderborn, 1999. 394 S. (Russ. ed.: Valverde K. *Filosofskaya antropologiya*. Moscow, 2000. 412 p.).
5. Buber M. *Zwei Glaubensweisen*. Munchen, 1950. 178 S. (Russ. ed.: Buber M. *Dva obraza very*. Moscow, 1995. 464 p.).
6. Kant I. *Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Immanuel Kants Werke*: in 8 Bd. Berlin, 1923, Bd. 7, S. 119–350. (Russ. ed.: Kant I. *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki sreniya*. Kant I. *Sobr. soch.*: v 8 t. Moscow, 1994, vol. 7, pp. 138–376).
7. Tetyuev L. I. *Transcendentalnaya filosofiya kak osnovanie filosofskogo ucheniya o cheloveke* [Transcendental philosophy as the philosophical basis of the doctrine of Man]. In: *Chelovek v sovremennoy mire* [Man in the modern world]. Saratov, 2003, pp. 21–24 (in Russian).

8. Melnik N. B. Stremlenie cheloveka k tselostnosti: zapadnaya i vostochnaya filosofskie traditsii [The human Desire for wholeness: the Western and Eastern philosophical traditions]. In: *Chelovek v sovremennykh filosofskikh traditsiyakh* [Man in modern philosophical traditions]: in 4 vol. Volgograd, 2007, vol. 2, pp. 58–61 (in Russian).
9. Eliade M. *Geschichte der religiösen Ideen*: in 4 Bd. Freiburg im Breisgau, Basel, Wien, 2002, Bd. 1. 521 S. (Russ. ed.: Eliade M. *Istoriya very i religioznykh idey*: v 3 t. Moscow, 2001, vol. 1. 432 p.)
10. Shaymukhambetova G. B. Filosofiya i religiya v istoriko-filosofskom razvitii Vostoka (k postanovke voprosa) [Philosophy and religion in historical and philosophical development of the East {to question statement}]. *Filosofiya i religiya v zarubezhnom Vostoke: XX vek* [Philosophy and religion in the foreign East: the twentieth century]. Moscow, 1985, pp. 5–20 (in Russian).
11. Schopenhauer A. *Die Welt als Wille und Vorstellung*: in 2 bd. Köln, 1997, bd. 1. 525 S. (Russ. ed.: Shopengauer A. *Mir kak volya i predstavlenie*. Shopengauer A. *Soch.*: v 6 t. Moscow, 1999, vol. 1. 495 p.)
12. Sagadeev A.V. Stereotipy i avtostereotipy v sravnitelnykh issledovaniyakh v vostochnoy i zapadnoy filosofii [Stereotypes and auto-stereotypes in comparative studies in Eastern and Western philosophy]. *Filosofskoe nasledie narodov Vostoka i sovremennost* [Philosophical heritage of the peoples of the East and modernity]. Moscow, 1983, pp. 17–35 (in Russian).
13. Korneev M. J. «Logika nebytiya» Nisida Kitaro, Dzenbuddizm [«The Logic of nothingness» Nishida Kitaro, Zen Buddhism]. In: *Istoriya sovremennoy zarubezhnoy filosofii: komparativistskiy podkhod* [The History of modern foreign philosophy: a comparative approach]. St. Petersburg, 1997, pp. 263–272 (in Russian).
14. Maraldo J. C. Translating Nishida. *Quarterly of Asian and Comparative Thought. Philosophy East and West*. Honolulu, 1989, no. 4, pp. 465–495.
15. Fakhruđinova E. R. Krosskulturny dialog v globalnom mire: filosofsko-komparativistskiy analiz [Cross-cultural dialogue in a global world: philosophical and comparative analysis]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, vol. 11, iss. 3, pp. 16–19 (in Russian).
16. Ermakova T. V. *Budiyskiy mir glazami rossiyskikh issledovateley XIX – pervoy treti XX vv.* [Buddhist world through the eyes of Russian researchers of the XIX – the first third of the XX century]. St. Petersburg, 1998. 344 p. (in Russian).

Cite this article as:

Tetyuev L. I., Fakhruđinova E. R. Man and His Inner World in Western and Eastern Philosophical Reflection. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 410–415. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-410-415.

УДК 001:165.9

ЛЖЕНАУКА В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

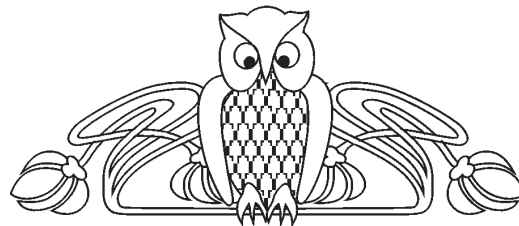
Тихонова Софья Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: segedasv@yandex.ru

Статья посвящена современным коммуникационным условиям распространения неформального знания. По мнению автора, включение гражданской экспертизы в практики трансдисциплинарной науки приводит к тому, что судьба науки попадает в зависимость от качества компетентности гражданских экспертов, например, блогеров. Последняя формируется на основе общегражданской дискуссии, разворачивающейся в социальных сетях. Ядром компетентности гражданских экспертов являются навыки ориентирования в коммуникационных потоках и использования лингвистических средств для самопрезентации. Субъективность является ключевой характеристикой сетевого контента и одновременно инструментом управления эстетическими, эмоционально окрашенными, откликами реципиентов. Рассматривается научное формальное знание как один из типов знания и показывается, что его связь с формой выражения – письменной (текстовой) формой, отличающейся специфическим стилем и жанрами, а также специализированной сетью периодики и книгоиздания затрудняет его распространение в среде социальных сетей и снижает конкурентоспособность, по сравнению с лженаукой. Лженаука, активно апеллирующая к эмоциям, пренебрегающая информированием ради убеждения, быстро адаптируется к среде сетевого неформального знания и активно в ней распространяется. Итогом становится сближение гражданско-экспертного и лженаучного дискурса в социальных сетях, снижающее компетентность гражданских экспертов.

Ключевые слова: неформальное знание, научное знание, лженаука, наука, социальные сети, трансдисциплинарность, гражданская экспертиза.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-416-420

Лженаука как феномен общественного знания демонстрирует удивительную жизнеспособность. Активно встраиваясь в общественное сознание, она влияет на поведение людей, их решения, мотивы и оценки. Особенно опасной данная тенденция становится в условиях трансдисциплинарности научного знания. Тело науки теряет четкие границы там, где развитие исследовательских направлений или применение их результатов входит в сферу интересов общественности, политической власти или бизнеса. Социальное согласие здесь достигается тогда, когда в основу принятия решения закладывается не только научная аргументация, но и аргументы общегражданской дискуссии, основанные на этических, политических или экономических до-

водах. В принятии решений, имеющих значение для развития научного знания, все чаще включаются гражданские эксперты, например, блогеры. В экономической и политической плоскостях их решения чаще носят поощрительный характер, поскольку они связаны с предоставлением льготных условий для тех направлений исследований, которые определены гражданским обществом и/или государством как «приоритетные». В этической плоскости они могут принимать характер прямого запрета, блокируя исследования, оцениваемые как аморальные (например, евгенику или клонирование человека).

Четкие контуры функций гражданской экспертизы в трансдисциплинарной науке пока не определены. Очевидно одно: область ее вмешательства в дела науки становится все шире, что делает актуальным вопрос о компетентности гражданских экспертов. В рамках данной статьи будут рассмотрены современные коммуникационные условия, в которых формируется гражданская экспертиза как выражение общественного мнения, и их благоприятность для тиражирования научных знаний.

Отметим, что научные знания не индифферентны к каналам коммуникации. Их сложность, включающая использование специализированного языка, требует объемных письменных текстов-сообщений, нуждающихся в длительном восприятии. Оценка качества сложных текстов сама по себе предполагает наличие специализированных знаний разного уровня – как содержательных, так и формальных. Если первые позволяют сделать собственный вывод из содержания текста, то вторые позволяют судить об источнике сообщения. И те, и другие дефицитны на массовом уровне восприятия и характерны для представителей научного сообщества. Более того, одним из результатов современного методологического плюрализма в науке является толерантность к разнообразию различных точек зрения на возможные решения тех или иных научных проблем. Внутри науки эта ситуация особой сложности не представляет, так как результаты разных подходов сопо-

ставляются и интегрируются с точки зрения их эвристического потенциала. Но за ее пределами у обывателя складывается ложное впечатление, что в науке также существует демократическая свобода выражения мнений, каждое из которых равноценно и в своем праве на существование, и в своей конечной продуктивности. Однако мнение обладает качественно иной природой, нежели научное знание: последнее отличается от любого другого тем, что было получено в результате применения научного метода, обеспечивающего конечному продукту такие свойства, как объективность, достоверность, воспроизводимость, непротиворечивость, эмпирическую проверяемость, логическую или эмпирическую обоснованность. Каждый день обыватель сталкивается с разнообразными знаниями, которые вовсе не обязательно являются научными.

В классической советской теории познания знание как результат процесса познания было принято разделять на следующие виды: донаучное, житейское, художественное и научное [1, с. 192]. Критерием этого разделения выступает метод познания. Постепенное формирование типов познания, представляющих собой автономные когнитивно-культурные системы, выполняющие специфические функции (повседневный опыт, магия, миф, искусство, религия, право, философия, мораль, идеология, наука [2, с. 872]), привело к появлению предметной классификации знания, подразделения его на повседневное, магическое, мифологическое, эстетическое, религиозное, юридическое, философское, этическое, идеологическое, научное. Наибольшее внимание исследователей традиционно привлекает проблема демаркации научного знания, однако это не означает бесконфликтности сосуществования остальных типов познания и их результатов. Процесс познания сложно вычленишь из процессов коммуникации и деятельности, которые он обслуживает. Нередко он является вспомогательным по отношению к осознаваемой и конструируемой телеологии, что обуславливает конечный результат и затемняет противоречия в разнотипной методологии познания. Но там, где важна чистота методологии познания, эти противоречия становятся очевидными (проблема веры и разума в средневековой теологии, конфликт долга и страсти в искусстве классицизма и т.п.). Сложность взаимопереходов и взаимной блокировки различных типов знания раскрывается в диалектике субъективного и объективного, индивидуального и коллективного, локального и универсального опытов.

Разнообразие видов знания было усложнено научно-технической и промышленными револю-

циями, когда изменилась роль научного знания благодаря его переходу в знание технологическое, трактуемое как прикладное естествознание без собственных познавательных задач, средств и методов: «Целью ученого является создание проверенных знаний. Целью инженера или технолога является преобразование знаний в методы или продукты, в которых у людей есть потребность. Ученые действуют в сфере знаний. Инженеры и технологи действуют в сфере практики» [3, с. 8]. Движение от научного к технологическому знанию стало ключевым для поддержания и развития цивилизации и привело к массовизации основ научного знания благодаря повсеместному включению его трансляции в институт образования.

Научное знание сегодня является формальным, т.е. оно имеет письменную (текстовую) форму, отличающуюся специфическим стилем и жанрами, а также специализированной сетью периодики и книгоиздания. Формальность знания зависит от институционального характера науки, структурные связи внутри которого формализованы, а неформальные сети отношений наслаиваются на структуры вертикальных иерархий. Неслучайно итальянские исследователи Дж. Доци и М. Лабини подчеркивают, что «в большой своей части знание – это не “информация”, а организация, люди и “кластеры”. Академическое исследование – это корпоративная практика, осуществляемая в рамках публичного финансирования, на страницах престижных, т.е. общественно признанных научных журналов» [4, р. 1452]. Кластер научной корпоративной практики охватывает как формальные иерархии научно-исследовательских организаций, так и неформальные исследовательские сети – коллаборации и тематические группы исследователей, знающих друг друга, в первую очередь, «по трудам».

Формальность научного знания не отменяет роли неформального общения в производстве научного знания, опорой которого являются научные мероприятия различного формата и уровня. Важно отметить, что иерархии и сети в любых социальных институтах никогда не бытуют автономно: «иерархия возникает как бы “поверх” сети, надстраивая ее, но никоим образом не деструктурируя – иными словами, любая иерархия имеет как минимум два механизма принятия решений, формальный, предопределенный правилами иерархии, и неформальный, сетевой, базирующийся на прежде выстроенных сетевых связях» [5, с. 260]. Ценностные установки этих механизмов различны: иерархия ориентирована на процедуру, а сеть – на результат. Наука в этом отношении не исключение, она развивается там,

где есть живое общение, творческий и продуктивный обмен идеями между специалистами. Но окончательная формализация зарождающегося в неформальных сетях формального знания нуждается в процедурах верификации, осуществляемых вертикальными институциональными структурами.

Что же противостоит формальному знанию науки? В классических схемах теории познания донаучное, художественное и житейское знание не верифицировано специализированными иерархиями, субъективно и, в первом приближении, неформально. Однако автономные миры типов познания легко формируют каноны, типизируя производство соответствующих знаний именно благодаря появлению специализированных иерархий – корпораций юристов, служащих культуры, правящих политических партий и т. п. В разных обществах эти корпорации имеют различное социальное значение – римские юристы периода Античности, западноевропейские богословы, советская партийная номенклатура формировали различные механизмы влияния и формы контроля на производство социального знания через производства своего собственного «эпистемологического продукта». Иначе говоря, специализация типа познания всегда влечет за собой производство формального знания, и только в мире повседневности, на уровне индивидов знание становится неформальным. В современном обществе формальное научное знание играет доминирующую роль, что не мешает ему подвергаться атакам в зонах притязаний других корпораций (идеологических или религиозных, например). Тем не менее пока государства нуждаются в развитой науке для обеспечения собственной безопасности, эти атаки не являются критическими.

Замкнутость неформального знания в индивидуальных жизненных мирах остается правилом до тех пор, пока коммуникационные революции не обеспечивают индивидов инструментами формирования собственных сетей.

Сети, которые индивид развивает на протяжении жизни, формируются из разных по качеству социальных связей, в терминологии М. Грановеттера, сильных и слабых. Социальные связи, существующие длительное время, требующие эмоциональной близости, доверия или обмена, являются «сильными» [6]. Именно в рамках сильных связей в основном происходят первичная социализация и межпоколенческая коммуникация. Социальные связи, основанные на непрямых, случайных контактах, являются «слабыми». Информация о внешнем для приватного круга мире с трудом проходит через каналы сильных связей, перегруженные функ-

циональной информацией, в то время как через каналы слабых связей (ситуативное общение с малознакомыми людьми) она проходит легко. Поэтому слабые связи открывают лифты социальной мобильности: чем больше у человека непрямых контактов, тем шире его сведения о социальных возможностях. Проблема в том, что сильные связи индивиды активно строят, выбирая партнеров по общению, браку, бизнесу и т. п., но слабые связи чаще всего заданы биографической логикой смены мест проживания, в которых формируются возрастные группы: индивиды не выбирают одноклассников, коллег и уж тем более не выбирают знакомых знакомых.

Повседневное знание транслируется как по сильным, так и по слабым связям. Знание в сильных сетях, очевидно, имеет первостепенное значение для формирования индивидуальной картины мира и стереотипов, поскольку оно подпитывается авторитетом и закрепляется повторением. Но знания из слабых сетей, несмотря на свою случайность и однократность, также могут оказывать радикальное влияние на мировоззрение, принося инновационную информацию. Важно, что структура слабых и сильных сетей жестко ограничена пространственно-временными рамками, а также спецификой социального пространства (плотностью населения, типом поселения, процедурами этикета), которые фактически замыкают неформальное знание локальными рамками социальной группы.

Ситуация меняется коренным образом с распространением компьютерных сетей. Их развитие обеспечивает пользователей все более совершенными инструментами управления коммуникацией, с помощью которых они могут развивать свои собственные сети любой конфигурации, обладая минимальными знаниями о контрагентах. Современные информационно-коммуникационные технологии предоставляют пользователям небывалую свободу общения и сотрудничества, но развиваемые на их основе коммуникативные пространства не гомогенны. С одной стороны, они не похожи на конгломераты дискретных жизненных миров. С другой стороны, далеки от нисходящих коммуникационных потоков институциональных иерархий, подпитывающих корпоративные сети. Они меняют способы рекрутирования и численность лидеров общественного мнения. Последние перестают быть представителями корпоративных институтов, обладающими уникальными знаниями, и становятся гражданскими экспертами, обладающими высокой коммуникативной компетентностью и производящими мнения. Так, блогосфера сегодня в России основана на

культуре углубленного комментария на любые темы. Наиболее популярные блогеры – это сформировавшиеся люди с хорошим образованием, нередко – филологическим [7]. Их информированность и осведомленность практически не отличаются от той, которой обладают их читатели (в отличие от профессиональных журналистов). Над читателем блогера возвышают большой коммуникативно-информационный опыт, навыки работы с потоками информации, субъективно окрашенная подача материала и текстового оформления мыслей. Блоги интересны как площадка самовыражения с позиций читателя только тогда, когда таковое эстетически состоятельно, автор владеет литературным языком (включая субкультурные жаргоны) и способен развлекать и привлекать читателя, открывать новые горизонты предсказуемого ракурса интерпретации («я бы и сам пришел к таким выводам, если бы у меня было время на освоение материала»). Блогер предлагает свою субъективную оценку, и если форма ее выражения вызывает эстетический, эмоционально окрашенный, отклик у реципиента, то реципиент примет и ее содержательную систему аргументации. Гражданский эксперт в социальных сетях эксплуатирует иллюзию сильной связи, конструируя широкую слабую сеть.

Рациональное, объективное, эмоционально нейтральное, сложное для восприятия научное знание может быть включено в формат блогосферы только при особом популяризаторском таланте блогера. Требуется серьезная жанровая работа для адаптации научного знания к продвижению в условиях социальных сетей. Лженаука, избилующая красочными примерами, риторическими приемами, «историями из жизни», пренебрегающая информированием ради убеждения, чувствует себя комфортнее в среде сетевого неформального знания и быстро в ней распространяется.

Блогосфера как «сеть сетей» аккумулирует усилия массы безвестных блогеров, почти мгновенно откликающихся на злободневные события, тиражируя информацию о них, наращивая ее новостную плотность и укрепляя общественный интерес, т.е. наделяя событие резонансом. Известные блогеры (гражданские эксперты) дают оценку сложившимся резонансным событиям, формируя тем самым повестку дня и воздействуя на общественное мнение, т.е. фактически мнение в блогосфере производит горстка избранных экспертов, хотя эта совокупность всегда остается открытой и любой рядовой блогер, удачно на старте осветивший резонансное событие, может оказаться в топе. Высокая работоспособность, привлекательность авторского стиля, актуаль-

ность тематики – все это способствует быстрому вхождению рядового блогера в топовый круг, осуществляемому весьма быстрыми (по меркам традиционной социальной мобильности) темпами. Важно, что приобретаемый авторитет конвертируем для внешних медиаСред – СМИ и других социальных сетей, в первую очередь Фейсбука и Твиттера.

Принципы формирования неформальной гражданской экспертизы, имеющиеся в блогосфере, работают и во всех остальных сетях. Однако важным отличием сетей «последнего поколения» является резкое снижение объемов печатного текста в сообщениях. Постепенная, но неуклонная эволюция интернет-сообщений от электронного гипертекста через медиатекст, интегрирующий вокруг печатного сообщения видео, аудио и графические элементы к видеотрансляции, приводит к тому, что среда социальных сетей становится все менее пригодной для трансляции научного знания. Приходится констатировать, что коммуникационные условия трансляции сетевого неформального знания для лженауки благоприятны и компетентность гражданских экспертов формируется в идейной среде, толерантной к лженауке. Сложившееся положение дел не изменится до тех пор, пока для корпоративной практики науки не станет нормой рутинная сетевая активность.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-33-01056a2 «Мифы о прошлом в современной медиаСреде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования»).

Список литературы

1. Спиркин А. Г. Знание // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 192.
2. Касавин И. Т. Познание // Философия : энцикл. словарь / под ред. А. А. Ивина. М., 2004. С. 872–873.
3. Питт Дж. Научные и технологические знания : что между ними общего и в чем различия // Школа и производство. 2002. № 3. С. 7–9.
4. Dosi G., Labini M. The relationships between science, technologies and their industrial exploitation: an illustration through the myths and realities of the so-called «european paradox» // Research policy. 2006. Vol. 35, № 10, pp. 1450–1464.
5. Коктыш К. Е. Когнитивные интеграторы : опыт моделирования социальной динамики // Вестн. МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 255–260.
6. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
7. Поль Д. В. ИКТ и блогосфера. Феномен «литературы путешествий» // Вестн. Гуманитар. ин-та. 2015. № 1 (15). С. 38–41.

Образец для цитирования:

Тихонова С. В. Лженаука в современной коммуникационной системе неформального знания // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 416–420. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-416-420.

Pseudoscience in Modern Communication System of Informal Knowledge

Sofiya V. Tikhonova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: segedasv@yandex.ru

The article deals with modern communication conditions of informal knowledge dissemination. According to the author, the inclusion of civilian expertise in transdisciplinary practices of science leads to the fact that the fate of the science depends on the competence quality of the civilian experts, for example, bloggers. It appears on the basis of a civil debate unfolding in social networks. The core of the civil experts competence is the skill of communication flows orientation and using of linguistic means for self-expression. Subjectivity is a key characteristic of the network content and at the same time a management tool of aesthetic, the emotive, recipient responses. Considering formal scientific knowledge as a type of knowledge, the author shows that his connection with the form of expression (written/text form, specific style and genres, specialized network of periodicals and book publishing) makes it difficult to spread in the social network environment and reduces its competitiveness compared to pseudoscience. Pseudoscience actively appeals to the emotions, ignoring information for the sake of persuasion, therefore, quickly adapted to the environment informal networking knowledge and rapidly it spreads. As result the civil-expert and pseudo-scientific discourse both draw in social networks. It reduces civilian expert competence.

Key words: informal knowledge, scientific knowledge, pseudoscience, science, social networks, transdisciplinarity, civil expertise.

Acknowledgements: *The work was supported by the Russian Foundation for Basic Researches (project no. 17-33-01056 a2 “Myths about the past in a modern media environment: the practices of construction, mechanisms of action and prospects for use”).*

Cite this article as:

Tikhonova S. V. Pseudoscience in Modern Communication System of Informal Knowledge. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 416–420. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-416-420.

References

1. Spirkin A. G. Znanie [The knowledge]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [The Encyclopedic dictionary of philosophy]. Moscow, 1983, p. 192 (in Russian).
2. Kasavin I. T. Poznanie [The cognition]. *Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophy: Encyclopedic dictionary]. Ed. by A. A. Ivin. Moscow, 2004, pp. 872–873 (in Russian).
3. Pitt J. Nauchnye i tehnologicheskie znaniya: chto mezhdumimi obshhego i v chem razlichiya [Scientific and technological knowledge: what they have in common and what are differences]. *Shkola i proizvodstvo* [School and industry], 2002, no. 3, pp. 7–9 (in Russian).
4. Dosi G., Labini M. The relationships between science, technologies and their industrial exploitation: an illustration through the myths and realities of the so-called «european paradox». *Research policy*, 2006, vol. 35, no. 10, pp. 1450–1464.
5. Koktysh K. E. Kognitivnye integratory: opyt modelirovaniya socialnoy dinamiki [Cognitive integration: the experience of modeling social dynamics]. *Vestn. MGIMO-Universiteta* [Vestnik MGIMO-University], 2010, no. 4, pp. 255–260 (in Russian).
6. Granovetter M. S. Sila slabykh svyazey [The strength of weak ties: A network theory revisited]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2009, vol. 10, no. 4, pp. 31–50 (in Russian).
7. Pol D. V. IKT i blogosfera. Fenomen «literaturny putestviy» [The ICT and the blogosphere. The phenomenon of «literature of travel»]. *Vestn. Gumanitar. in-ta* [Vestnik Humanities Institute], 2015, no. 1 (15), pp. 38–41 (in Russian).

УДК 314.74

«ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ» КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Трунев Сергей Игоревич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университета имени Гагарина Ю. А. E-mail: si_trounev@mail.ru

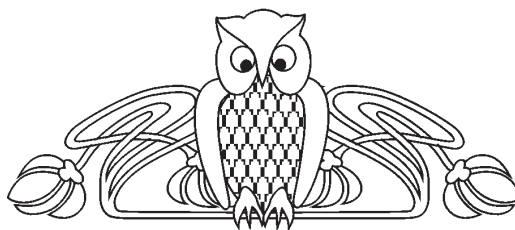
Антонюк Екатерина Юрьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: eyu_antonjuk@mail.ru

Основной задачей статьи является выявление представлений о временных траекториях развития культуры ряда восточных и европейских стран, включая Россию. Речь идет не о реальном (историческом) времени развития культуры и его периодизации, но именно о представлениях о конфигурации временных траекторий, заданных спецификой конкретной культуры, до определенной степени формирующих национальную идентичность. Эти траектории варьируются следующим образом: для США время представляется непрерывным возрастающим прогрессом, поскольку, в отличие от Европы и России, Америка никогда не переживала катастрофических упадков экономики, культуры и жизнеобеспечивающей инфраструктуры; время Европы циклично: в нем относительно спокойные периоды сменяются революционными преобразованиями; время стран Востока – длительные периоды «сонного» состояния, за которыми следует «прыжок тигра»; время России также циклично, но здесь каждый новый этап стремится уничтожить достижения предыдущего. Делается вывод, что представления о «времени культуры» являются органичной и крайне значимой частью социокультурной идентичности. Возможно, изменение представлений о специфике траектории времени культуры позволит России совершить гигантский прорыв в постиндустриальное будущее.

Ключевые слова: время, культура, временная траектория, отрезки, этапы, идентичность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-421-424

Каждая культура обладает собственной временной траекторией, несводимой ни к концепту физического времени, ни, тем более, к концептам времени психологического или же биологического. Известно, что физическое время состоит из одинаковых отрезков, линейно, континуально, бесконечно (время И. Ньютона); психологическое – из разных отрезков, оно линейно, дискретно, конечно (время Э. Маха и А. Пуанкаре); биологическое – также из разных отрезков, линейно, континуально и конечно. Но «время культуры» имеет иную траекторию, варьирующуюся в зависимости от специфики конкретной культуры и отчасти связанную с динамикой экономических и/или политических событий.

В задачи данного исследования не входит попытка выработки некоей единой временной траектории развития культуры, поскольку стремление к унификации здесь приведет к уже апробированным многими исследователями ошибкам и неточностям. Наша задача заключается как раз в обратном, а именно – продемонстрировать поливариантность представлений о развитии с учетом специфики каждой конкретной культуры. В этой связи наиболее близкими по направленности являются подходы, согласно которым культуры делятся на монохронные и синхронные (Ф. Тромпенаарс, Э. Холл) и в своем развитии ориентируются на прошлое, настоящее или будущее (Ф. Тромпенаарс). Несмотря на кажущуюся привлекательность, данные подходы узки и могут быть использованы почти исключительно в целях организации менеджмента, формирования межличностных отношений и т. п., однако они ничего не могут открыть нам ни в мировоззренческом аспекте, ни в представлениях того или иного народа о собственной социокультурной идентичности.

По своим характеристикам к физическому наиболее близко время американской культуры. Именно на такие размышления наталкивают уличные наблюдения Ж. Бодрийяра, написавшего в своей «Америке»: «Американская улица, может быть, и не знает исторических моментов, но она всегда оживлена, витальна, кинетична и кинематична, по образу и подобию самой страны, где мало принимается в расчет собственно историческая и политическая сцена, но где перемены, как бы они ни обеспечивались технологиями, расовыми различиями, масс-медиа, распространяются с силой вирусной инфекции: это сама сила образа жизни» [1, с. 86–87]. Данное представление о непрерывной жизни американской улицы, на наш взгляд, можно проецировать на развитие американской культуры в целом, точнее, на представления самих американцев о траектории развития собственной культуры. В результате мы можем сказать, что время американской культуры обладает качествами непрерывности, континуальности и бесконечности (с точки зрения Голливуда, Америка выживет даже после Апокалипсиса).

Более того, время американской культуры есть непрерывный прогресс и безудержная экспансия во внешний мир.

Усиливая сказанное, приведем слова политолога К. Коукера: «Собственный опыт Америки подсказывал ей, что история имеет линейный характер: положение постоянно улучшалось. Страна шла по прямой от успеха к успеху. Американцы никогда не терпели поражений на поле боя или в какой-либо сфере деятельности от иностранного противника или в результате экономического коллапса. Прогресс и был американской философией, что объясняет, почему европейская философская традиция в Америке оказалась сравнительно слабой. Американцы никогда особенно не задумывались над положением человека. История не подталкивала их к таким размышлениям» [2, с. 75]. Причиной, по которой американцев не интересует место человека в мире, является то, что, по их представлениям, человек, т.е. американец всегда занимает в мире центральное место, и именно из этого центра он осуществляет свою экспансию. Прямым выражением американского антропоцентризма является философия прагматизма, согласно которой любая теория есть правило действия, являющееся истинным в том случае, если, в итоге, человек приходит к преодолению проблемной ситуации и достижению психологически комфортного состояния. Проецируя данную философию на страну в целом, понимаем: для американцев не имеет значения, какие действия совершают США в мировом масштабе, поскольку их единственная цель есть пролонгированное во времени и непрерывно возрастающее благосостояние, приносящее психологический комфорт и уверенность в завтрашнем дне.

Исторически гораздо более пострадавшая от различного рода катаклизмов Европа имеет иные представления о времени. В отличие от Америки, ее время состоит из разных отрезков, континуально и конечно (по меньшей мере, Европе отнюдь не чужд пессимизм относительно будущего). Согласно Ж. Бодрийяру: «В Европе улица живет лишь урывками, в исторические моменты, революции, на баррикадах. В другое время люди проходят их быстро, по ним никто не бродит (никто не прохаживается). Они сродни европейским машинам: никто в них не живет, для них не хватает пространства. Недостает пространства и городам – или, скорее, это пространство считается общественным, ему присущи знаки публичной сцены, что не позволяет двигаться по нему как по пустыне или безразличному пространству» [1, с. 86]. Действительно, с одной стороны, страны Европы развиваются неравномерно, «от

революции к революции», чему мы, вероятнее всего, являемся свидетелями. Потоки мигрантов трансформируют пространство европейских городов, фактически превращая ее в пустыню, т.е. в безразличное пространство, готовое к новому структурированию на новых идеологических основаниях. Впрочем, подобного рода перемены представляются редким явлением. В периоды затишья Европа живет примерно так, как представил это Е. Сабуров в интервью Т. Чередниченко: «Механизм смены партий противоположной направленности, который сейчас существует в мире, приводит к такому интересному эффекту: маятник все меньше раскачивается. Когда приходят к власти либералы, ни одному из них в голову не приходит отменить пенсии. А когда к власти приходят социалисты, все-таки никто из них не запускает инфляцию на 50% в год. Амплитуда движения маятника постоянно уменьшается. Из разряда того, что всех освободим или, наоборот, повесим всех, кто выделился, борьба сползает к спорам о том, будет инфляция 3% или 10%. <...> Но это, конечно же, не снимает остроты политических боев, обвинений друг друга в глупости и борьбы за голоса избирателей» [3, с. 30]. По сути это означает, что в периоды экономического, политического и культурного спокойствия европейское время обладает не ярко выраженным качеством цикличности.

Это может показаться странным, но время восточных культур до определенной степени напоминает европейское. Лучше всего его характеризует выражение «прыжок тигра», обозначающее в свое время стратегии, обусловившие резкий экономический, социально-политический и культурный скачок ряда восточных стран (Тайвань, Сингапур, Гонконг, Южной Кореи) в 1970–1980-е гг. Что означает данное выражение в аспекте анализа времени культуры? Тигр может спать значительное время, накапливая ресурсы и практически безучастно наблюдая за внешней и внутренней ситуацией. В этот период в странах как будто ничего не происходит, однако это обманчиво. Накопив достаточно ресурсов и подготовившись к радикальным изменениям, «тигр» совершает революционный прыжок в развитии. Таким образом, время культуры восточных стран представляется состоящим из разных отрезков, континуальным, с более ярко выраженной цикличностью.

Наконец, мы уже много писали о том, что российская культура постоянно колеблется между состояниями подобной хаосу революции (состоянием нестабильности) и совершенного тоталитарного структурирования (состоянии-

ем стабильности). Так, революционный хаос 1920-х гг. сменяется в предвоенное десятилетие формированием вертикальной и горизонтальной структуры СССР, проникновением официальной идеологии во все сферы культуры и частной жизни. Начиная с 60-х годов, в истории России мы можем наблюдать периодически сменяющиеся друг друга следующие этапы: 60-е гг. – короткий период нестабильности («оттепель»), 70–80-е – период относительной стабильности («застоя»), 1990–2003-й гг. – период нестабильности («перестройки»), 2003–2008 гг. – период возрастания стабильности.

Нетрудно заметить, что периодичность смены периодов стабильности и нестабильности повторяет даже не периодичность экономического состояния страны, но маятникообразные колебания способов саморепрезентации политической власти – от условной демократии (ленинской, хрущевской, горбачевско-ельцинской) до условного тоталитаризма (сталинского, брежневского).

Маятникообразные колебания в России отличаются от европейских несравненно большей амплитудой, захватывающей диаметрально противоположные точки развития. Если учесть, что каждый новый период стремится если не уничтожить культуру предыдущего, то негативным образом переоценить ее, станет очевидным: Россия никогда не живет ни в прошлом, ни в настоящем времени, но почти исключительно в будущем. Иначе говоря, культура предыдущего периода разрушается «до основания», а в настоящем требуется терпеть все тяготы и лишения. Только благодаря этой жертве уже «следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (Н. С. Хрущев). Или, как прозорливо писал об этом еще Н. Бердяев: «Русский дух, устремленный к абсолютному во всем, не овладевает мужественно сферой относительного и срединного, он отдается во власть внешних сил. Так, в срединной культуре он всегда готов отдаться во власть германизма, германской философии и науки. То же и в государственности, по существу, срединной и относительной. Русский дух хочет священного государства в абсолютном и готов мириться с звериным государством в относительном. Он хочет святости в жизни абсолютной, и только святость его пленяет, и он же готов мириться с грязью и низостью в жизни относительной <...> Россия как бы всегда хотела лишь ангельского и зверского и недостаточно раскрывала в себе человеческое» [4, с. 28]. Несколько перефразируя слова русского философа, ситуацию можно описать следующим образом: будучи устремленным к идеальному будущему, русский человек терпит

доставшееся от прошлого звериное настоящее, не умея по-человечески в нем обустроиться.

Таким образом, следует сделать вывод, что представления о временной траектории развития конкретной культуры являются чрезвычайно значимыми для понимания ее качественной специфики. В этой связи время оказывается фактором, формирующим диахронический срез мировоззрения. Это означает, что из представлений о времени культуры можно также сделать выводы об оценке представителями различных стран качества их прошлой, настоящей и будущей жизни:

– Америка: прошлое и настоящее в достаточной мере благоприятны, но будущее еще лучше. Основная задача – наращивать мировое господство за счет непрерывной экспансии во всех сферах;

– Европа: резкие изменения в настоящем обеспечат несколько десятилетий безбедного существования. Основная задача – интенсивно трансформировать экономические, социально-политические и культурные структуры с учетом изменений внешней и/или внутренней ситуации;

– страны Востока: «три года упорного труда – десять тысяч лет счастья!» (Мао Цзэдун). Основная задача – упорно трудиться, чтобы обрести благосостояние в ближайшем будущем;

– Россия: благодаря наследию предыдущего периода («темного прошлого») настоящее призвано его искоренить, чтобы в неопределенном будущем страна процветала. Основная задача – трудиться и терпеть, чтобы новые поколения обрели благосостояние в неопределенном будущем.

В настоящее время в России созрели все необходимые предпосылки к тому, чтобы надежно закрепиться в настоящем при сохранении четкой установки на будущее интенсивное развитие. Разумеется, для этого нужно не только упорно трудиться, повышая благосостояние страны в целом и каждого отдельного человека в частности, необходимо в корне изменить само восприятие времени и, прежде всего, наделить позитивным смыслом его основные характеристики.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000. 204 с.
2. Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. 272 с.
3. Чередниченко Т. Россия 1990-х в слоганах, рейтингах, имиджах // Актуальный лексикон истории культуры. М., 1999. 416 с.
4. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. 206 с.

Образец для цитирования:

Трунев С. И., Антонюк Е. Ю. «Время культуры» как элемент социокультурной идентичности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 421–424. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-421-424.

«Culture Time» as an Element of Sociocultural Identity

Sergey I. Trounev

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: si_trounev@mail.ru

Ekaterina Y. Antonyuk

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: eyu_antonyuk@mail.ru

The main purpose of this article is to identify the notions of temporal trajectories of cultural development in a number of Eastern and European countries, including Russia. The authors doesn't speak about real (historical) time of culture development and its periodization, but they just present the ideas of temporal trajectories configuration, given in a specific culture which form a national identity to a certain extent. These trajectories vary: for the USA's time, it seems to be a continuous increasing some progress; as for the Europe's time, it is cyclic and rather quiet periods here are replaced by the periods of revolutionary changes; time of the East is long periods of «sleep» state followed by a «tiger jump»; as for Russia then, its time is also cyclic but each new

stage here aims to destroy the achievements of previous one. It is concluded that the idea of «culture time» is an original and extremely significant part of socio and cultural identity. Perhaps changing ideas about peculiar features of the culture time trajectory will allow Russia to make a giant breakthrough in the post-industrial future.

Key words: time, culture, temporary trajectory, periods, stages, identity.

References

1. Baudrillard J. *Amérique*. Paris, 1986. 249 p. (Russ. ed.: Bodriyyar J. *Amerika*. St. Petersburg, 2000. 204 p.).
2. Koker K. *Twilight of the West*. Boulder, 1998. 216 p. (Russ. ed.: Kouker K. *Sumerki Zapada*. Moscow, 2000. 272 p.).
3. Cherednichenko T. Rossiya 1990-h v sloganakh, reytingakh, imidzhakh: *Aktualniy leksikon istorii kultury* [Russia in the 1990s, the slogans, ratings, images: Topical lexicon of cultural history]. Moscow, 1999. 416 p. (in Russian).
4. Berdyaev N. *Sudba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsionalnosti* [Berdyaev N. Russia's fate. Essay on the war psychology and nationality]. Moscow, 1990. 206 p. (in Russian).

Cite this article as:

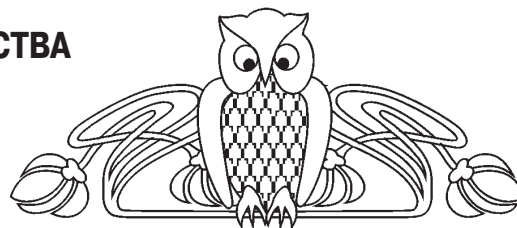
Trounev S. I., Antonyuk E. Y. «Culture Time» as an Element of Sociocultural Identity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 421–424. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-421-424.

УДК 101.1:316

СИСТЕМНЫЕ РИСКИ ПЕРЕХОДНОГО ОБЩЕСТВА

Устьянцев Владимир Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ystvb@list.ru

В статье представлен анализ рискогенных процессов, вызванных переустройством техногенного общества под влиянием новых социальных сдвигов в общественной жизни. В авторской трактовке системный риск представляет собой многомерное проявление опасности для общественной и частной жизни, опасности, тающей преимущественно неблагоприятные последствия для институционального порядка и повседневного существования человека. Системные риски представлены под углом зрения концепций жизненного и системного миров. Риски современного жизненного мира образуют ценностные структуры рискогенного бытия культуры, проявляются в XXI в. при переходе книжной культуры в посткнижную и подвергают масштабным испытаниям традиции и ценностные установки социокультурных общностей. Установлено, что в концепции системного мира основные риски отличаются амбивалентной направленностью и высокой степенью неопределенности. С одной стороны, рисковые решения, принимаемые властными элитами в условиях общества риска, приводят к обострению рискогенных ситуаций, с другой стороны, активизируют поиск инновационных стратегий управления рисками. Теоретическим пространством взаимодействия концепций жизненного и системного миров выступает концепт «институциональный порядок», выражающий особое цивилизационное образование переходного общества, где непрерывно воспроизводятся ценностные и нормативные риски, обсуждаются общие проблемы институционального и ценностного человека в изменяющемся мире.

Ключевые слова: жизненный мир, институциональный риск, институциональный человек, информационная матрица, посткнижная культура, порядок, системный мир, системный риск, ценность, ценностный человек.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-425-429

В первые десятилетия XXI в. все заметнее становятся очертания системных рисков, проявляющихся под влиянием изменения геополитической ситуации в мире, глобализации национальных территорий, возникновения необратимых тенденций перехода культуры книги к посткнижной культуре. Цивилизационные сдвиги создают для философии новое проблемное поле, где возникают различные концепции переходного общества. Формирование этого общества как онтологической реальности связано с изменением привычной для миллионов и миллионов людей социальной среды, наполнением ее рискоемкими процессами, не укладывающимися в стандарты техногенной реальности.

Категориальный аппарат современных концепций переходного общества, ориентированный

на познавательные установки социальной философии, философии науки и философии культуры, дает возможность установить институциональные и социокультурные основания переходности, разворачивающиеся в социальных рисках. В онтологическом плане системный социальный риск можно представить как многомерное проявление опасности, вызванной нарушением основных функциональных требований, норм, ценностей общественной жизни и порождающих преимущественно неблагоприятные последствия для существующего институционального порядка и повседневной бытийственности человека. Выражая глубинные основания рискогенной реальности социума, в которую погружен современный человек, системные риски становятся особым социальным инобытием человеческих жизней, содержат ценности, воплощенные в культуре, государстве, праве.

Концентрируя ценностные и институциональные начала общественной жизни, системные риски являются феноменами многомерного мира, не поддаются однозначным суждениям и познавательным установкам. Сложность методологического синтеза в исследовании таких рисков заключается в том, что, занимая пограничное положение между ценностным и институциональным подходами, системные риски образуют особое проблемное поле и разворачиваются в явлениях жизненного и системного миров.

Социокультурные основания для осмысления системных рисков в обществе представлены в концепции жизненного мира. В классической теории жизненного мира Г. Гуссерля как в мире изначальных очевидностей, распадающихся на множество социокультурных практик, нет жестких поведенческих стандартов нормативной культуры. Ценностное отношение к окружающей действительности, пронизанное разнообразием интуитивных смыслов, оказывает влияние на поведение и сознание индивидов, по-своему воздействует на генезис и феномены рисков. В концепции жизненного мира риски обретают трансцендентальную направленность и вытекают из сознания человека: «объективный мир, который есть для меня <...> черпает весь свой смысл и бытийную значимость, которой он для меня обладает

из меня самого, из меня как трансцендентального Я» [1, с. 85]. Выдвижение в центр жизненного мира творческого сознания открывало путь к осмыслению рисков, порождаемых трансцендентальным Я. Человек, пребывающий у Гуссерля на родной почве жизненного мира, становится основным источником рисков. Мыслитель подготовил духовный дискурс для исследования исходных форм жизненного пространства, для феноменологического обоснования кризисных ситуаций и рисков в обществе, в сознании человека. Вместе с тем следует внести некоторые уточнения: жизненный мир, пронизанный ценностями культуры, содержит опосредованные ограничения в социокультурных практиках и в поведенческих установках человека, основанных на его жизненном опыте. Благодаря приобретенному опыту и здравому смыслу индивидуальное сознание позволяет индивиду ориентироваться в рискогенной среде, адаптироваться к системным рискам. Риски подвергают испытанию ценностные установки, в более широком контексте – весь жизненный мир личности. Между жизненным опытом, ценностями и рисками как испытаниями устанавливаются подвижные взаимоотношения. Представители философии жизни, анализируя эту цепочку очевидностей, проясняют важнейшие феномены жизненного мира. В. Дильтей пишет, что «совокупность процессов, в ходе которых мы подвергаем испытанию жизненные ценности и ценности вещей, я называю жизненным опытом» [2, с. 67]. Это определение работает и сегодня. По мере вовлечения в многоплановые процессы переходности человек непрерывно подвергает испытанию свои жизненные ценности и весьма неохотно расстаётся с ценностными установками, обретенными им в традиционном или индустриальном мире. Поэтому социокультурные системы постиндустриального мира часто встречают «отпор» со стороны жизненного опыта человека, тем самым создаются все новые ситуации риска. Это риски – утраты прежней идентичности, компьютерной грамотности, стандартизирующие индивидуальные чувства, суждения, взгляды, одиночества в условиях нарастания неопределенности до этого относительно устойчивых гарантий безопасности и свободы действий. М. Хайдеггер весьма точно определил сложный процесс преодоления неопределенности в жизненном мире человека, непрерывно нарастающей под влиянием весьма усложненного и противоречивого внешнего мира. Индивид, по его мнению, стремится преодолеть состояния неопределенности, когда миссия раскрытия потаенности как таковая, во всех своих видах, с необходимостью есть риск [3].

Раскрытие потаенности и обретение социокультурных средств для преодоления риска человек достигает через общение с другими. В этой связи более пристального внимания требует анализ коллективного риска как феномена системного риска. Коллективный риск чаще всего проявляется в ролевом пространстве и дает возможность определить статусное положение и меру ответственности отдельной личности. В коллективных рискованных действиях неизбежны столкновения индивидуальных интересов и настроений. Жизненные ощущения надвигающейся опасности, весьма распространенные у индивидов, оказавшихся в рискогенном пространстве, влияют на образ жизни и образ мыслей, усиливают напряженность межличностных отношений. При всем разнообразии субъективных и объективных состояний коллективных рисков, с которыми сталкивается человек в процессе реализации жизненных планов и стратегий, он постоянно испытывает влияние жизненного мира социума и отдельных общностей.

Системные риски в жизненном мире социокультурных общностей приобретают все новые очертания в смысловых и ценностных установках, распространенных в локальных культурах. Креативные корпорации, общественные движения творческой интеллигенции в единстве с новыми интеллектуалами добиваются социокультурного доминирования на различных уровнях жизненного мира переходного общества и, как правило, становятся субъектами системных рисков в образовании, в науке, в коммуникативных практиках. Вместе с тем в многомерном жизненном мире общества присутствуют информационные матрицы, направляющие развитие культуры, определяющие состояния переходности, порождающие различные ценностные измерения системных рисков. Для обществ эпохи позднего индустриализма, включая Россию, такие матрицы формируются в условиях перехода от книжной к посткнижной культуре. Массовая культура, массовые коммуникации изменяют строение и функции информационных матриц, обостряют социокультурные риски. Книжное пространство, нарушаемое «электронным» пространством, изменяет поведение и ценностные ориентации социокультурных общностей, порождает ранее не осознаваемые психологические, этические проблемы «обживания» межличностных коммуникаций. Появление новых информационных полей не проходит бесследно для жизненного мира людей. Социальное отчуждение индивидов переходит в психологическое. В жизненном мире социокультурных общностей, живущих в переходном обществе, усиливается состояние

неопределенности, множителю ощущение опасности, страха перед будущим. С нарастанием рисков жизненного мира в обществе все острее ощущается потребность в стабильности, в утверждении инновационных практик, способных управлять рисками жизненного пространства общества и человека.

Новые горизонты исследования рисков открываются в концепции системного мира. В отличие от концептов жизненного мира, где в центре внимания оказываются ценностные структуры рискогенного бытия, концепция системного мира выстраивается на рационально-институциональных началах. Эта концепция обладает разными познавательными средствами в исследовании рисков. Онтологическим основанием для адекватного исследования социальных рисков выступает особый способ организации общественной жизни в переходном обществе, «схваченный» познавательными средствами постнеклассической теории рисков.

Представляется, что в рационально выстроенном мире системные риски отличаются следующими признаками: а) содержат рационально выверенные правила и принципы исследования многоуровневых социальных объектов с высоким уровнем неопределенности; б) социальная направленность концепта «системный риск» во многом определяется интересами и практическим опытом ее субъектов (прежде всего властвующих элит); в) в результате узкопрагматической направленности, корпоративной заинтересованности и действия «синдрома нерешительности» элитарные средства управления рисками оказываются малоэффективными; г) в системно-рациональном мире *системные риски наиболее полно раскрываются в институциональных рисках*, вытекающих из многогранного процесса институализации, выраженного в нормах, правилах, требованиях. Эти риски стремятся преодолеть утвердившиеся в обществе ограничения, нарушить, как отмечает Т. Парсонс, «надлежащие мотивационные обязательства индивидов перед обществом» [4, с. 132].

Институциональные риски в зависимости от субъектно-объектных отношений между индивидами в переходном обществе можно разделить на два вида. *Первый*, позитивно-функциональный, разворачивается в существующем институциональном порядке общества и вытекает из действий властвующих элит, направленных на осуществление «реформ сверху». Рисковые решения, принимаемые правящей элитой в условиях нарастания неопределенности в функционировании переходного общества, с одной

стороны, приводят к обострению рискогенных ситуаций, с другой – активизируют поиск инновационных стратегий управления рисками. *Второй*, радикально-оппозиционный вид, интегрирует институциональные действия системной оппозиции, контр-элит, оппозиционных партий, радикалистских движений и направлен на разрушение существующего политического порядка и вытеснение правящих элит в маргинальное пространство политической жизни.

При всей подвижности консервативных и радикальных рисков в условиях переходности политической жизни длительное время сохраняется равновесие сил, обусловленное особенностями функционирования институционального порядка, осуществляющего «установление (хотя не обязательно эффективной) структуры взаимодействия между людьми» [5, с. 21]. В условиях неопределенности рискогенной среды стремление сохранить собственные жизненные позиции заставляет борющиеся стороны выполнять правила игры, установленные институциональным порядком.

В более широком познавательном контексте институциональный порядок оказывается особым цивилизационным образованием, способным создавать новые пространства, осуществлять взаимодействие жизненного мира и системного мира, интегрировать ценностные и институциональные риски. В установившемся порядке переходного общества жизненный и системный миры находятся в «сопричастном» пространстве. Причем слабое взаимодействие противостоящих по уровню организации и функционированию двух миров сопровождается появлением все новых состояний неопределенности. Как справедливо утверждает А. П. Альгин, «функционированию и развитию многих общественных процессов присущи элементы неопределенности. Это обуславливает появление ситуаций, не имеющих однозначного исхода (решения). Если существует возможность количественно и качественно определить степень вероятности того или иного варианта, то это и будет ситуацией риска» [6, с. 19]. Отсутствие однозначных решений при столкновении интересов субъектов жизненного мира (новых интеллектуалов) и системного мира (властвующих элит) приводит к появлению многомерных рискогенных территорий, где ценностные и институциональные риски образуют особые состояния переходности общественной жизни. Амбивалентность социальных территорий рисков заключается в том, что интеллектуалы, отличаясь критическим отношением к установ-

ленному порядку и обладая весьма ограниченным жизненным опытом бытийственности в рискогенной среде, оказываются не способными к созданию собственных стратегий управления рисками в национальных (государственных) масштабах. Обостряя без того напряженное рискогенное пространство, субъекты жизненного мира не в состоянии разрешать постоянно возникающие многоуровневые ситуации риска. В свою очередь властвующие элиты как субъекты системного мира, обладая мощным бюрократическим аппаратом, продолжают руководствоваться устаревшими методами и отжившими моделями управления. В условиях нарастающей неопределенности слабое использование вариативности в принятии решений, отсутствие практики применения консенсусной демократии приводят к расширению рискогенного пространства.

Новый аспект исследования рисков открывается при осмыслении человеческих отношений в переходном обществе и его институциональном порядке. Институционализация как творение человека, выраженная в нормах, требованиях, стандартах, выводит бытие отдельного индивида за горизонт надындивидуальной жизни. В результате появляется образ «институционального человека». Следует отметить, что, «попадая в сложные ситуации, требующие инновационных решений, институциональный человек постоянно сталкивается с рисками, имеющими психологические, социальные последствия не только для него, но и для корпоративных структур, интересы которых он реализует» [7, с. 191]. Оценивая различные ситуации с позиций внутреннего «Я», институциональный человек становится оценивающим, перемещается в духовные структуры ценностного бытия. «Ценностный человек» в большей степени стремится к самостоятельности суждений и действий в мире институтов, норм и установленных стандартов, оценивая возможные последствия событий с точки зрения значимости для его жизни, убеждений или жизненных стратегий. Причем это оценивание может осуществляться не только на основе индивидуальных устремлений, но и с позиций принятых в обществе представлений о справедливом общественном устройстве, распространенных в сознании современников демократических ценностей, прогрессивных установок, признаваемых ценностным челове-

ком. По своим качествам такой человек более динамичен, способен активно реагировать на вызовы окружающей социальной среды.

Как только ценности, которыми руководствуется человек в переходном обществе, перестают выполнять свойственные им нормативные функции, подвергаются девальвации и приходят в несоответствие с его внутренним и внешним миром, в ценностном бытии нарастает влияние негативных установок, основанных на страхе, чувстве отчаяния, усиливаются стремления к стихийному протесту. Бытийственный кризис человека, вызванный внешними факторами или внутренней напряженностью духа, приводит к преобразованию сложившегося бытия, когда в центре важных событий на смену ценностному человеку приходит институциональный, готовый найти необходимые решения и стандарты поведения, способный управлять рискогенными и конфликтными ситуациями, возникшими в обществе. Предложенная картина перемещений ценностных и институциональных начал в рискогенной среде отражает общую тенденцию влияния системных рисков на жизненный мир и институциональную бытийственность человека в переходном обществе.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-33-12009 а(с)) «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс»).

Список литературы

1. Гуссерль Г. Картезианские размышления. СПб., 1998. 315 с.
2. Дильтей В. Сущность философии. М., 2001. 160 с.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 221–238.
4. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 270 с.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
6. Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. 188 с.
7. Устьянцев В. Б. Амбивалентный человек в рискогенных ситуациях : институциональные и ценностные основания // Человек, общество, история : методологические инновации и региональный контекст : сб. тр. конф. Волгоград, 2008. С. 179–193.

Образец для цитирования:

Устьянцев В. Б. Системные риски переходного общества // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 425–429. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-425-429.

Systemic Risks of a Transitional Society

Vladimir B. Ustiantsev

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: ystvb@list.ru

The article presents an analysis of risky processes occurred due to rearrangement of technogenic society under the influence of new social trends and changes in the public life. In the author's interpretation the systemic risk is being presented as a multidimensional manifestation of danger to public and private life, a danger that tends to have unfavorable consequences for the institutional order and everyday existence of a person. Systemic risks are presented from according to the view of the concepts of the life and system world. The risks of the modern life world produce the value structures of the risky existence of culture and are manifested in the 21st century with the transition of «book» culture to the electronic culture (post-book culture) and undergo extensive trials of traditions and values of sociocultural communities. The author has established that in the concept of the system world the main risks are characterized by ambivalent orientation and high degree of uncertainty. On the one hand, risk decisions taken by powerful elites in a risk society situation lead to aggravation of risky situations, on the other hand, they intensify the search for innovative risk management strategies. The theoretical space of interaction between the concepts of the life and the system world is the concept of «institutional order», which expresses the special civilizational formation of a transitional society, where values and normative risks are continuously reproduced, and general problems of the institutional and value person in a changing world are discussed.

Key words: vital world, institutional risk, institutional person, information matrix, post-book culture, order, system world, systemic risk, value, value person.

Acknowledgements: *This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 15-33-12009 a (c) "Russia in 1917: institutional resource, social risks and civilization collapse").*

References

1. Husserl G. *Cartesian Meditations*. The Hague, 1960. 175 p. (Russ. ed.: Husserl G. *Kartezianskie razmyshleniya*. St. Petersburg, 1998. 315 p.)
2. Dilthey W. *The essence of philosophy*. Chapel Hill, 1954. 78 p. (Russ. ed.: Dilthey W. *Sushchnost filosofii*. Moscow, 2001. 160 p.)
3. Heidegger M. Vopros o tekhnike [The question of technology]. In: Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow, 1993, pp. 221–238 (in Russian).
4. Parsons T. *The system of modern societies*. Englewood Cliffs, 1971. 290 p. (Russ. ed.: Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv*. Moscow, 1998. 270 p.)
5. North D. *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*. New York, 1990. 159 p. (Russ. ed.: North D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Moscow, 1997. 180 p.)
6. Algin A.P. *Risk i ego rol d obshchestvennoy zhizni* [Risk and its role in public life]. Moscow, 1989. 188 p. (in Russian).
7. Ustiantsev V. B. Ambivalentnyy chelovek v riskogennykh situatsiyakh: institutsionalnye i tsennostnye osnovaniya [The ambivalent person in risky situations: institutional and valuable grounds]. In: *Chelovek, obshchestvo, istoria: metodologicheskie innovatsii i regionalny kontekst* [Man, society, history: methodological innovations and regional context]. Volgograd, 2008, pp. 179–193 (in Russian).

Cite this article as:

Ustiantsev V. B. Systemic Risks of a Transitional Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 425–429. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-425-429.

УДК 1 (091)

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ А. Ф. ЛОСЕВА

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: friauf50@mail.ru

В статье автор ставит перед собой задачу рассмотреть аргументы А. Ф. Лосева о соотношении понятий абсолютной и относительной мифологий. Это тем более актуально, что в среде историков русской философии данная идея русского мыслителя остается плохо рецептированной и недостаточно проясненной, поэтому автор начинает с текстурального анализа ранних произведений Лосева, в которых он впервые высказывает эту эвристичную идею. Она предлагается в качестве способа решения вопроса о синтезе веры и знания посредством оригинально истолкованного *гносиса*. Последовательно анализируемые источники (книги и статьи А. Ф. Лосева) раскрывают понятие абсолютной и относительной мифологий. Лосеву принадлежат парадоксальные тезисы, согласно которым в повседневном обиходе нет ничего, кроме той или иной мифологии. Равным образом, как наука, так и религия суть не что иное, как виды относительной мифологии. Поздняя статья о соотношении абсолютной диалектики и абсолютной мифологии развивает ранние интуиции русского мыслителя. В итоге можно констатировать, что в русском мировоззрении идеи А. Ф. Лосева занимают свое место, которое можно обозначить как теоретическое развитие православной теологии, т.е. как дальнейшее развитие основных положений русской идеи. **Ключевые слова:** абсолютная мифология, относительная мифология, абсолютная диалектика, относительная диалектика, гносис.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-430-433

Даже среди замечательно глубоких и плодотворных размышлений русских мыслителей о сущности веры и знания теоретические взгляды Алексея Лосева занимают особое положение. А. Ф. Лосев, он же монах Андроник сумел за свою долгую человеческую и творческую жизнь разработать целостную систему мировоззрения, которую сам квалифицировал как **«православно понимаемый неоплатонизм»**. В частном письме своей жене – Валентине Михайловне Лосевой – русский мыслитель называет себя «философом имени, числа и мифа». Но, прежде всего, мы должны настоятельно подчеркнуть принципиальную установку всего богатейшего наследия Лосева, которую следует обозначить как **«православно ориентированное мышление»**.

Идея *абсолютной мифологии* одна из самых глубоких и эвристичных в мировоззрении Алексея Лосева. И она, увы, до сих пор плохо понимается даже в сообществе историков русской философии. Первое упоминание, первые разъяснения смысла и сути абсолютной мифологии мы находим в знаменитой ранней работе Лосева

«Диалектика мифа». «Я хотел бы здесь наметить, – пишет русский мыслитель, – одну установку, которая будет играть основную роль в наших дальнейших изысканиях. Это – противоположность *абсолютной* и *относительной* мифологии» [1, с. 198].

Действительно, эта идея играет основную роль во всех дальнейших изысканиях Лосева. Нас в данном случае интересует лишь один, хотя и самый существенный её аспект, а именно – истолкование загадки феномена веры и феномена знания в контексте лосевского учения об абсолютной и относительной мифологиях. Но что же именно понимает под абсолютной и относительной мифологиями сам Лосев? «Возможна мифология, которая ни с какой стороны и ни в каком отношении не встречает препятствий для своего существования и развития, – отмечает мыслитель. – Такая мифология существует как единственно возможная картина мира, и ни один принцип её не подвергается никакому ущербу. Такую мифологию я называю *абсолютной*.

Напротив, если мифология не понимает своей мифологической природы, уродует диалектику как собственный разум, увлекается частностями и абсолютизирует какой-нибудь один или несколько принципов мифологии абсолютной – то перед нами относительная мифология» [1, с. 198–199]. Уже в «Диалектике мифа» Алексей Лосев максимально сближает понятия мифа и диалектики – собственно, для него это просто два способа выражения одного и того же явления. Одновременно такая мифология и такая диалектика – суть учение о бытии, т.е. онтология: «Абсолютная мифология есть абсолютное бытие, бытие, достигшее степени мифа. Развернуть такую мифологию – значит показать, как это абсолютное бытие дорастает до такого абсолютного мифа и какие этапы проходит бытие в это развитие» [1, с. 200].

Кроме того, перед нами мифология, которая, несомненно, включает в себя сакраментальный вопрос о природе веры и её соотношении с природой знания. Понятно, что Лосев как православный мыслитель не мог обойти вниманием это обстоятельство. «Прежде всего, – поясняет он свою позицию, – я развивал антиномию *веры*

и знания. – Вера, того требует диалектика, не может осуществляться без знания и даже есть само знание (или вид его), а знание не может осуществляться без веры и, в сущности своей, и есть не что иное, как вера (или вид её). Вопреки относительной мифологии, выставляющей на первый план то веру без знания, то знание без веры, *абсолютная мифология может* избрать только один путь – признать одинаковую, совершенно равноправную ценность веры и знания» [1, с. 201]. Запомним этот тезис. Ибо далее, как мы вскоре увидим, русский мыслитель пытается конкретизировать и содержательно развернуть его.

Как же это может сделать абсолютная мифология? Она может это сделать, отвечает Лосев, только так, чтобы оба этих момента *объединились в нечто третье совершенно без всякого остатка*, чтобы объединение веры и знания совершилось не по типу веры и не по типу знания, чтобы была третья, совершенно особая категория, которая бы целиком скрывала в себе эти две и по сравнению с которой они оказались бы только несамостоятельными, абстрактными моментами. Такой синтез, подчёркивает мыслитель, может дать только диалектика, так она может примирить враждующее противостояние веры и знания. Таким синтезом является *ведение*, равноправно вмещающее в себе и веру, и знание и не способное осуществиться ни без веры, ни без знания: «Я называю эту мифологию *абсолютной, она всегда ведение, гносис*. Фидеизм же и рационализм есть виды относительной мифологии <...>. Абсолютная мифология гностична, она – *гностицизм* (конечно, в общем, а не в специальном смысле христианских сект II–III вв.)» [1, с. 202]. О двух видах ведения, отмечает мыслитель, читаем у Исаака Сирина: 1) «естественного, предшествующего вере» и 2) «духовного, порождаемого верою» [1, с. 202–203]. Такой гносис, соединяющий веру и знание, бывает пророческим, молитвенным интеллектуальным и показывает – на примере толкования Апокалипсиса – невозможность его адекватного толкования с опорой только на веру или только на знание.

Нас, однако, интересует содержательный разворот этой темы в более поздней работе А. Лосева, озаглавленной им самим как «Абсолютная диалектика – абсолютная мифология». Заметим при этом, что, собственно, вся мыслительная переработка платонизма и всего античного наследия совершается Алексеем Лосевым именно на основе византийского богословия энергий. Следовательно, содержательная экспликация *гносиса* как синтеза веры и знания осуществляется им на страницах знаменитой «Философии

имени» и трактата «Абсолютная диалектика – абсолютная мифология». Так как сам мыслитель определяет свое кредо как «православно понимаемый неоплатонизм», то наша задача состоит именно в том, чтобы теоретически содержательно раскрыть его, иными словами, показать и обосновать саму возможность *православного понимания и толкования платонизма*. Это тем более актуально, что и поныне нередко можно читать у некоторых историков русской философии утверждение о якобы языческом, неоплатоническом уклоне в мировоззрении Алексея Лосева. Такие заявления появляются по причине непонимания сущности как самого платонизма, так и православной метафизики, т.е. следуют из полного непонимания творческого наследия Алексея Лосева.

Метафизика, в отличие от онтологии, есть способ постижения трансцендентного бытия истока. Следовательно, нам совершенно необходимо сравнить способы постижения такого трансцендентного истока в платонизме и в христиански ориентированной мысли: только таким образом мы можем уяснить смысл лосевского тезиса о православно понимаемом платонизме и тем самым раскрыть подлинный смысл абсолютной диалектики и абсолютной мифологии как синтеза веры и знания.

Такой трансцендентный исток в платонизме и неоплатонизме – это Благо, или Единое, которое, согласно Платону, превышает бытие достоинством и силой. Бытие, возникающее из Единого, *едино* по своему генезису и одновременно *множественно*, так как посредником между трансцендентным Единым и имманентным бытием оказывается не что иное, как *Число*. Именно Алексей Лосев сумел разработать такую философию числа, которая сохраняет лучшие образцы его платонической разработки с их поправкой на христианское толкование метафизики.

Понятно, что православно ориентированный мыслитель, каким и является Алексей Лосев, не может именовать трансцендентный исток Единым, хотя категория *Одного* и является у Лосева одной из пяти ведущих категорий его абсолютной диалектики.

Однако эти категории вторичны по отношению к тайне Троичности, или Пресвятой Троицы. Понятно, что такое отличие имплицитно также и отличие в способах постижения трансцендентного истока в платонизме и христианстве. Здесь-то мы и видим, почему в платонизме нет антиномии веры и знания и почему она появляется в христиански ориентированной мысли. Платон специально показывает в диалоге «Теэтет» невозможность определения сущности знания с опорой на

онтологию чувственно воспринимаемого мира. Это знаменитый платоновский «театр» теней: люди как узники пещеры, т.е. материального космоса, находятся в таком положении, что могут непосредственно наблюдать не само бытие реальных сущностей, а всего лишь их теневые проекции на *гилетической* основе космоса. Чтобы увидеть и познать сами виды подлинного бытия (эйдосы), необходимо совершить поворот умственного взгляда – *эпистрофе* и пережить *метаною*, т.е. перемену состояния самого *Ума*. Платонизм здесь – наследник античной мифологии. Непосредственное сценическое воплощение такой мифологии – и в случае с вопросом о знании как постижении подлинного бытия и его трансцендентного истока – это знаменитые *античные мистерии*. Именно мистерии, или храмовые таинства, призваны были осуществить упомянутые эпистрофе и метаною, чтобы раскрыть способность созерцания эйдосов как ликов, или видов подлинного бытия. При всём любовании «скульптурно изваянной мифологией античности», Лосев относит её тем не менее тоже к относительной мифологии, ибо абсолютной мифологией для него является только тайна Пресвятой Троицы. Синтез *апофатизма и символизма* – вот что отличает христианскую метафизику от метафизику античной; иное выражение этой формулы – это христиански ориентированный синтез *персонализма и онтологизма*.

Итак, в античной метафизике нет места антиномии веры и знания, так как это место занимает *антиномия знания и мнения*. Мнение – это созерцание теневых проекций, т.е. чувственно данного космоса. Знание – это припоминание душой своего созерцания эйдосов, или видов подлинного бытия, вернее, это способность видения подлинного бытия благодаря открытию эйдетического зрения в мистериальном посвящении. Отблеском, или дальним эхом такого толкования Знания является, к примеру, знаменитое определение веры как «обличения вещей невидимых» у апостола Павла. Среди русских мыслителей особенно яркое толкование веры как разновидности знания мы находим в замечательной работе В. И. Несмелова «Вера и знание с точки зрения гносеологии» [2]. Необходимость опытного переживания соприкосновения с тайной Пресущественной Пресвятой Троицы, т.е. опыта *личного Богообщения*, также подчёркивалась русскими мыслителями Серебряного века. На этом настаивали и Николай Бердяев, и Сергей Булгаков, а Семён Франк даже развивает специальное учение о различии веры-доверия и веры-достоверности. Иван Ильин подчёркивал, что неверующих людей не бывает: мы все *верим*,

хотя и не все *веруем*: верить можно во всё, что угодно, но веровать – только в непостижимую тайну Божию.

Итак, способность созерцания эйдосов превращается в христианской Благой вести в верование как обличение вещей невидимых и упование чаемого. Вот почему Алексей Лосев отмечает также, что сама вера есть знание или вид его, и наоборот – знание есть сама вера или вид её. Чтобы обрести веру как способность ведения в смысле А. Лосева, христианину тоже необходимо пройти через таинства христианского культа (этот момент наглядно развит в курсе лекций о Павла Флоренского «Философия культа»). Христианин также переживает эпистрофе и метаною, только для него это поворот не просто к видам подлинного бытия, но к тайне трансцендентного бытия *Святой Троицы*. При этом античная метаною становится таинством *покаяния*.

Что касается личного вклада Алексея Лосева в истолкование соотношения веры и знания в христиански ориентированной мысли, то подчеркнём ещё раз: этот вклад, по нашему мнению, как раз и реализуется русским мыслителем в его учении о природе абсолютной мифологии.

Вместе с трактатами «Первозданная сущность» и «Самое Само» текст «Абсолютная диалектика – абсолютная мифология» занимает особое место в корпусе всего лосевского наследия. Именно в этих работах русский мыслитель отчетливо выражает свою основную интенцию – *православное понимание метафизических вопросов и разработка специальной философской терминологии такого понимания и толкования*.

Напомним читателю: в свёрнутом виде *основное ядро абсолютной мифологии суть не что иное, как диалектическое соотношение Сущности Божией и Имени Божия*. И если Несмелов ярко раскрывает гносеологический подход к пониманию веры как интеллектуальной интуиции и способа познания реальности Трансцендентного, то Алексей Лосев, следуя максиме «*именами знаем – знанием – именуем*», развивает учение о лестнице первичных имён, которые не «хуляются материей имязвучия», но в умном молитвенном созерцании (*теории*) именно они как носители умно-софийной телесности и нетварных энергий Божества организуют личностно ориентированную коммуникацию человека и Бога. Ибо к христианскому Божеству можно обращаться лишь в «звательном падеже», то есть личностно и посредством личного имени.

И если Булгаков и Франк настаивают на понимании веры как особого опыта личного Богообщения, то Лосев уточняет: такой опыт возможен лишь как синтез апофатизма и символизма, т.е. ка-

теории абсолютной диалектики суть не что иное, как символы абсолютной мифологии. Абсолютная мифология Лосева, таким образом, и есть синтез веры и знания, веры как знания и знания как веры.

Итак, абсолютная диалектика, или абсолютная мифология, в своей окончательной формулировке есть «Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Св., Троица единосущная и нераздельная, неисповедимо открывающая себя в своём имени» [3, с. 295]. Разве можно усомниться после такого вывода в православной ориентации выдающегося русского мыслителя?

Дополню размышления А. Ф. Лосева из его статьи «Абсолютная диалектика – абсолютная мифология»: в ней, написанной спустя несколько десятилетий после первого цикла работ, содержатся положения, развивающие исходные посылы: «Тут-то как раз и становится до полной наглядности понятным, что такое *абсолютная диалектика*. В абсолютной диалектике каждая мельчайшая категория должна играть роль первенствующей категории, роль первоединого, из которого вытекают все прочие потенции» [3, с. 264]. «Относительная диалектика как раз тем и страдает, что она берёт только некоторые категории в качестве основных, остальные же оставляет в том их невыразительном, одномерном виде, в

котором они предстали при первом прикосновении диалектической мысли» [3, с. 64]. Если этот диалектик, продолжает он, увидел бы, как категория «личности» и вместе с тем категории «искусство» и «религия» *вытекают с полной диалектической необходимостью, то никто не посмел бы считать эти категории ложными или несущественными*. Абсолютная диалектика именно в силу своей абсолютности, поясняет мыслитель, требует абсолютного апофатизма. «Итак, абсолютная диалектика, или, что то же, абсолютная мифология, в своей окончательной формулировке есть *Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Св., Троица единосущная и нераздельная, неисповедимо открывающая Себя в своём Имени*» [3, с. 295]. Именно поэтому, напомним, категории абсолютной диалектики суть не что иное, как символы абсолютной мифологии.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 6–216.
2. Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1992. 109 с.
3. Лосев А. Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 263–298.

Образец для цитирования:

Фриауф В. А. Абсолютная и относительная мифология А. Ф. Лосева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 430–433. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-430-433.

Absolute and Relative Mythology of A. F. Losev

Vasiliy A. Friauf

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: friauf50@mail.ru

In the offered article the author sets for himself a difficult task: to consider arguments of A. F. Losev about a correlation of concepts of absolute and relative mythologies. It is especially actually, because among historians of the Russian philosophy this idea of the A. F. Losev remains insufficiently cleared. Therefore the author begins with the textual analysis of early Losev's works in which Losev first states this fruitful idea. This idea is offered as a way of solution the synthesis belief and knowledge question by means of originally interpreted gnosis. Consistently analyzed sources (books and articles A. F. Loseva) open concept of absolute and relative mythology. Losev states paradoxical theses according to which in daily life there is nothing, except this or that mythology. Similarly, both science and religion are no other than types of relative mythology. Late article about correlation of absolute

dialectics and absolute mythology develops early intuitions of the Russian thinker. As a result it is possible to note that in the Russian outlook the ideas of A. F. Losev take the place which can be qualified also as theoretical development of orthodox theology and so as further development of basic provisions of the Russian idea.

Key words: absolute mythology, relative mythology, absolute dialectics, relative dialectics, gnosis.

References

1. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of the myth]. In: Losev A. F. *Mif. Chislo. Sushchnost* [Myth. Number. Essence]. Moscow, 1994, pp. 6–216 (in Russian).
2. Nesmelov V. I. *Vera i znanie s tochki zreniya gnoseologii* [Faith and knowledge from the point of view of gnoseology]. Kasa, 1992. 109 p. (in Russian).
3. Losev A. F. Absolyutnaya dialektika – abolyutnaya mifologiya [Absolute dialectics – absolute mythology]. In: Losev A. F. *Mif. Chislo. Sushchnost* [Myth. Number. Essence]. Moscow, 1994, pp. 263–298 (in Russian).

Cite this article as:

Friauf V. A. Absolute and Relative Mythology of A. F. Losev. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 430–433. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-430-433.

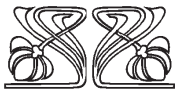
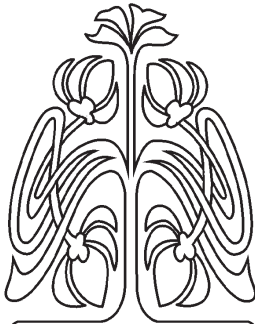

ПСИХОЛОГИЯ

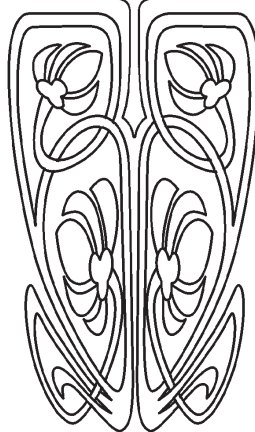
УДК 159.923.2

САМООТНОШЕНИЕ В СТРУКТУРЕ САМОСОЗНАНИЯ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Арендачук Ирина Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: arend-irina@yandex.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье исследуется динамика развития самооотношения как эмоционально-оценочного компонента самосознания личности на протяжении подросткового и юношеского возраста. Приведены результаты сравнительного анализа, выполненного на выборке подростков и юношей ($N = 113$), который выявил структурные особенности их самооотношения. Установлено, что в динамике возрастного развития личности самооотношение у подростков изменяется: повышается самоуважение благодаря самоуверенности и самопониманию, ожиданию позитивного отношения к себе от других; у юношей изменения в самооотношении связаны с ростом самоуважения, так как у них выражены саморукводство и самопонимание. Выявлено, что при переходе личности от подросткового к юношескому возрасту изменения самооотношения обусловлены повышением способности к саморукводу и ориентацией на обратную связь с другими людьми. Доказано, что по динамическим изменениям показателей самооотношения как структурного компонента самосознания можно судить о процессе его становления на протяжении подросткового и юношеского этапов возрастного развития личности. Понимание особенностей возрастного развития самооотношения позволяет ориентировать программы психологической помощи подросткам и юношам на формирование у них активной жизненной позиции на основе позитивного отношения к себе.

Ключевые слова: самосознание личности, самооотношение, подростковый и юношеский возраст.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-434-438

Проблема формирования и развития самосознания личности не теряет своей актуальности в современных психологических исследованиях в связи с гуманизацией всех общественных процессов и жизни в целом, в контексте которой человек рассматривается как активный преобразователь окружающего мира и самого себя.

В современных публикациях по проблеме самосознания личности оно определяется как феномен, возникающий из сознания по мере становления субъектности человека и определяющий систему его знаний о себе, своих ресурсах и потенциалах. Оно имеет двойственную направленность – субъектную и объектную – и выполняет функцию регуляции личности на двух уровнях – личности («Я – Я») и группы («Я – Другие»).

В своих исследованиях И. И. Чеснокова отмечает, что развитие самосознания осуществляется в последовательности «самопознание – самооотношение – саморегуляция», где эмоциональным компонентом, «концентрирующимся» в системе «Я – Я» выступает самооотношение [1, с. 134]. Ряд исследователей также относят самооотношение к процессуальной эмоционально-оценочной стороне самосознания, рассматривая его как аффективный компонент, связанный с переживаниями человека по поводу имеющихся знаний о себе [2, с. 160], отражающий ценностное отношение к различным сторонам и об-

разам своего «Я» в виде чувства самоуважения, самопринятия, переживания своей успешности [3, с. 625], что позволяет личности «отображать» себя, сохранять внутреннюю стабильность своего «Я» [4, с. 10]. В контексте структурно-функциональной модели личности, основанной на принципах системного и метасистемного подходов, разработанных Р. Х. Тугушевым и А. В. Карповым [5, 6], самоотношение личности как специфическая форма активности субъекта в адрес своего «Я», формируясь на уровне личности, способствует рефлексивному пониманию человеком самого себя и через внутренние оценки собственных черт и качеств определяет предметное содержание эмоциональных переживаний в виде самоуважения, аутосимпатии, самоинтереса [7, с. 114].

Анализируя работы В. В. Столина и С. Р. Панталева, Т. Н. Кочеткова говорит о двух модальностях самоотношения, определяющих позитивную или негативную эмоциональную оценку человеком собственной личности в категориях аутосимпатии, самоинтереса, самообвинения, самопринятия и самопонимания. В ходе сравнения себя с окружающими у него формируются самоуважение, самоуверенность, саморуководство и система ожиданий по отношению к себе, что, по сути, есть проявление самооценки [8, с. 118]. Автор также показывает, что модальность самоотношения определяет активность жизненной позиции личности: позитивное самоотношение инициирует самоактуализацию на основе интернального локуса «Я», негативное – деятельностное отношение к жизни, обусловленное стремлением к снятию высокого личностного напряжения и дискомфорта (при развитой интернальности стимулирует активность жизненной позиции, при отсутствии самоинтереса определяет ведомую жизненную позицию) [8, с. 122–123].

Наиболее активно процесс становления самоотношения происходит в периоды подросткового и юношеского этапов возрастного развития личности.

В подростковый период уровень и модальность самоотношения определяются объективными и субъективными факторами личностного развития – успешностью или неуспешностью в учебной деятельности и в утверждении своего «Я» в группе сверстников, уровнем притязаний, способами самоутверждения [9, с. 58]. В исследовании Л. А. Регуш показано, что отрицательная модальность самоотношения подростков находит выражение в их негативных переживаниях личностно значимых проблем. При этом подростки, характеризующиеся низким самоуважением, самопониманием, ожиданием равнодушия или антипатии со стороны окружающих, высоким

самообвинением, сопровождающимся тревожностью и повышенным вниманием к внутренним переживаниям, чаще вступают в конфликтные отношения с окружающими и остро переживают жизненные проблемы, связанные с отношением к будущему, с взаимоотношениями с родителями и сверстниками, со школьной жизнью: трудности изменения возрастного статуса, проблемы в отношениях с одноклассниками и учителями, при адаптации к новым школьным условиям и образовательным требованиям, при получении отметок за выполненную работу [9, с. 62, 64].

В юношеском возрасте самосознание качественно перестраивается: прежние представления о себе изменяются и становятся более зрелыми, объективными. В этот период интенсивно развивается способность к рефлексии, происходит обособление самооценки от оценок окружающих [10].

Теоретический анализ проблемы исследования позволил предположить, что динамику в развитии самосознания личности от подросткового к юношескому возрасту можно проанализировать, рассматривая изменения показателей самоотношения подростков и юношей как одного из его структурных компонентов. Для проверки гипотезы было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 113 человек (67 подростков и 46 юношей), из них 37 чел. – подростки в возрасте 14–15 лет; 30 чел. – подростки в возрасте 16–17 лет; 26 чел. – юноши в возрасте 18–19 лет; 20 чел. – юноши в возрасте 22–23 лет. Использовалась методика «Тест-опросник самоотношения» (ОСО) В. В. Столина и С. Р. Панталева. Проверка выборки на нормальность распределения по показателю «интегральное самоотношение» (критерий Колмогорова-Смирнова $K-S = 0,154$; $p < 0,01$) позволила использовать для сравнительного анализа t -критерий Стьюдента (t_{St}).

Проведенное исследование позволило выявить динамические изменения в показателях самоотношения на протяжении возрастных периодов подросткового и юношеского развития (табл. 1).

В подростковом возрасте самоотношение изменяется – развиваются самоуважение и ожидаемое отношение других. При этом самоуважение подростков повышается благодаря показателям самоуверенности и самопонимания, т.е. на эмоциональном и содержательном уровнях в течение подросткового возраста наблюдается растущая вера личности в свои силы и способности, развивается рефлексивность, позволяющая лучше понимать себя. Одновременно повышаются ожидания по отношению к другим людям – под-

росткам все больше необходима обратная связь от ближайшего окружения как источник информации о себе, позволяющей соотнести свои представления о себе с представлениями других и скорректировать свое самоотношение. Также у подростков растет интерес к себе, самопринятие (в структуре аутосимпатии) – все это свидетельствует о повышении у них самооценки, готовности понять свои мысли и чувства, о развитии доверия к себе, способности принимать себя «в целом», независимо от достоинств и недостатков в проявлениях черт личности.

В юношеском возрасте изменения в структуре самоотношения не столь кардинальны: повышение показателя интегрального самоотношения в основном связано у юношей с продолжающимся ростом самоуважения благодаря все более развивающейся способности понимать себя (самопониманию), а также управлять своими чувствами, эмоциями, поступками, поведением на основе собственных убеждений и системы ценностей, быть последовательным во внутренних побуждениях и целях (саморуководству).

Таблица 1

Особенности развития самоотношения личности в подростковом и юношеском возрастах

Показатели самоотношения	Подростки		t_{St}	Юноши		t_{St}
	14–15 лет	16–17 лет		18–19 лет	22–23 лет	
Интегральное самоотношение	14,1	18,6	-4,37	16,0	17,9	-1,7
Самоуважение	7,3	9,7	-3,50	7,9	9,5	-2,2
самоуверенность	4,1	5,3	-3,28	4,2	4,5	-0,5
саморуководство	3,8	4,2	-1,24	4,3	5,3	-3,1
самопонимание	2,4	3,7	-3,78	2,8	3,6	-2,0
Аутосимпатия	7,8	9,3	-1,95	8,1	9,1	-1,3
самопринятие	4,6	5,8	-3,13	4,8	5,6	-1,3
самообвинение	4,8	5,0	-0,60	4,5	4,7	-0,4
Ожидаемое отношение других	8,3	9,7	-2,81	9,7	10,6	-1,4
отношение других	4,6	5,7	-3,42	5,5	5,9	-1,2
Самоинтерес	5,8	6,5	-1,78	6,6	6,8	-0,3
самоинтерес (установка на внутреннее «Я»)	5,2	6,0	-2,19	6,1	6,2	-0,2

Примечание. Шрифтом выделены значимые различия между показателями в исследуемых группах ($p < 0,05$).

При переходе личности от подросткового к юношескому возрасту продолжают развиваться ($p < 0,05$) способности быть самопоследовательным (саморуководство) и ожидания отношения к себе со стороны других (на уровне готовности понять точку зрения другого о себе и конструктивно принять ее для построения своей личности). Также наблюдается повышение самоинтереса, обусловленного развивающейся способностью к внутреннему диалогу с собой «на равных», уверенностью в интересе других к своей личности, её отдельным свойствам и качествам (табл. 2).

Кроме того, самоуважение у подростков в большей степени связано с самоуверенностью, а у юношей – с саморуководством, что свидетельствует о переносе акцентов в самоотношении личности от эмоциональной составляющей у подростков к регулятивной у юношей. И у подростков, и у юношей выражена позитивная

модальность аутосимпатии (доминирование самопринятия над самообвинением), однако у юношей тенденция к одобрению и принятию себя, независимо от выраженности тех или иных черт и свойств личности, выражена сильнее.

Обобщение полученных в исследовании результатов позволило сформулировать вывод о том, что наиболее интенсивно процесс становления самоотношения личности происходит в подростковом возрасте и связан с развитием таких его структурных составляющих, как самоуважение (благодаря самоуверенности и самопониманию), самопринятие, самоинтерес и ориентация на отношения с другими людьми. В юношеском возрасте изменения в структуре самоотношения не столь выражены и связаны в основном с развитием самопонимания и саморуководства.

В целом проведенное исследование показало, что самоотношение подростков определяется

Таблица 2

**Динамика развития самоотношения личности
при переходе от подросткового возраста к юношескому**

Показатели самоотношения	Подростки (14–17 лет)	Юноши (18–23 лет)	t_{sr}	p -уровень значимости
Интегральное самоотношение	16,10	16,83	–0,86	0,394
Самоуважение	8,34	8,61	–0,49	0,627
самоуверенность	4,64	4,30	1,07	0,287
саморуководство	4,00	4,74	–2,96	0,004
самопонимание	2,97	3,17	–0,71	0,480
Аутосимпатия	8,51	8,52	–0,03	0,980
самопринятие	5,10	5,15	–0,14	0,886
самообвинение	4,88	4,54	1,04	0,299
Ожидаемое отношение других	8,94	10,09	–2,82	0,006
отношение других	5,10	5,65	–2,14	0,035
Самоинтерес	6,09	6,67	–2,05	0,043
самоинтерес (установка на внутреннее «Я»)	5,58	6,11	–2,01	0,047

как внутренними факторами – связанными с формированием отношения к собственному «Я» на основе уверенности в себе и способности понимать себя, так и внешними факторами, обусловленными референтным окружением. Юноши имеют достаточно сложившуюся систему отношений к себе, не зависящую от внешних факторов, а ориентированную на принятие своего «Я» с положительно выраженной модальностью эмоционально-оценочных суждений о себе.

Полученные результаты показывают, что психолого-педагогическое сопровождение процесса становления и развития самоотношения личности наиболее актуально при работе с подростками. Основное направление такой помощи подросткам – формирование адекватной самооценки и самоотношения в целом методами социально-психологического тренинга, позволяющего подростку не только рефлексивно познать особенности себя и своей личности, получить обратную связь от сверстников, но и «отработать» свое «Я» в моделируемых условиях тренингового пространства.

Список литературы

1. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977. 144 с.
2. Мохова Ю. А. К вопросу о структуре самосознания личности // Омск. науч. вестн. 2012. № 1 (105). С. 157–160.
3. Белова И. М., Парфенов Ю. А., Сологуб Д. В., Нехвядович Э. А. Структурные и динамические характеристики компонентов самосознания: системный подход // Фундаментальные исследования. 2014. № 3. С. 620–628.
4. Хватова М. В. Самоотношение в структуре психологической здоровой личности // Гаудеамус: психол.-пед. журн. 2015. № 1 (25). С. 9–17.
5. Тузушев Р. Х. Системная персонология: качественный и количественный анализ. Саратов, 1998. 272 с.
6. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. М., 2004. 504 с.
7. Арндачук И. В. Структурно-функциональный подход к процессу формирования самосознания личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, вып. 2 (22). С. 110–118.
8. Кочеткова Т. Н. Смыслжизненные ориентации лиц с разным самоотношением // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 2 (92). С. 118–123.
9. Регуш Л. А. Самоотношение подростков и переживание проблем школьной жизни // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 100. С. 57–65.
10. Рушина М. А., Орлова А. В. Особенности самооценки и самоотношения в юношеском возрасте // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2015. № 4. С. 35–40.

Образец для цитирования:

Арндачук И. В. Самоотношение в структуре самосознания подростков и юношей: динамика развития // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 434–438. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-434-438.

Self-Attitude in the Structure of Self-Consciousness of Teenagers and Adolescents: the Dynamics Development

Irina V. Arendachuk

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: arend-irina@yandex.ru

The purpose of the study presented in the article was the research of the dynamics in the development of self-attitude as an emotional and evaluative component of a person's self-consciousness throughout teenage and adolescence. The results of a comparative analysis are performed on a sample of adolescents and young men ($N = 113$), which has revealed the structural features of self-attitude. It was found that in the dynamics of the age-related development of the personality, teenager self-attitude changes toward increasing self-esteem due to self-confidence and self-understanding, as well as expectations of a positive attitude towards oneself from others. In young men, changes in self-attitude are associated with increased self-esteem due to self-guidance and self-understanding. It was revealed that in the transition between teenage and adolescence, the changes in self-attitude are due to elevation in the ability to self-guidance and the orientation to feedback from other people. It was proved that dynamic changes in the parameters of self-relationship, as a structural component of self-consciousness, can be judged as the process of self-consciousness formation during the adolescent and youth stages of the individual development. Understanding of the age-related self-attitude development features makes it possible to orient programs of psychological assistance to teenagers and adolescents to formation an active life position on the basis of a positive attitude toward themselves.

Key words: self-consciousness of personality, self-attitude, teenage and adolescence.

References

1. Chesnokova I. I. *Problema samosoznaniya v psikhologii* [Self-consciousness problem in psychology]. Moscow, 1977. 144 p. (in Russian).
2. Mokhova Yu. A. K voprosu o strukture samosoznaniya lichnosti [To question about structure of personality's self-consciousness]. *Omsk. nauch. vestn.* [Omsk Scientific Bulletin], 2012, no. 1 (105), pp. 157–160 (in Russian).
3. Belova I. M., Parfenov Yu. A., Sologub D. V., Nekhvyadovich E. A. Strukturnye i dinamicheskie kharakteristiki komponentov samosoznaniya: sistemnyy podkhod [Structural and dynamical characteristics of components of self-consciousness: system approach]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2014, no. 3, pp. 620–628 (in Russian).
4. Khvatova M. V. Samootnoshenie v strukture psikhologicheski zdorovoy lichnosti [Self-attitude in structure of psychologically healthy personality]. *Gaudeamus: psihologo-pedagogicheskij zhurnal* [Gaudeamus], 2015, no. 1 (25), pp. 9–17 (in Russian).
5. Tugushev R. Kh. *Sistemnaya personologiya: kachestvennyy i kolichestvennyy analiz* [System psychology: qualitative and quantitative analysis]. Saratov, 1998. 272 p. (in Russian).
6. Karpov A. V. *Metasistemnaya organizatsiya urovnevnykh struktur psikhiki* [Meta-system organization of level structures of psychics]. Moscow, 2004. 504 p. (in Russian).
7. Arendachuk I. V. Strukturno-funktsionalnyy podkhod k processu formirovaniya samosoznaniya lichnosti [Structural and Functional Approach to the Process of Identity Formation]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2017, vol. 6, iss. 2 (22), pp. 110–118 (in Russian).
8. Kochetkova T. N. Smyslozhiznennyye orientatsii lits s raznym samootnosheniem [The meaning of life orientations of persons with different self-attitude]. *Vestn. Tom. gos. ped. un-ta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2010, iss. 2 (92), pp. 118–123 (in Russian).
9. Regush L. A. Samootnoshenie podrostkov i perezhivanie problem shkolnoy zhizni [Self-attitude of teenagers and emotional experience of school life problems]. *Izvestia RGPU im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], 2009, no. 100, pp. 57–65 (in Russian).
10. Rushina M. A., Orlova A. V. Osobennosti samootsenki i samootnosheniya v yunosheskom vozraste [Peculiarities of self-esteem and self-attitude in adolescence]. *Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser. Psikhologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2015, no. 4, pp. 35–40 (in Russian).

Cite this article as:

Arendachuk I. V. Self-Attitude in the Structure of Self-Consciousness of Teenagers and Adolescents: the Dynamics Development. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 434–438. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-434-438.

УДК 159.9.072.52

АПРОБАЦИЯ ТЕСТА КРЕАТИВНОСТИ К. ВЕНКЕРА: ПРОВЕРКА КОНСТРУКТИВНОЙ ВАЛИДНОСТИ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ НОВОГО ВАРИАНТА ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДИАГНОСТИКЕ ОДАРЕННОСТИ

Бельская Наталья Анатольевна – старший научный сотрудник, заместитель начальника отдела диагностики одаренности, Институт одаренного ребенка Национальной академии педагогических наук, Киев, Украина. E-mail: nybelsona@mail.ru

В статье рассматриваются результаты апробации теста креативности К. Венкера (Германия, 2004) на выборке украинской молодежи. Представлены доказательства недостаточно удовлетворительной дискриминативности, валидности и надежности (альфа Кронбаха) аутентичного варианта теста по отношению к возрастной категории 14–17 лет. По результатам подтверждающего факторного анализа стимульного материала теста К. Венкера сформированы и описаны две шкалы креативности, отвечающие психометрическим требованиям: шкала Базовой личностной креативности (БЛК) и шкала Специфической прикладной креативности (СПК). БЛК отразила общую личностную установку на креативность как преобразование опыта (в контексте подхода В. Дружинина), т.е. контент данной шкалы оказался релевантен неспецифической творческой одаренности. СПК отразила типы креативно-аналитических задач и интеллектуальных навыков, более характерных для академической и интеллектуальной одаренности. Доказана конвергентная валидность новой версии теста по результатам корреляционного анализа со следующими психологическими методиками: авторской модификацией теста профессиональной направленности Дж. Холланда, MBTI (или индикатором типов Майер-Бриггс), шкалой С. Баднера «Толерантность к неопределенности» и авторской модификацией теста креативности Ф. Вильямса. Шкалы были стандартизированы, представлена «линейка» нормативов в стенах.

Ключевые слова: креативность, одаренность, диагностика, апробация, математико-статистический анализ, конструктивная и конвергентная валидность, психотипология.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-439-448

Актуальность исследования заключается в том, что креативность по-прежнему признается одним из важнейших факторов и составляющих структуры практически любого вида одаренности, т.е. фактором-предиктором, способным достоверно предсказывать неординарные профессиональные и/или творческие достижения. В связи с этим сохраняется актуальность проблемы своевременной диагностики креативности. Традиционно эта диагностика представлена в основном двумя разновидностями методов-инструментов: первый, отвечающий требованиям так называемого деятельностного подхода, как бы имитирует творческую активность психики; второй опирается на по-прежнему излюбленный психологами

метод опросника-самооценки. Однако поскольку самооценка, как правило, подвержена тем или иным субъективным искажениям – а в данном случае в большей степени, чем в других («все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой ум» – Ф. Ларошфуко), то проверка, по меньшей мере, конвергентной валидности любого опросника «на одаренность» становится первоочередной необходимостью.

Цель данной работы – решение задачи, изложенной в названии статьи. В тесте креативности К. Венкера «Креативны ли Вы?» [1] наш интерес вызвала попытка автора выделить 8 (!) типов креативности (перевод методики на русский язык сделала Марина Люпкен (Феллер). Полная версия теста в данной работе не приводится, поскольку защищена авторским правом). Апробация теста проводилась на выборке в 297 человек. Ее сформировали экспериментальная группа (члены Малой академии наук Украины, участники 3-го республиканского этапа конкурса-защиты научно-исследовательских работ – 117 чел.) и контрольная группа – 180 чел.

Экспериментальная группа рассматривалась нами как *потенциально креативная* по многим, ранее подтвердившим свою релевантность, критериям, но в данном случае прежде всего потому, что «стимульный материал» теста К. Венкера отражает или репрезентует креативное поведение субъекта, безусловно обладающего опытом серьезной интеллектуально-аналитической и творческой деятельности, т.е. опытом, которым уже в той или иной степени обладают (и могут в нем «отчитаться») старшеклассники-члены МАН.

Программа апробации: апробация на первом этапе включала ряд статистических процедур, а именно – проверку айтемов опросника на дискриминативность, проверку соответствия контента каждой из восьми заданных шкал («типов креативности») эмпирической факторизации, выяснение уровня согласованности шкал (альфа Кронбаха) и соответствия их нормальному распределению (по критерию Колмогорова–Смирнова).

Для установления конструктивной валидности теста проводился корреляционный анализ его результатов со следующими психологическими

методиками: модифицированным нами тестом профессиональной направленности Дж. Холланда [2]), MBTI, или индикатором типов Майер-Бриггс [3]; шкалой Баднера «Толерантность к неопределенности» (Т. Корнилова, М. Чумакова [4]) и модифицированным нами тестом креативности Ф. Вильямса [5].

Результаты статистического анализа

1. Анализ частотности ответов показал сомнительную дискриминативность следующих пунктов 2, 3, 4, 7, 10, 11, 16, 17, 18, 31, 32, 36, 39, 40 (т.е. 14 из 48): более 80% испытуемых демонстрируют полное или частичное согласие с содержанием данных утверждений, а вершины гистограммы частот ответов на большинство указ-

занных пунктов опросника представляют собой восходящую кривую.

2. Анализ согласованности айтемов шкал-типов и их проверка на «нормальность» показал, скорее, неудовлетворительные результаты (табл. 1). Так, альфа Кронбаха в четырех случаях составляет 0,56–0,57, что указывает на сомнительную согласованность утверждений, входящих в данные шкалы, в остальных вообще не превышает 0,5, что свидетельствует о еще меньшей пригодности этих шкал для измерения целостного конструкта. Аналогичны данные относительно нормальности распределения: ни одна из заявленных К. Венкером шкал (типов) не обладает данным качеством и поэтому не может выступать психометрическим инструментом.

Таблица 1

Альфа Кронбаха и одновыборочный критерий Колмогорова–Смирнова для типов креативности К. Венкера ($N = 297$)

Показатели	А-тип	В-тип	С-тип	Д-тип	Е-тип	Ф-тип	Г-тип	Н-тип
Альфа Кронбаха	0,33	0,52	0,57	0,57	0,48	0,43	0,47	0,56
Нормальные параметры среднее стандартное отклонение	18,28	18,74	18,37	18,42	16,66	18,13	18,53	19,41
	2,72	2,74	2,85	2,85	2,89	2,70	2,57	2,77
Модуль	0,085	0,094	0,119	0,094	0,088	0,099	0,104	0,132
Разности экстремумов положительные отрицательные	0,075	0,068	0,055	0,063	0,088	0,084	0,075	0,062
	-0,085	-0,094	-0,119	-0,094	-0,060	-0,099	-0,104	-0,132
Статистика Z Колмогорова–Смирнова	1,47	1,61	2,05	1,62	1,52	1,7	1,79	2,27
Асимптотические значения (двусторонняя связь)	0,027	0,011	0,000	0,010	0,020	0,006	0,003	0,000

3. С целью установления того, насколько эмпиричной (или умозрительной) является предложенная типология креативности, был проведен эксплораторный факторный анализ пунктов опросника (метод главных компонент). В результате были выявлены 15 факторов с суммарной дисперсией 58% (по критерию Кайзера). Факторная структура оказалась резко «скошенной» в пользу первого фактора, он описывает 16% дисперсии, при том что каждый из остальных 14 описывает от 2 до 5%. С учетом только максимальных нагрузок в каждый фактор вошли от 6 до 2 пунктов, в основном по четыре. При этом ни один из факторов не воспроизводит, хотя бы в половинном варианте, «типы креативности», предложенные К. Венкером. Тем не менее мы сочли необходимым проверить полученные на основе факторизации шкалы на согласованность и нормальное распределение, исключив из анализа четыре фактора, в которые вошли не более 3 айтемов (табл. 2).

Как можно увидеть (см. табл. 2), лишь первый фактор демонстрирует достаточную внутреннюю согласованность, однако ни он, ни остальные

факторы абсолютно не отвечают требованиям нормального распределения.

Таким образом, заявленная типология креативности является полностью умозрительной и отражает лишь предположения автора теста о том, какие именно мотивационные установки и навыки интеллектуально-аналитической и творческой деятельности формируют между собой связи и целостные («типичные») комбинации.

4. Тем не менее мы продолжали рассматривать предложенную К. Венкером 8-факторную структуру типологии одаренности как вполне обоснованную, и эмпирически в том числе, но, например, исключительно на «взрослой» немецкой выборке, а также на выборке, гораздо большей, чем наша ($N = 297$). И то, и другое, безусловно, может повлиять на результаты любых статистических процедур, поэтому мы еще раз прибегли к факторному анализу, но в его конфирматорном варианте, «заказав» 8 факторов, или «типов» (табл. 3.). При этом учитывались также переменные с малым удельным весом (0,2–0,399).

Таблица 2

**Альфа Кронбаха и одновыборочный критерий Колмогорова–Смирнова
для факторов эксплораторного факторного анализа (N = 297)**

Показатели	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф6	Ф8	Ф9	Ф10	Ф11	Ф13	Ф14
Альфа Кронбаха	0,67	0,02	0,43	0,01	0,01	0,42	0,27	0,01	0,34	0,15	0,01
Нормальные параметры											
среднее	12,83	11,84	17,43	17,85	12,11	11,73	11,30	12,10	12,83	15,44	9,40
стандартное отклонение	2,26	2,25	3,16	3,08	1,96	1,97	1,82	1,81	2,23	2,43	1,69
Модуль	0,187	0,098	0,099	0,096	0,127	0,126	0,130	0,141	0,102	0,096	0,129
Разности экстремумов											
положительные	0,082	0,093	0,059	0,065	0,078	0,083	0,113	0,092	0,082	0,087	0,107
отрицательные	-0,19	-0,09	-0,1	-0,1	-0,01	-0,13	-0,13	-0,14	-0,1	-0,1	-0,13
Статистика Z Колмогорова–Смирнова	3,23	1,7	1,7	1,66	2,18	2,17	2,25	2,42	1,76	1,64	2,22
Асимптотические значения (двусторонняя связь)	0,00	0,006	0,006	0,008	0,000	0,000	0,000	0,000	0,004	0,009	0,000

Таблица 3

Матрица повернутых компонент (метод вращения Варимакс) для конфирматорного факторного анализа

Пункты	Компоненты							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1					,642 A			
2	,270 B			,309 B	,392 B			
3					,360 C			
4	,229 D						,682 D	
5			,284 E		,205 E		,590 E	
6								,525 F
7		,486 G						
8	,382 H					,215 H	,339 H	
9		,389 A			,269 A	,223 A		
10	,373 B	,317 B				,338 B		
11	,660 C							
12	,272 D	,545 D			,285 D			
13		,468 E	,333 E				,253 E	
14						,570 F	,263 F	,258 F
15	,273 G		,367 G			,348 G		
16	,438 H						,505 H	
17						,222 A		-,356 A
18	,294 B	,238 B			,392 B			
19	,459 C							
20		,475 D			,252 D		,252 D	
21		,556 E						
22				,517 F				,366 F
23		,300 G	,551 G					
24	,319 H			,202 H				,375 H
25						,496 A		
26				,446 B				
27			,630 C		,222 C			
28	,303 D		,268 D		,305 D			
29								,609 E
30					-,227 F	,331 F		,414 F
31	,555 G							
32				,413 H		,240 H		

Пункты	Компоненты							
	1	2	3	4	5	6	7	8
33		202 A			,395 A	,319 A		
34				,499 B				
35			,498 C					
36	,499 D	,341 D	,274 D					
37			,391 E		,327 E			,371 E
38					,574 F	,310 F		
39	,570 G							
40	,534 H							
41		,502 A						
42	,225 B			,558 B				
43	,211 C		,498 C					
44	,228 D		,581 D					
45		,529 E	,253 E					
46							,296 F	
47				,404 G		,380 G		
48	,427 H					,399 H		
Представленность типов (количеством пунктов) в факторах								
H = 5 (3) D = 5 (2) G = 3 (2) C = 3 (2) B = 4 (1) A, F = 2 E = 1	E = 3 (3) A = 3 (2) D = 3 (2) B = 2 G = 2 (1) C, H = 1	C = 3 (3) D = 3 (1) E = 4 (1) G = 2 (2) H = 2 B = 2	B = 4 (3) A = 2 (-1) H = 2 (1) G = 2 (-1) C = 1 F = 1	A = 3 (2) B = 2(2) C = 2 (1) D = 3 (1) E = 2 (1) F = 1 (-1)	A = 4 (2) F = 3 (1) G = 2 H = 2 D = 1	D = 2 (1) E = 2 (1) F = 2 (1) H = 2 (1) A = 2(-1) B, C = 1	F = 4 (2) E = 2 (1) D = 1 (-1) H = 1 A = (-1)	

Примечание. В скобках представлены количество пунктов с максимальными нагрузками. Знак «-» в скобках указывает на наличие пунктов с обратным знаком.

Результаты данного факторного анализа свидетельствуют о том, что определенное совпадение заявленной К. Венкером типологии и эмпирической факторизации все-таки присутствует: так, первый фактор оказался в наибольшей степени связан с типом H; второй – с E-типом, третий – с C-типом, четвертый – с B-типом. Пятый и шестой факторы включили большую часть пунктов A-типа. Восьмой фактор слабо, но «связался» с F-типом. Седьмой фактор оказался «размытым», не связанным с каким-либо «типом креативности»: в чем нет ничего необычного – абсолютно точное воспроизведение факторной структуры на новой выборке практически невозможно.

5. С целью установления пригодности данной факторной структуры для шкалирования и стандартизации был также проведен анализ пунктов каждого фактора на согласованность и нормальность распределения ответов на них. Результаты представлены в табл. 4.

Конфирматорный факторный анализ позволил обнаружить два фактора – Ф2 и Ф3 (см. табл. 4), обладающих удовлетворительной согласованностью и отвечающих условию нормального распределения, а следовательно, пригодных для психометрических процедур.

6. Первый из выделенных факторов объединил следующие утверждения:

Я люблю применять (или проверять на практике) новые идеи и методы (п. 7 в опроснике Венкера);

Я часто шел на рассчитанный риск в прошлом и в будущем буду это делать (п. 9);

Меня могут вдохновлять в том числе и проблемы, находящиеся (полностью или частично) за пределами круга моих обычных задач (п. 12);

Время от времени я берусь за так называемые «неразрешимые проблемы» (или неудовлетворяющие меня решения любых проблем) в надежде найти решение более точное и верное (п. 13);

Я стараюсь кажущуюся скучной проблему представить наглядно (образно) – так, чтобы возбудить интерес (п. 20);

Как правило, я склонен искать новые способы выполнения рутинной деятельности (п. 21);

Я готов защищать нетрадиционные (не общепринятые) решения или методы, допуская при этом возможность неудачи (п. 41);

Приступая к решению определенной проблемы, я, как правило, рассматриваю и неоднозначные (или мало обоснованные) идеи, не имеющие непосредственного отношения к данному вопросу (п. 45).

Таблица 4

**Альфа Кронбаха и одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова
для факторов конфирматорного факторного анализа (N = 297)**

Показатели	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф5	Ф6	Ф7	Ф8
Альфа Кронбаха	0,797	0,718	0,670	0,519	0,633	0,470	0,501	0,408
Нормальные параметры среднее стандартное отклонение	35,96	23,85	19,65	17,63	21,87	21,47	16,17	13,65
	5,024	3,977	3,78	2,90	3,28	3,09	2,39	2,31
Модуль	0,101	0,06	0,075	0,101	0,098	0,076	0,147	0,112
Разности экстремумов положительные отрицательные	0,067	0,055	0,053	0,056	0,045	0,062	0,079	0,074
	-0,101	-0,060	-0,075	-0,101	-0,098	-0,076	-0,147	-0,112
Статистика Z Колмогорова-Смирнова	1,747	1,028	1,290	1,736	1,681	1,310	2,542	1,933
Асимптотические значения (двусторонняя связь)	0,004	0,242	0,072	0,005	0,007	0,015	0,000	0,001

Анализ содержания данных утверждений указывает, что они описывают, действительно, характерное для творческой личности поведение, установки и типы активности – прежде всего, поисковую активность (склонность к ситуационно не стимулированной активности с выходом за пределы задачи, по Д. Богоявленской), склонность к интеллектуальному риску, толерантность к неудачам, раскованность и гибкость мышления, априори критичное отношение к канонам и стандартам, интерес к альтернативам и противоречиям, стремление к идеальному (эталонному) решению, а также так называемую «сверхвключаемость» (или «боковое мышление», по Э. де Боно), т.е. наличие у субъекта очень широкой области релевантной проблеме информации, что позволяет ему продуцировать высоко оригинальные идеи.

В целом следует отметить, что данный фактор зафиксировал, прежде всего, свободу мышления и общую (неспецифическую) личностную установку на креативность как *преобразование опыта* (в контексте подхода В. Дружинина), т.е. установку, не имеющую никакой «привязки» к какой-либо конкретной деятельности, практического, теоретического, аналитического и т.п. характера. И, таким образом, мы можем предполагать, что контент данной шкалы релевантен, прежде всего, неспецифической *творческой одаренности*.

Данный фактор может быть обозначен как Базовая личностная креативность (БЛК).

7. Второй фактор включил следующие утверждения:

На меня можно положиться, если необходимо усовершенствовать существующие методы или найти новые возможности использования имеющейся аппаратуры, приборов (п. 15);

Я люблю заниматься проблемами, которые другим представляются головоломками (п. 23);

Я люблю переводить символы и знаки в конкретные идеи или способы действия (п. 27);

Я получаю удовольствия от занятий, связанных с различной символикой, с абстрактными и знаковыми системами (п. 35);

Я записываю свои мысли и идеи, собираю их в папку или компьютерном файле (п. 37);

Я сознательно тренирую мои способности к визуализации и абстрагированию, чтобы развивать их (п. 43);

Я люблю разбирать предметы (объекты) на части или анализировать ситуации, чтобы понять, как они функционируют или в каких отношениях находятся отдельные составляющие по отношению друг к другу (п. 44).

С нашей точки зрения, данный фактор по своему психологическому содержанию более специфичен, чем первый, и отражает предпочитаемые субъектом типы креативных задач, а также наличие необходимых для их решения интеллектуальных (и «левополушарных» по своей локализации) навыков. Собственно, способность к генерации идей здесь, вероятно, выражена слабее, чем в первом факторе, что вполне компенсируется способностями к анализу, аналогизированию и индуктивно-дедуктивным операциям. Этот фактор, с нашей точки зрения, отражает, скорее, эпизоды креативного поведения, более характерные для *академической и интеллектуальной одаренности* (усвоение и применение опыта, по В. Дружинину), чем для одаренности творческой. Фактор получил рабочее название Специфической прикладной креативности (СПК).

Данный тип креативности характерен для аналитической деятельности, составляющей содержание прикладного инженерно-технического и научного творчества в области точных наук

и естествознания, определенных задач в гуманитарных науках, а также творчества в области информационных технологий.

8. На основе полученных шкал были рассчитаны числовые показатели БЛК и СПК, затем

рассмотрены связи данных величин с показателями тестов, призванных подтвердить (опровергнуть) валидность новой версии. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 5–8.

Таблица 5

Результаты корреляционного анализа шкал БЛК и СПК с показателями модифицированного теста креативности Ф. Вильямса

Факторы	Генерация идей (рисуночный субтест)	Разработанность идей (рисуночный субтест)	Суммарный показатель креативности (рисуночный субтест)	Творчески мотивированное поведение (опросник-самооценка)
БЛК	$r = ,270^{**}$ $p = ,001$ $N = 157$	$r = ,278^{**}$ $p = ,000$ $N = 158$	$r = ,273^{**}$ $p = ,001$ $N = 157$	$r = ,575^{**}$ $p = ,000$ $N = 146$
СПК	$r = ,132$ $p = ,100$ $N = 157$	$r = ,222^{**}$ $p = ,005$ $N = 158$	$r = ,231^{**}$ $p = ,004$ $N = 157$	$r = ,395^{**}$ $p = ,000$ $N = 146$

Примечание. ** – корреляция значима на уровне $p = 0,01$.

Проверка шкал на реальную (объективную) креативность дала удовлетворительный результат: обе шкалы подтвердили свою психометрическую ценность за счет значимых связей с тестом креативности Ф. Вильямса. Вместе с тем отмечается меньшая сила этих связей у СПК, особенно по параметру «генерация идей»: здесь связь присутствует лишь в качестве чрезвычайно слабой статистической тенденции. Наиболее мощная связь отмечается между шкалой БЛК и опросником креативности Ф. Вильямса, что подтверж-

дает конвергентную валидность данной шкалы.

Поскольку креативность предполагает стремление к самостоятельности и выходу за рамки принятых ограничений, готовность к изменениям и новизне, а также предпочтение сложных задач простым, то логично было бы предвидеть и связь выделенных шкал с таким личностным качеством как «толерантность к неопределенности» [4]. Оба типа креативности положительно коррелируют с данным конструктом, хотя для СПК толерантность выражена слабее (см. табл. 6).

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа шкал БЛК и СПК с показателями шкалы Баднера

Факторы	Толерантность к неопределенности	Интолерантность к неопределенности
БЛК	$r = ,323^{**}$ $p = ,000$ $N = 296$	$r = -,077$ $p = ,187$ $N = 297$
СПК	$r = ,225^{**}$ $p = ,000$ $N = 296$	$r = ,052$ $p = ,368$ $N = 297$

Примечание. ** – корреляция значима на уровне $p = 0,01$.

Ниже (см. табл. 7) приведены результаты корреляционного анализа шкал креативности и профессиональных предпочтений. Полученные данные свидетельствуют о том, что высокие показатели шкал БЛК и СПК указывают на четкую выраженность профессионального профиля, характерного для большинства одаренных личностей, реализующих свой потенциал в науке (плюс интеллектуальные профессии плюс артистические профессии, за вычетом социальных профессий). Вместе с тем для шкалы типа СПК характерна несколько бóльшая ориентация на исполнительность, конвенциональность и конкретные задачи закрытого типа.

На последнем этапе было проведено исследование возможных связей шкал БЛК и СПК с индикатором типов Майер-Бриггс (МВТИ) [2]. При этом отдельно рассматривались корреляции: с дихотомиями психических функций E–I, N–S, T–F, J–P; с типами темперамента NT, SJ, NF, SP (по Д. Кейрси) и с отдельными психотипами (табл. 8–10).

Шкала БЛК оказалась связанной с дихотомиями N–S (через полюс интуиции) и T–F (через полюс мышления) и, соответственно, с типом темперамента NT (интуитивные логики), по Д. Кейрси. Имеют место также тенденции к отрицательным корреляциям с типами SJ и

Таблица 7

Результаты корреляционного анализа шкал БЛК и СПК с показателями модифицированного теста профессиональной направленности Дж. Холланда

Факторы	Реалистические профессии	Артистические профессии	Конвенциональные профессии	Интеллектуальные профессии	Социальные профессии	Предпринимательские профессии
БЛК	$r = -,182^{**}$ $p = ,003$ $N = 272$	$r = ,159^{**}$ $p = ,009$ $N = 272$	$r = -,114$ $p = ,060$ $N = 271$	$r = ,341^{**}$ $p = ,000$ $N = 272$	$r = -,188^{**}$ $p = ,002$ $N = 272$	$r = -,095$ $p = ,119$ $N = 272$
СПК	$r = -,102$ $p = ,092$ $N = 272$	$r = ,140^*$ $p = ,021$ $N = 272$	$r = -,046$ $p = ,455$ $N = 271$	$r = ,286^{**}$ $p = ,000$ $N = 272$	$r = -,171^{**}$ $p = ,005$ $N = 272$	$r = -,170^{**}$ $p = ,005$ $N = 272$

Примечание. ** – корреляция значима на уровне $p = 0,01$.

Таблица 8

Результаты корреляционного анализа шкал БЛК и СПК и психические функции индикатора типов Майер-Бриггс (МВТИ)

Факторы	Экстраверсия	Интроверсия	Сощущение	Нинтуция	Тмышление	Фчувство	Јсуждение	Рвосприятие
БЛК	$r = ,111$ $p = ,187$ $N = 142$	$r = -,111$ $p = ,188$ $N = 142$	$r = -,230$ $p = ,006$ $N = 142$	$r = ,243$ $p = ,004$ $N = 142$	$r = ,197$ $p = ,019$ $N = 142$	$r = -,213$ $p = ,011$ $N = 142$	$r = -,046$ $p = ,585$ $N = 142$	$r = ,049$ $p = ,560$ $N = 142$
СПК	$r = ,025$ $p = ,766$ $N = 142$	$r = -,065$ $p = ,443$ $N = 142$	$r = -,107$ $p = ,207$ $N = 142$	$r = -,06$ $p = ,468$ $N = 142$	$r = ,13$ $p = ,120$ $N = 142$	$r = -,131$ $p = ,121$ $N = 142$	$r = ,030$ $p = ,722$ $N = 142$	$r = -,043$ $p = ,614$ $N = 142$

Таблица 9

Результаты корреляционного анализа шкал БЛК и СПК и типов темперамента (по Д. Кейрси)

Факторы	NT	NF	SJ	SP
БЛК	$r = ,305^{**}$ $p = ,000$ $N = 142$	$r = ,024$ $p = ,775$ $N = 142$	$r = -,159(?)$ $p = ,059$ $N = 142$	$r = -,168^*$ $p = ,046$ $N = 142$
СПК	$r = ,145$ $p = ,084$ $N = 142$	$r = -,046$ $p = ,589$ $N = 142$	$r = -,043$ $p = ,610$ $N = 142$	$r = -,142$ $p = ,089$ $N = 142$

SP, без какого-либо отношения к функциям, их составляющим.

Д. Кейрси и М. Бейтс в своей книге «Please Understand Me» [6] описывают представителей NT как мыслителей-теоретиков (хотя преуспевающих также в прикладных науках), характеризующихся изобретательством, творчеством, стремлением к научному познанию – к новому знанию ради знания. Они хорошо чувствуют потенциальные возможности объектов, событий, ситуаций, идей и людей (за исключением интуиции), особенно в условиях дефицита информации; используют это понимание для принятия объективного, логичного, рационального решения (за исключением мышления): это перфекционисты, никогда не останавливающиеся на достигнутом в деле, они всегда в процессе совершенствования и развития; независимы от авторитетов, ставят под сомнение любые источники информации; опираются на

собственные критерии оценки и представления о достоверности и компетентности, исходя из которых они оценивают окружающих и самих себя; ориентированы на будущее, умело разрабатывают стратегические линии. Сильными сторонами их темперамента, с точки зрения Д. Кейрси, являются: умение представить себе картину в целом, способность к отвлеченному мышлению и составлению общего плана (структур, концепций, схем, моделей), умение рассуждать объективно и логически, способность разобраться во внутренней логике и принципах функционирования самых различных систем и организаций, а также способность четко и ясно выражать свои мысли как в устной, так и в письменной форме. Это аналитики, критики, высококвалифицированные эксперты, ученые, преподаватели университетов, изобретатели, архитекторы, создатели систем в любой сфере знания и координаторы проектов.

По утверждению Д. Кейрси, их способности к теоретическому обучению, как правило, выше среднего. Они составляют примерно 10–15% в общей популяции США [6].

Данный результат имеет особо высокую ценность, поскольку психологические характеристики, характерные для типа **NT**, релевантны практически всем поведенческим и личностным установкам и навыкам, представленным в шкале БЛК.

Шкала СПК оказалась практически не связана с типологией Майер-Бриггс – Кейрси, хотя на-

мечена статистическая тенденция к положительной связи с тем же типом **NT**. Это дополнительно и опосредованно свидетельствует о том, что тип креативности, представленный данной шкалой (СПК), в большей степени отражает академическую и интеллектуально-академическую одаренность, а эти виды одаренности слабо связаны с каким-либо психотипом.

Были проанализированы также возможные связи рассматриваемых шкал со всеми 16 психотипами Майер-Бриггс – Кейрси (табл. 10, а и 10, б).

Таблица 10, а

Результаты корреляционного анализа шкал БЛК-СПК и выраженностью психотипов ENTp, ISFP, INTJ, ESFJ, ENFJ, ISTJ, ESTP, INFP (в типологии Майер-Бриггс – Кейрси)

Факторы	ENTp	ISFP	INTJ	ESFJ	ENFJ	ISTJ	ESTP	INFP
БЛК	r = 292** p = ,000 N = 142	r = - 272** p = ,001 N = 142	r = ,143 p = ,090 N = 142	r = -,162 p = ,054 N = 142	r = ,055 p = ,515 N = 142	r = -,061 p = ,473 N = 142	r = -,097 p = ,249 N = 142	r = -,018 p = ,833 N = 142
СПК	r = ,093 p = ,272 N = 142	r = - 189* p = ,024 N = 142	r = ,089 p = ,293 N = 142	r = -,075 p = ,377 N = 142	r = ,000 p = ,999 N = 142	r = ,006 p = ,941 N = 142	r = ,02 p = ,814 N = 142	r = -,075 p = ,374 N = 142

Таблица 10, б

Результаты корреляционного анализа между шкалами БЛК-СПК и выраженностью психотипов ENTJ, ISFJ, ESFP, INTP, ESTJ, INFJ, ENFP, ISTP (в типологии Майер-Бриггс – Кейрси)

Факторы	ENTJ	ISFJ	ESFP	INTP	ESTJ	INFJ	ENFP	ISTP
БЛК	r = 276** p = ,001 N = 142	r = -, 288** p = ,001 N = 142	r = -,149 p = ,078 N = 142	r = ,159 p = ,058 N = 142	r = ,031 p = ,714 N = 142	r = -,092 p = ,277 N = 142	r = ,087 p = ,301 N = 142	r = -,026 p = ,760 N = 142
СПК	r = ,146 p = ,083 N = 142	r = -, 127 p = ,131 N = 142	r = -,143 p = ,090 N = 142	r = ,041 p = ,626 N = 142	r = ,045 p = ,594 N = 142	r = -,063 p = ,457 N = 142	r = -,035 p = ,680 N = 142	r = -,028 p = ,737 N = 142

Как видим, характеристики шкалы БЛК оказались достоверно связаны с двумя типами интуитивно-логических экстравертов – **ENTp** («Дон Кихот», «Изобретатель», «Искатель») и **ENTJ** («Джек Лондон», «Предприниматель», «Фельдмаршал»). Представители данных психотипов, действительно, безусловно значимо представлены в кадровой базе

любой отрасли теоретической и прикладной науки (хотя данная информация больше присутствует в работах специалистов по соционике).

Наконец, были рассчитаны средние по шкалам БЛК и СПК между экспериментальной и контрольной группами (*t*-критерий Стьюдента) (табл. 11).

Таблица 11

Результаты сравнения средних значений шкал БЛК и СПК в контрольной и экспериментальной группах (по *t*-критерию Стьюдента)

Факторы	Группа	N	Среднее	Стандартное отклонение	T	Значимость (двусторонняя)
БЛК	ЭГ(МАН)	117	25,0911	3,94685	4,439	,000
	КГ	180	23,0575	3,79905		
СПК	ЭГ(МАН)	117	20,7568	3,72944	4,145	,000
	КГ	180	18,9417	3,65987		

Примечание. ЭГ(МАН) – экспериментальная группа – ученики-члены Малой академии наук Украины; КГ – контрольная группа – старшеклассники, не имеющие опыта научно-исследовательской деятельности.

Как свидетельствуют результаты сравнения средних контрольной и экспериментальной выборок, шкалы БЛК и СПК обладают дифференциальной способностью: группа детей с признаками интеллектуальной и творческой одаренности демонстрирует на них значимо более высокие показатели креативности.

В соответствии с алгоритмами стандартизации были рассчитаны нормативы оценки результатов (табл. 12). Таблица верна только в случае, если оценка утверждений производится по шкале: 1 – абсолютно не согласен, 2 – скорее не согласен, 3 – скорее согласен, 4 – абсолютно согласен.

Таблица 12

Таблица перевода сырых баллов в стены для обоих факторов

Факторы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
БЛК	≤ 15	16–17	18–19	20–21	22–23	24–25	26–27	28–29	30–31	32
СПК	≤ 12	13–14	15	16–17	18–19	20–21	22–23	24–25	26–27	28

Примечание. 1–10 – стены.

Выводы. В своей работе мы осуществили проверку теста креативности (типологии креативности) К. Венкера на соответствие требованиям, предъявляемым психометрическим тестовым методикам. К сожалению, методика показала недостаточный уровень валидности и надежности. С целью поиска комбинаций стимульного материала, позволяющих все-таки использовать данный тест в диагностике одаренности, был проведен ряд математико-статистических процедур; это позволило выделить две шкалы, обладающие практической психометрической ценностью. Первая из них – Базовая личностная креативность (БЛК) – отражает креативность, характеризуемую как склонность к не стимулированному извне выходу за пределы условий и первичных решений задачи; вторая – Специфическая прикладная креативность (СПК) – более характерна для аналитической работы, составляющей традиционное содержание научной и инженерно-технической деятельности. Шкалы были стандартизированы, построена «линейка» нормативов для возраста 14–17 лет. Таким образом, новая версия теста креативности К. Венкера может использоваться в психодиагностической работе с одаренными детьми как валидный и надежный инструмент.

Список литературы

1. Venker K. Kreativ Test «Wie kreativ sind Sie?» // Deutschland – Forum für Politik, Kultur und Wirtschaft. 2004. № 6 (12–1). S. 64–66.
2. Бельская Н. А. Модифицированный и дополненный вариант методики профессиональной направленности Дж. Холланда // Навчання і виховання обдарованої дитини: теорія та практика : зб. наук. праць. 2012. № 2 (8). С. 261–271.
3. Абельская Е. Ф. Типоведческое исследование психического склада личности : дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2006. 202 с.
4. Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 92–110.
5. Бельская Н. А. Модифицированный тест креативности Ф. Вильямса // Психология интеллекта, творчества, одаренности в персоналиях: в 2 ч. Ч. 2. Методики измерения интеллекта, креативности, одаренности : учеб. пособие / под ред. Р. И. Кузьминой. Симферополь, 2013. С. 176–186.
6. Овчинников Б. В., Павлов К. В., Владимиров И. М. Ваш психологический тип. СПб., 1994. 238 с.

Образец для цитирования:

Бельская Н. А. Апробация теста креативности К. Венкера: проверка конструктивной валидности и предложение нового варианта его использования в диагностике одаренности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 439–448. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-439-448.

Approval of K. Venker's the «Creativity Test»: Verification of Construction Validity and the Proposal of a New Option of its Use in Diagnostics of Giftedness

Natalya A. Belskaya

Institute of Gifted Child of National Academy of Educational Sciences of Ukraine
52D, Sichovykh striltsiv str., Kyiv, 04053, Ukraine.
E-mail: nybelsona@mail.ru

The article considers the results of approbation of K. Venker's creativity test (Germany, 2004) on a sample of Ukrainian youth. There is evidences of insufficiently satisfactory discrimination, validity and reliability (alpha Cronbach) of the authentic variant of the test in relation to the age category of 14–17 years. Based on the results of the confirmatory factor analysis of the stimulant material of K. Venker's test, two scales of creativity corresponding to psychometric requirements were formed and described: the scale of the Basic Personal Creativity (BPC) and the scale of the Specific Applied Creativity (SAC). The BPC reflected

the general personal attitude toward creativity as a transformation of experience (in the context of V. Druzhinin's approach), that is, the content of this scale turned out to be relevant to nonspecific creative talent. SAC reflected the types of creative analytical tasks and intellectual skills, more typical for academic and intellectual giftedness. The convergent validity of the new version of the test is proved on the results of the correlation analysis with the following psychological methods the author's modification of the professional orientation test of J. Holland, MBTI (or Mayer-Briggs type indicator), Budner's Scale of «Tolerance–Intolerance of Ambiguity and the author's modification of the test of creativity F. Williams. The scales were standardized, a «ruler» of standards is presented (in st. tens).

Key words: creativity, giftedness, diagnostics, approbation, mathematical and statistical analysis, constructive and convergent validity, psychotypology.

References

1. Venker K. Kreativ Test «Wie kreativ sind Sie?» [Creative test “How creative you are?”]. *Deutschland – Forum für Politik, Kultur und Wirtschaft*, 2004, no. 6 (12–1). S. 64–66.
2. Bekskaya N. A. Modifitsirovanny i dopolnenny variant metodiki professionalnoy napravlenosti Dzh. Holland [Modified and supplemented version of the test of professional orientation of G. Holland]. *Navchannya I vykhovannya obdarovanoj ditiny: teoriya ta praktika: zbirnik naukovykh prats* [Training and education of gifted child: Theory and Practice. Scientific Collection]. Kyiv, 2012, no. 2 (8), pp. 261–271.
3. Abelskaya E. F. *Tipovedcheskoe issledovanie psikhicheskogo sklada lichnosti: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Typological study of the mental formation of personality: diss. ... cand. of psychology]. Ekaterinburg, 2006. 202 p.
4. Kornilova T. V., Chumakova M. A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikatsii oprosnika S. Badnera [Scales of tolerance and intolerance to uncertainty in the modification of the questionnaire of S. Badner]. *Eksperymentalnaya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2014, no. 1, pp. 92–110.
5. Bekskaya N. A. Modifitsirovanny test kreativnosti F. Vilyamsa [Modified test of creativity of F. Williams]. *Psikhologiya intellekta, tvorchestva, odarennosti v personaliyakh: v 2 ch. Ch. 2. Metodiki izmereniya intellekta, kreativnosti, odarennosti*. Pod. red. R. Kuzminoy [Psychology of intellect, creativity, giftedness in personalities: in 2 pt. Pt. 2. Methods for measuring intelligence, creativity, giftedness. Ed. by R. Kuzmina]. Simferopol, 2013, pp. 176–186.
6. Ovchinnikov B. V., Pavlov K. V., Vladimirova I. M. *Vash psikhologicheskiy tip* [Your psychological type]. St. Petersburg, 1994. 238 p.

Cite this article as:

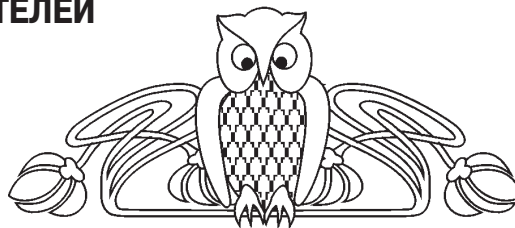
Belskaya N. A. Approval of K. Venker's the «Creativity Test»: Verification of Construction Validity and the Proposal of a New Option of its Use in Diagnostics of Giftedness. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 439–448. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-439-448.

УДК 316.6

ВЗАИМОСВЯЗЬ НРАВСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Бочарова Елена Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: bocharova-e@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена динамичностью, противоречивостью социальных преобразований общества, порождающих неопределенное отношение к ценностям и нормам, в числе которых и ценности карьеры, нравственного развития личности, ранее существовавшие. Изложены результаты эмпирического исследования, целью которого является изучение взаимосвязи нравственного самоопределения и карьерных ориентаций, предпринятого на выборке студенческой молодежи ($N = 112$). Применение психодиагностического инструментария – методики «Нравственное самоопределение личности», (А. Е. Воробьевой, А. Б. Купрейченко), методики диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры» (Э. Шейна, перевод и адаптация В. А. Чикер, В. Э. Винокуровой) с последующим выполнением корреляционного анализа по К. Пирсону – позволило зафиксировать наибольшее количество взаимосвязей между параметрами нравственного самоопределения и карьерной ориентацией на служение, характеризующееся в целом доминированием нравственно-конструктивной направленности. Ориентируясь на профессиональную компетентность, студенты-психологи демонстрируют готовность к реализации стратегии обязательности соблюдения нравственных норм на когнитивном и конативном уровнях, разделяя при этом нравственные предпочтения лишь референтных групп. В ориентации на стремление к интеграции усилий своих сокурсников они зачастую готовы пренебречь их интересами в целях реализации собственных. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке тренинговых программ развития нравственно-психологической регуляции карьерной активности личности.

Ключевые слова: нравственность, нравственное самоопределение, нравственные ориентации, карьерные ориентации, доминирующая направленность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-449-453

Введение

Изучение проявления нравственного самоопределения в структуре карьерных ориентаций личности в последнее время является одной из востребованных проблем как в психологической науке, так и в социальной практике. Достаточно выраженные динамичность, противоречивость социальных преобразований общества порождают неопределенное отношение к ценностям и нормам, в числе которых и ценности карьеры, нравственного развития личности, существовавшие ранее. По сути, речь идет о специфике сопряжения карьерного и нравственного самоопре-

деления, самореализации личности, сочетание которых, как показано в ряде исследований [1–3], не всегда гармонично и может иметь разновекторную направленность [1]. Этому способствует и изменение критериев успешности самореализации человека, в достижении которой проявляется не всегда «здоровая» конкурентоспособность.

Нравственное самоопределение, как подчеркивается многими исследователями [1, 4], выступает, с одной стороны, связующим звеном между объективной социальной средой и индивидуальным сознанием человека, с другой – между его сознанием, деятельностью и поведением. По сути, нравственное самоопределение личности является одним из критериев её вовлеченности в общество, отражающих результативные и процессуальные характеристики присвоения и воспроизведения общественно значимых нравственных ценностей.

Разрабатывая проблему нравственно-психологической регуляции экономической активности, А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко [1], А. Е. Воробьева [2, 3] акцентируют внимание на необходимости рассмотрения нравственности как целостной системы воззрений на должную социальную жизнь; выражающей понимание сущности человека и его бытия, отражающей ценностно-нравственные основания общества. При этом, как отмечают исследователи, система нравственных воззрений регулирует жизнедеятельность человека во всех сферах его социальных практик в целях достижения согласованности общественных, групповых и личных интересов. Основанием выстраивания частных видов самоопределения в различных сферах жизнедеятельности личности и общества, согласно взглядам А. Б. Купрейченко, А. Е. Воробьевой [2], выступает нравственное самоопределение.

Обобщение результатов исследований З. С. Акбиевой, О. П. Терновской, Л. Б. Шнейдер [5], О. О. Богатыревой, Т. Д. Марцинковской [6], Л. Г. Почебут, В. А. Чикер [7] и др. свидетельствует о том, что карьерное самоопределение соотносимо с «самоориентированием» личности в своих спо-

собностях, ценностных ориентациях, мотивах, смыслах и потребностях, имеющих отношение к продвижению в профессиональной деятельности.

Содержание понятия «карьерные ориентации» раскрывается через направленность личности на определенное карьерное решение, ее инструментальное движение в реализации профессиональных перспектив [5, 6], смысловую диспозицию, отражающую ключевое направление карьерного развития, имеющую для человека устойчивый жизненный смысл, выступающую механизмом личностно-смысловой и установочно-смысловой регуляции [8].

Не менее существенным обстоятельством обращения к изучению взаимосвязи нравственного самоопределения и карьерных ориентаций студентов является то, что специфика профессиональной подготовки специалистов может способствовать не только нравственному становлению и развитию, но и возможной стагнации, и деформации. Кроме того, исследователи выделяют так называемый фактор духовно-нравственного призвания задействованного в выборе профессиональной деятельности и направленности продвижения в ней. В этом отношении научный интерес представляют работы З. С. Акбиевой, О. П. Терновской, Л. Б. Шнейдер [5], О. О. Богатыревой, Т. Д. Марцинковской [6], А. Е. Воробьевой [3].

В контексте изложенного вполне обосновано наше обращение к изучению структурно-содержательных характеристик взаимосвязи нравственного самоопределения и карьерных ориентаций личности.

Выборка, методики и методы исследования

Эмпирическое исследование выполнено на выборке студентов старших курсов ($N = 112$) психолого-педагогического профиля (будущие психологи образования) Саратовского национального исследовательского государственного университета, средний возраст которых соответствует 20,5 годам. Для диагностики применены следующие методики: «Нравственное самоопределение личности» А. Е. Воробьевой и А. Б. Купрейченко [2], методика диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры» (Э. Шейна, перевод и адаптация В. А. Чикер, В. Э. Винокуровой) [7] с последующим выполнением корреляционного анализа по К. Пирсону с применением пакета математической статистики SPSS 13.0 for Windows.

Результаты исследования и их обсуждение

В структуре взаимосвязи параметров нравственного самоопределения и карьерных ориентаций (таблица) наибольшее количество

связей «выпадает» на карьерную ориентацию «служение» – 13 взаимосвязей.

Вполне очевидно, что предпочтение *карьерной ориентации «служение»* основано на представлении респондентов о нравственности, критериями которых выступают: «происхождение нравственности» ($r = 0,20; p < 0,05$), «значимость морали» ($r = 0,25; p < 0,01$), «абсолютность нравственности» ($r = 0,25; p < 0,01$), «воздаяние за добро и зло» ($r = 0,29; p < 0,01$), «нравственность как сила личности» ($r = 0,27; p < 0,01$). Обнаружены достоверно значимые взаимосвязи между карьерной ориентацией «служение» и нравственными стратегиями обязательности соблюдения нравственных норм на когнитивном и эмоциональном уровнях ($r = 0,22; p < 0,05; r = 0,36; p < 0,01$ соответственно) и нравственными стратегиями активности нравственного поведения на когнитивном, эмоциональном, когнитивном уровнях ($r = 0,26; p < 0,01; r = 0,43; p < 0,01; r = 0,43; p < 0,01$ соответственно).

Это является свидетельством того, что студенты-психологи демонстрируют достаточно сформированную нравственную позицию. В ориентации на работу с людьми, «служении человечеству» респонденты склонны к принятию нравственных норм, полагая при этом, что нравственность является неотъемлемым свойством любого сообщества, а моральные нормы вечны и неизменны. Кроме того, в большей мере наблюдаются согласие в соблюдении нравственных норм как показатель силы личности, убежденность в отсутствии дифференциации морали для своих и чужих, а также необходимость оказания помощи людям в любой ситуации, руководствуясь при этом общечеловеческими ценностями. Отмечается приверженность студентов стратегии обязательного соблюдения нравственных норм на когнитивном и эмоциональном уровнях, а также – стратегии активности нравственного поведения на когнитивном, эмоциональном, поведенческом уровнях. Не является исключением тот факт, что установки студентов на обязательность соблюдения нравственных норм в любых ситуациях, на активное противодействие нарушению нравственных норм как по отношению к себе, так и к Другим характеризуются достаточной устойчивостью и выступают механизмом актуализации стратегий нравственного поведения, реализация которых сопровождается переживанием чувства эмоционального удовлетворения. Кроме того, респонденты демонстрируют убежденность в необходимости взаимного соблюдения нравственных норм.

Также обнаружены взаимосвязи между *карьерной ориентацией «служение»* и группо-

Взаимосвязь между параметрами нравственного самоопределения и карьерных ориентаций студенческой молодежи

Параметры		ПК	М	А	СР	СМЖ	С	ИСЖ	П
Представление о нравственности, морали	Происхождение нравственности	,04	-,09	-,14	-,14	,10	,20*	-,06	,01
	Значимость морали, нравственности для общества	-,08	-,07	,11	,06	-,05	,25**	,02	-,21*
	Абсолютность/относительность нравственности	,09	-,04	-,06	,15	,10	,25**	-,02	-,25*
	Воздаяние за добро и зло	,01	-,19*	-,12	,14	,12	,29*	-,02	-,13
	Представление о нравственности как о силе/слабости	-,02	-,16	-,07	,14	,03	,27**	-,06	-,12
	Природа нравственности личности	-,06	-,23*	-,03	-,07	-,06	,13	,04	-,18
Нравственные стратегии	Обязательность/необязательность соблюдения нравственных норм								
	Когнитивный компонент	,23*	-,14	-,08	-,02	,03	,22*	,04	-,19*
	Эмоциональный компонент	,05	-,12	,11	,14	,10	,36*	,26*	-,07
	Конативный компонент	,21*	-,17	-,13	,08	,16	,15	-,09	-,16
	Активность/пассивность нравственного поведения								
	Когнитивный компонент	,15	-,09	,02	-,00	,16	,26**	,01	-,03
	Эмоциональный компонент	,05	-,10	,06	,08	,12	,43*	,04	-,12
	Конативный компонент	,09	-,12	,04	,02	,12	,37**	,16	,08
Нравственные ориентации	Эгоцентрическая	-,05	,31**	,12	,04	-,08	-,01	,20*	,24**
	Группоцентрическая	,33*	,03	,16	,15	,11	,25**	,18	,02
	Гуманистическая	,12	-,15	,16	,12	,17	,49**	,17	-,05
	Мирозидательная	,01	-,02	,28**	,22*	,12	,41**	,31**	,07

Примечание. * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01; нули опущены. Условные обозначения: ПК – профессиональная компетентность, М – менеджмент, А – автономия, СР – стабильность работы, СМЖ – стабильность места жительства, С – служение, ИСЖ – интеграция стилей жизни, П – предпринимательство.

центрической ориентацией ($r = 0,25; p < 0,05$), и гуманистической ориентацией ($r = 0,49; p < 0,01$) и мирозидательной ориентацией ($r = 0,41; p < 0,01$). Очевидно, что доминирующей нравственной ориентацией для студентов является группоцентрическая ориентация в сочетании с гуманистической и мирозидательной. Для них весьма существенной является ориентация на нравственные предпочтения, нормы, стратегии нравственного поведения, разделяемые не только группами, членами которых они являются, но и обществом в целом.

В структуре взаимосвязи параметров нравственного самоопределения и карьерных ориентаций обнаружены четыре достоверно значимых корреляции между ориентацией на «предпринимательство» и значимостью морали, нравственности для общества ($r = -0,21; p < 0,05$), абсолютностью нравственности ($r = -0,25; p < 0,01$), нравственными стратегиями обязательности соблюдения нравственных норм на когнитивном уровне ($r = -0,19; p < 0,01$) и эгоцентрической ориентацией ($r = 0,24; p < 0,01$). Очевидно, что представление о построении собственного

бизнеса связаны только с материально-прагматическими, эгоцентрическими ценностями, когда, в первую очередь, должны быть учтены лишь личные цели, и в этом случае отмечается готовность поступиться интересами Других ради достижения желаемого.

Паритетное количество взаимосвязей (3) обнаружено между ориентацией: на профессиональную компетентность (профессиональное мастерство) и нравственными стратегиями обязательности соблюдения нравственных норм на когнитивном и конативном уровнях ($r = 0,23$; $p < 0,05$; $r = 0,21$; $p < 0,05$ соответственно) и группоцентрической ориентацией ($r = 0,33$; $p < 0,01$); на менеджмент и воздаяние за добро и зло ($r = -0,19$; $p < 0,05$), природу нравственности личности ($r = -0,23$; $p < 0,01$), эгоцентрическую ориентацию ($r = 0,31$; $p < 0,01$). Ориентируясь на профессиональная компетентность, студенты демонстрируют готовность к реализации стратегии обязательности соблюдения нравственных норм на когнитивном и конативном уровнях, разделяя при этом нравственные предпочтения лишь референтных групп. В ориентации на стремление к интеграции усилий своих сокурсников зачастую готовы пренебречь их интересами в целях реализации собственных.

Выводы

Таким образом, анализ структуры корреляционных взаимосвязей параметров нравственного самоопределения и карьерных ориентаций студентов-психологов позволил выявить ее иерархию, существенная выраженность в которой принадлежит совокупности взаимосвязей (13) карьерной

ориентации на служение и параметрами нравственного самоопределения, характеризующейся в целом доминированием нравственно-конструктивной направленности, что вполне соответствует содержанию их профессионального выбора.

Список литературы

1. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М., 2003. 360 с.
2. Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е. Нравственное самоопределение молодежи. М., 2013. 480 с.
3. Воробьева А. Е. Нравственное самоопределение молодежи разных специальностей // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2016, Т. 5, вып. 2. С. 136–143.
4. Бочарова Е. Е. Нравственные ориентации и субъективное благополучие молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2016, Т. 5, вып. 2. С. 143–151.
5. Акбиева З. С., Терновская О. П., Шнейдер Л. Б. Психология карьеры и профессионально-релевантное поведение специалиста. М.; Воронеж, 2008. 271 с.
6. Богатырева О. О., Марцинковская Т. Д. Профессиональная самореализация в пространстве личностного развития // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2009. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.05.2017).
7. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология. СПб., 2000. 302 с.
8. Тихомандрицкая О. А., Рикель А. М. Социально-психологические факторы успешности карьеры // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2010. № 2 (10). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.05.2017).

Образец для цитирования:

Бочарова Е. Е. Взаимосвязь нравственного самоопределения и карьерных ориентаций у представителей студенческой молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 449–453. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-449-453.

Interrelation of Moral Self-Determination and Career Orientations at Representatives of Student's Youth

Elena E. Bocharova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: bocharova-e@mail.ru

The research urgency is caused by the dynamic, contradictory social transformation of society generating an uncertain attitude towards values and norms, including values, career, and moral development of a person that previously existed. The results of an empirical study are presented, the aim of which is to study the relationship between moral self-determination and career orientations undertaken on a sample of

student youth ($N = 112$). The application of psychodiagnostic tools: the technique «Moral self-determination of personality», (A. E. Vorobyeva, A. B. Kupreychenko), the technique of diagnosing value orientations in the career of «Career Anchor» (E. Shane, translation and adaptation V. A. Chiker, V. E. Vinokurova) followed by the implementation of the correlation analysis by K. Pierson enabled us to fix the greatest number of interrelations between the parameters of moral self-determination and career orientation toward service, characterized generally by the dominance of the moral construct envoy orientation. Focusing on professional competence, psychology students demonstrate a willingness to implement the strategy of the obligation of observance of moral norms on cognitive and cognitive levels, and distribution of moral preferences, only reference groups. Focus on the desire to integrate the efforts of their fellow students are often willing to neglect their interests in order to implement their own. The applied aspect of the research problem

can be used to design training programs for the development of moral and psychological regulation of career activity of personality.

Key words: morality, moral self-determination, moral orientation, career orientation, dominant orientation.

References

1. Zhuravlev A. L., Kupreychenko A. B. *Nravstvenno-psikhologicheskaya regulyatsiya ekonomicheskoy aktivnosti* [Moral-psychological regulation of economic activity]. Moscow, 2003. 360 p. (in Russian).
2. Kupreychenko A. B., Vorobeva A. E. *Nravstvennoe samoopredelenie molodezhi* [Youth Moral Self-determination]. Moscow, 2013. 480 p. (in Russian).
3. Vorobyeva A. E. *Nravstvennoe samoopredelenie molodezhi raznykh spetsial'nostey* [Moral Self-Determination of young people of Different Professions]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2016, vol. 5, iss. 2, pp. 136–143 (in Russian).
4. Bocharova E. E. *Nravstvennye orientatsii i sub'ektivnoe blagopoluchie molodezhi* [Moral orientation and subjective well-being of young people from different ethnic groups]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2016, vol. 5, iss. 2, pp. 143–151 (in Russian).
5. Akbieva Z. S., Ternovskaya O. P., Shneider L. B. *Psikhologiya karery i professional'no-relevantnoe povedenie spetsialista* [Psychology of career and professionally relevant behavior of a specialist]. Moscow; Voronezh, 2008. 271 p. (in Russian).
6. Bogatyreva O. O., Martsinkovskaya T. D. *Professional'naya samorealizatsiya v prostranstve lichnostnogo razvitiya* [Professional self-actualization in the field of personality development]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. jurn. [Psikhologicheskie Issledovaniya]*, 2009, no. 1 (3). Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 25 May 2017) (in Russian).
7. Pochebut L. G., Chiker V. A. *Organizatsionnaya sotsial'naya psikhologiya* [Organizational social psychology]. St. Petersburg, 2000. 302 p. (in Russian).
8. Tikhomandritskaya O. A., Rikel A. M. *Sotsialno-psikhologicheskie faktory uspekhov karery* (Socio-psychological factors of career success). *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. jurn. (Psikhologicheskie Issledovaniya)*, 2010, no. 2 (10). Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 25 May 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Bocharova E. E. Interrelation of Moral Self-Determination and Career Orientations at Representatives of Student's Youth. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 449–453. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-449-453.

УДК 159

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ВЫГОРАНИЯ

Неруш Татьяна Григорьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. E-mail: tgner@mail.ru

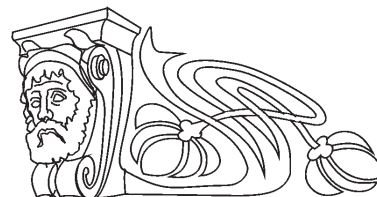
В статье представлены результаты теоретического анализа отечественных и зарубежных работ по проблеме выгорания, целью которого было выявление основных этапов исследования данного феномена. Эта проблема не утратила своей актуальности, теоретической и практической значимости на протяжении четырех десятилетий ее изучения в связи с распространенностью выгорания, его необратимостью и негативными последствиями для личности и для социума. На основе авторского анализа работ по проблематике выгорания личности зафиксированы и детально описаны основные этапы изучения данного феномена: выявление и описание частных случаев выгорания, понимание и обобщение этого феномена, методологическая фаза исследований, аналитическое исследование феномена, этап верификации и валидации концепта выгорания, появление новых направлений исследований. Рассмотрение основных этапов изучения феномена выгорания позволило проследить, как расширилась и трансформировалась его предметная область и изменялся его статус, а также определить перспективы его дальнейшего исследования: от фиксации и описания частных случаев «профессионального выгорания» у врачей до приобретения им статуса экзистенциального и общепрофессионального феномена, расширения сферы его изучения за пределы профессионального контекста.

Ключевые слова: психическое выгорание, профессиональное выгорание, эмоциональное выгорание, этапы изучения феномена выгорания.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-454-459

Психическое выгорание относится к числу актуальных теоретических и прикладных проблем современной психологической науки, его научная разработка осуществляется на протяжении четырех десятилетий. Массовая распространенность, необратимость и негативные последствия выгорания обусловили практическую необходимость разработки программ его профилактики, совладания и коррекции. Теоретический интерес к данной проблеме связан с изучением сущности феномена выгорания, его структурной организации, механизмов, детерминант, динамики и закономерностей развития. За многолетнюю историю научной разработки проблемы выгорания российскими и зарубежными авторами изданы тысячи научных работ, посвященных данному феномену. На основе теоретического анализа работ по проблеме выгорания установлены основные этапы его изучения.

Выявление и описание частных случаев выгорания. Основу для этого составил личный

профессиональный и житейский опыт авторов. Выгорание воспринималось как частный, отдельный, уникальный, изолированный случай и фиксировались лишь его внешние проявления (эмоциональное, умственное и физическое истощение). Так, например, в конце XIX в. А. П. Чехов в рассказах «Палата № 6» (1892) и «Ионыч» (1898), еще задолго до введения в научный оборот термина «выгорание», описал его у врачей, точно воспроизведя его динамику и симптоматику. Отдельные случаи выгорания описаны в романах Т. Манна «Будденброки» (1922), «Волшебная гора» (1924) и позднее в рассказе Г. Грина «Случай выгорания» (1960) [1].

В работах американских исследователей были выделены частные случаи психических состояний с симптоматикой выгорания, и несмотря на то, что термин «выгорание» не использовался, его сущность была представлена отчетливо (М. Буриш, 1953; Г. Брэдли, 1969). Так, Г. Брэдли описал разновидность стресса, который зависит от работы (work-related stress) [2].

Еще задолго до того, как термин «выгорание» стал использоваться в работах отечественных психологов, его суть была зафиксирована российскими авторами в иных терминах: феномен «отравления людьми», синдром «болезни общения» у медицинских работников, феномен «излетанности» у летчиков и др. [3]. Первые упоминания о феномене выгорания в отечественной психологической науке обнаруживаются в работах Б. Г. Ананьева (1968), для обозначения негативного явления, которое развивается у представителей профессий типа «человек–человек» и связано с межличностными отношениями, он использует термин «эмоциональное сгорание» [4]. Феномен «сгорания» Ананьевым был лишь зарегистрирован, но не верифицирован эмпирическими исследованиями.

Понимание и обобщение феномена выгорания. На этом этапе началось исследование внутреннего содержания феномена, его внутренних и внешних связей. Основной признак этого этапа – широкое использование нового названия – «выгорание». Первые данные о феномене выгорания появились в американской пси-

хологии в 1974 г. в работах Г. Дж. Фрейденберга [5]. В последующие десятилетия проблема выгорания сотрудников в трудовой деятельности была одной из наиболее популярных и активно разрабатывалась в американской психологической науке. В этот период осуществились *операционализация понятия «выгорание» и изучение его природы*. Были зафиксированы массовые случаи выгорания у представителей «хелперских профессий» (от англ. help – помогать) – врачей, психиатров, психологов.

В этот период изучение феномена выгорания реализовалось в двух направлениях – психиатрическом и социально-психологическом. Представитель психиатрического (клинического) направления – американский психоаналитик Г. Дж. Фрейденбергер использовал термин «Staff burnout (burnout – «выгорание»)» для описания психического состояния у здоровых сотрудников психиатрических учреждений в ситуации интенсивной коммуникации с пациентами в эмоционально нагруженной атмосфере при оказании профессиональной помощи. Представители социально-психологического направления К. Маслач и ее коллеги сформулировали концепт «выгорания» как синдрома, состоящего из трех симптомов: 1) физическое и эмоциональное истощение; 2) развитие отрицательной самооценки; 3) отрицательное отношение к работе, утрата понимания и сочувствия по отношению к клиентам (К. Маслач, 1976). Установлены ситуативные факторы выгорания: большое количество клиентов, преобладание негативной обратной связи от клиента, недостаток личностных ресурсов для совладания со стрессом [6].

Методологическая фаза исследования выгорания. Для психологической оценки выгорания у сотрудников в рамках индустриально-организационного подхода были разработаны методология исследования и психодиагностические опросники. В 1981 г. был выпущен опросник «MBI (The Maslach Burnout Inventory)», направленный на выявление и измерение выгорания (К. Маслач, 1981). Выгорание стало пониматься как форма трудового стресса, которая связана с такими явлениями, как организационная культура, удовлетворенность трудом, текучесть кадров. Индустриально-организационный подход объединил воедино психиатрическое и социально-психологическое направления изучения выгорания [7]. В работах российских психологов, посвященных исследованию стресса, в этот период были описаны явления, родственные по своему содержанию феномену выгорания (Л. А. Китаевым-Смыком, В. А. Бодровым).

Аналитическое исследование обобщенного концепта выгорания. В этот период американскими исследователями изучались и описывались разнообразные формы проявления и закономерности исследуемого феномена. Значимым событием данного этапа является *расширение понимания смысла феномена выгорания*. Это нетрудно проследить на примере эволюции опросника «MBI»: область его применения за 25 лет исследований расширилась от помогающих профессий («субъект-субъектного» типа) до любых и стала включать профессии «субъект-объектного» (металлургов, операторов телефонных станций и ЭВМ). Это *этап интенсивных эмпирических исследований выгорания*: его изучение базировалось на разработанной методологии. Сформулировано представление о выгорании не только как форме хронического стресса в процессе труда, но и как о его результате (К. Маслач): выявлены шесть организационных факторов, которые детерминируют состояние выгорания: 1) рабочие нагрузки, 2) контроль и автономность сотрудника, 3) восприятие вознаграждения, 4) психологическая совместимость сотрудника с деятельностью и коллегами, 5) восприятие справедливости, 6) конгруэнтность ценностей работника с декларируемыми/скрытыми ценностями организации. Для измерения выгорания стал применяться ряд опросников: «MBI (The Maslach Burnout Inventory)», «SBS (The Staff Burnout Scale)» и «The Tedium Scale». Выгорание изучается не только у представителей «хелперских профессий», но и у военнослужащих, работников офисов, руководителей, у представителей профессий «несоциальной сферы» (летчиков, программистов и др.). Осуществлялись кросс-культурные исследования выгорания; изучалась «вовлеченность» – антипод выгорания – направленность на работу, энтузиазм, положительное отношение к своему труду (К. Маслач). Данный этап исследований увенчался выстраиванием его внутренней структуры и переходом от фрагментарного, парциального анализа к исследованию его как целостного феномена: это привело к восприятию феномена выгорания не как психического состояния, а как психического процесса.

Таким образом, данный этап завершился переходом от представления о выгорании как статичном феномене к динамическому, дающему информацию о его трансформациях во времени [8]. В отечественной психологии в конце 1990-х гг. выгорание стало предметом самостоятельных научных исследований. Для его обозначения Т. В. Форманюк был введен термин «эмоциональное сторание» [9]. Содержание понятия было заимствовано из зарубежных работ;

большинство отечественных исследований имели постановочный характер или узкую эмпирическую направленность (А. А. Рукавишников, В. В. Бойко и др.) [10].

Этап верификации и валидации концепта выгорания. На данном этапе уже было достаточно накопленной информации для исследования феномена выгорания как саморазвивающейся сущности, т.е. изучения его причин, происхождения и развития. Вследствие этого информацию об исследуемом феномене, полученную на всех предыдущих этапах, тщательно фиксировали, подвергали перепроверке, анализу и интерпретации. Феномен выгорания постепенно приобрел статус *экзистенциального явления*: было зафиксировано, что «выгорающий» или «выгоревший» сотрудник, независимо от типа его профессиональной деятельности, переживает сложные симптомы «душевных потерь», которые являются результатами продолжительного стресса в когнитивно или эмоционально сложных ситуациях профессионального общения и взаимодействия с другими людьми. Впоследствии у сотрудника развивается субъективное (психическое) и физическое неблагополучие, уменьшается или теряется трудовая активность и работоспособность, снижается удовлетворенность качеством жизни и реализацией смысла жизни. Итак, выгорание стало рассматриваться как проявление «эрозии человеческой души» в целом, не зависящее от вида профессиональной деятельности (К. Маслач) [11]. На данном этапе феномен выгорания изучался в профессиональном контексте: выгорание исследовалось в психологии стресса (как следствие длительного профессионального стресса), в психологии профессиональной деятельности (как форма профессиональной деструкции и профессиональной деформации), в экзистенциальной психологии (как состояния физического и психического истощения, которые появляются в результате долгого нахождения в эмоционально напряженных трудовых условиях).

В этот период сформировались разные подходы к пониманию генезиса выгорания – организационный, интерперсональный, индивидуально-психологический; предлагались разнообразные его модели – структурные и процессуальные, описывалась его динамика и симптоматика, изучались факторы, его детерминирующие. Несмотря на разнообразие подходов к изучению этого феномена отечественными и зарубежными исследователями была достигнута договоренность об операциональной структуре феномена выгорания. Наиболее валидной в результате многочисленных эмпирических ис-

следований была признана трехкомпонентная модель выгорания К. Маслач, С. Джексон: 1) эмоциональное истощение, 2) деперсонализация, 3) редукция личных достижений. Однако однозначная точка зрения на определение выгорания, его основные симптомы, механизмы и динамику его возникновения не сложилась [12].

Появление новых направлений исследований выгорания (современный этап). Он характеризуется различными, часто противоположными смыслами, которые связываются с феноменом выгорания. В рамках исследования сформировались довольно противоречивые обстоятельства: психологическое сообщество полагает, что выгорания – феномен нормы, а медицинское сообщество рассматривает его как патологию, имеющую соответствующую позицию в Международной классификации болезней 10-го пересмотра: синдром выгорания описан под рубрикой Z.73.0. – «Проблемы, связанные с трудностями поддержания нормального образа жизни».

Учитывая, что выгорание является серьезной психологической, медицинской, социальной и экономической проблемой, исследование выгорания приобретает комплексный, междисциплинарный характер. Например, выгорание является предметом клинической психологии, изучающей те негативные эффекты, которые оказывает выгорание на самочувствие профессионалов, на их физическое и психическое здоровье. В социальной психологии исследования выгорания осуществляются в контексте психологических механизмов межличностных отношений между людьми. Выгорание является также предметом исследования в организационной психологии, психологии труда, психологии профессионального становления личности в контексте изучения своеобразия профессионального пути личности. В современных исследованиях отмечается, что выгорание возникает у специалиста в контексте работы и имеет негативные последствия как для него самого, так и для организации в целом психического благополучия всех тех, с кем он взаимодействует в процессе профессиональной деятельности (клиентов, учеников, пациентов, коллег). Дальнейшее изучение данного феномена важно для: исследования закономерностей и механизмов профессионального становления механизмов профессиональной адаптации; выявления связи между профессиональным стрессом и соматическими расстройствами, и установления характера этой связи т.д.

Со времени появления первых данных о выгорании как профессиональном феномене исследователями неуклонно отмечается его распространенность – и увеличение, и расши-

рение. Вырастает численность выгорающих и выгоревших людей в изначально определенной профессиональной группе «хелперских» профессий; расширяется круг профессий, в которых фиксируется выгорание. Данный феномен охватывает новые группы, в которых он ранее не регистрировался. Если раньше он исследовался у представителей профессий «человек – человек» – учителей, преподавателей колледжей, врачей и медицинских сестер, менеджеров, торговых агентов, социальных работников, представителей других профессий, связанных с непрерывными коммуникациями с большим потоком людей (Н. В. Адаменко, А. В. Арутюнова, И. Н. Асеева, О. И. Бабич, М. В. Борисова, А. А. Рукавишников, Н. Е. Водопьянова), то теперь круг профессионалов, подверженных профессиональному выгоранию, расширился. Исследователями получены данные о наличии выгорания у работников правоохранительных органов и пенитенциарной системы, пожарных, у представителей управленческих структур и у представителей профессии «человек – знак», «человек – машина» – бухгалтеров, программистов, летчиков, водителей, операторов и др. (В. Н. Димова, Е. С. Картава, А. В. Сечко и др.). В связи с этим исследование феномена профессионального выгорания является одной из приоритетных задач психологии труда.

Особое значение на этом этапе имеют работы В. Е. Орла, раскрывающие структурно-функциональную организацию выгорания у представителей профессий «субъект-субъектного» и «субъект-объектного» типов, функциональные закономерности проявления и структуру его личностных детерминант в профессиях «субъект-субъектной» сферы. Отмечено, что качественный и количественный состав выгорания зависит от содержания профессиональной деятельности: в профессиях «субъект-субъектной» сферы выгорание имеет трехкомпонентную структуру, а в «субъект-объектной» – близкую к двухфакторной. Разработана концепция психического выгорания как специфического вида системных явлений. Психическое выгорание приобретает статус *общепрофессионального феномена* и рассматривается как компонент категориального аппарата психологической науки. Отмечается, что этот феномен проявляется в различных сферах личности – эмоциональной, когнитивной, мотивационной, сфере отношения человека к работе – и что менее всего разработана проблема влияния выгорания на внепрофессиональные области жизни человека [13].

Если в англоязычной литературе, несмотря на разнообразие точек зрения на феномен выгорания, термин burnout является общепро-

фессиональным, то современные отечественные исследователи для обозначения и описания феномена выгорания в своих работах употребляют несколько различных терминов: «эмоциональное выгорание» (В. В. Бойко, С. В. Умняшкина, 2001; М. В. Агапова, О. В. Крапивина и др.), «психическое выгорание» (Н. Е. Водопьянова, А. Б. Серебрякова, В. Е. Орел) и «профессиональное выгорание» (Н. Е. Водопьянова, С. А. Калашникова, Д. А. Кутузова, Н. В. Гришина, О. В. Полунина, А. А. Сечко, Е. С. Старченкова и др.). Анализ современных исследований показал, что «психическое выгорание» – более широкое понятие, чем «профессиональное выгорание», так как оно может быть вызвано различными причинами – личностными, семейными, профессиональными. «Психическое выгорание» может проявляться не только в профессиональной сфере, но например и в семье, в учебной деятельности. «Профессиональное выгорание» – один из вариантов «психического выгорания»: первое чаще используется в контексте трудовой деятельности. Понятие «эмоциональное выгорание» употребляется в случае, когда акцент делается на эмоциональной составляющей выгорания и говорится о том, что выгорает только эмоциональная сфера психики. Термин «психическое выгорание» используется в случае, когда акцентируется внимание на том, что выгорание затрагивает эмоциональную, интеллектуальную и мотивационно-потребностную сферы, а также волевой механизм. На современном этапе выгорание изучается одновременно как социальный, профессиональный и личностный феномены. Исследование проблемы выгорания выходит за рамки контекста профессиональной деятельности: оно зафиксировано в учебной деятельности у школьников и студентов, в семье у супругов и родителей (А. В. Зубкова, А. С. Глазачев, Л. А. Базалева и др.). Однако в современной психологии отсутствуют классификации его видов и четкие критерии отличия разных видов друг от друга.

Таким образом, выделение и рассмотрение основных этапов исследования феномена выгорания позволили проследить, как расширялась и трансформировалась предметная область его изучения, его статус и перспективы дальнейшего исследования: от фиксации и описания отдельных частных случаев проявления данного феномена к обнаружению его как массового закономерного явления у представителей «хелперских» (помогающих) профессий, постепенного приобретения им статусов экзистенциального и общепрофессионального феноменов и расширения сферы его познания за пределы профессионального контекста.

Список литературы

1. Лукьянов В. В., Сороколетова И. Е. К истории термина «выгорание» // Выгорание и профессионализация / под ред. В. В. Лукьянова, А. Б. Леоновой, А. А. Обознова, А. С. Чернышева, Н. Е. Водопьяновой. Курск, 2013. С. 114–124.
2. Минин Д. С. Эмоционально-личностные предикторы психического выгорания адвокатов в различных видах судопроизводства : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2016. 230 с.
3. Орел В. Е. Синдром психического выгорания личности. М., 2005. 330 с.
4. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. 339 с.
5. Freudenberger H. J. Staff burnout // J. of Social Issues. 1974. Vol. 30. P. 159–165.
6. Куваева И. О. История изучения синдрома «выгорания» в американской психологии // Проблемы исследования синдрома «выгорания» и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий (в медицинской, психологической и педагогической практике). Курск, 2007. С. 86–88.
7. Неруш Т. Г. Проблема профессионального выгорания : история и современные тенденции // Психология и экономика. 2011. Т. 4, № 1. С. 92–97.
8. Алексейчук И. С. Закономерности развития смысла научными социумами (на примере развития смысла понятия синдром выгорания) // Наука. Религия. Суспільство, 2008. № 2. С. 232–238.
9. Форманюк Т. В. Синдром «эмоционального сгорания» учителя // Вопр. психологии. 1994. № 6. С. 57–63.
10. Неруш Т. Г., Поварёнков Ю. П. Профессиональное выгорание как деструктивная тенденция профессионального развития личности. Саратов, 2012. 216 с.
11. Maslach C. A. Multidimensional Theory of Burnout // Theories of Organizational Stress. Oxford, 1994. P. 68–85.
12. Орел В. Е. Синдром психического выгорания личности. М., 2005. 330 с.
13. Орел В. Е. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания : дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2006. 449 с.

Образец для цитирования:

Неруш Т. Г. Основные этапы изучения феномена выгорания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 454–459. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-454-459.

Main Stages of Studying the Burnout Phenomenon

Tat'yana G. Nerush

Saratov Socio-Economic Institute (branch)
Plekhanov Russian University of Economics
89, Radishcheva str., Saratov, 410003, Russia
E-mail: tgner@mail.ru

The article presents the results of a theoretical analysis of domestic and foreign works on the problem of burnout, the purpose of which was to identify the main stages of research on this phenomenon. This problem has not lost its relevance, theoretical and practical significance for four decades of its study in connection with the prevalence of burnout, its irreversibility and negative consequences for both the person and the society. Based on the author's analysis of the work on the problem of burnout of person, the main stages of studying this phenomenon have been recorded and described in detail: the identification and description of particular burn-out events, the understanding and generalization of the burnout phenomenon, the methodological phase of research, the analytical study of the phenomenon, the verification phase and validation of the burnout concept, the emergence of new directions research. The examination of the main stages of studying the phenomenon of burnout made it possible to trace how its subject area widened and transformed and its status changed, as well as to determine the prospects for its further investigation: from recording and describing the special cases of «professional burnout» in physicians to the acquisition of the status of existential and general professional phenomenon, expansion the scope of its study beyond the professional context.

Key words: mental burnout, professional burnout, emotional burnout, stages of studying the phenomenon of burnout.

References

1. Lukyanov V. V., Sorokoletova I. E. K istorii termina «vygoranie» [To the history of the term «burnout»]. In: *Vygoranie i professionalizatsiya* [Burnout and professionalization]. Eds. V. V. Lukyanov, A. B. Leonova, A. A. Oboznov, A. S. Chernyshev, N. E. Vodopyanova. Kursk, 2013, pp. 114–124 (in Russian).
2. Minin D. S. *Emotsionalno-lichnostnye prediktory psikhicheskogo vygoraniya advokатов v razlichnykh vidakh sudoproizvodstva*: dis. ... kand. psikhol. nauk [Emotional-personal predictors of mental burnout of lawyers in various types of legal proceedings: diss. ... cand. of psychology]. St. Petersburg, 2016. 230 p. (in Russian).
3. Orel V. E. *Sindrom psikhicheskogo vygoraniya lichnosti* [Syndrome of mental burnout of a person]. Moscow, 2005. 330 p. (in Russian).
4. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. Leningrad, 1968. 339 p. (in Russian).
5. Freudenberger H. J. Staff burnout. *Journal of Social Issues*, 1974, vol. 30, pp. 159–165.
6. Kuvaeva I. O. Istoriya izucheniya «sindroma vygoraniya» v amerikanskoj psikhologii [The history of studying the «burnout syndrome» in American psychology]. In: *Problemy issledovaniya sindroma «vygoraniya» i puti ego korrekcii u spetsialistov «pomogayushchikh» professiy (v meditsinskoj, psikhologicheskoy i pedagogicheskoy praktike)* [Problems of research of the syndrome of «burnout»]

- and ways of its correction in the specialists of «helping» professions {in medical, psychological and pedagogical practice}. Kursk, 2007, pp. 86–88 (in Russian).
7. Nerush T. G. Problema professionalnogo vygoraniya: istoriya i sovremennye tendentsii [The problem of professional burnout: history and modern trends]. *Psikhologiya i ehkonomika* [Psychology and Economics], 2011, vol. 4, no. 1, pp. 92–97 (in Russian).
 8. Alekseychuk I. S. Zakonomernosti razvitiya smysla nauchnymi sotsiumami (na primere razvitiya smysla ponyatiya «sindrom vygoraniya») [Regularities of the development of meaning by scientific societies {on the example of the development of the meaning of the concept of burnout syndrome}]. *Nauka. Religiya. Suspilstvo* [Science. Religion. Society], 2008, no. 2, pp. 232–238 (in Russian).
 9. Formanyuk T. V. Sindrom «emotsionalnogo sgoraniya» uchitelya [The syndrome of «emotional combustion» teacher]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii], 1994, no. 6, pp. 57–63 (in Russian).
 10. Nerush T. G., Povarenkov Yu. P. *Professionalnoe vygoranie kak destruktivnaya tendentsiya professionalnogo razvitiya lichnosti* [Professional burnout as destructive trends professional personality development]. Saratov, 2012. 216 p. (in Russian).
 11. Maslach C. A. Multidimensional Theory of Burnout. In: *Theories of Organizational Stress*. Oxford, 1998, pp. 68–85.
 12. Orel V. E. *Sindrom psikhicheskogo vygoraniya lichnosti* [Syndrome of mental burnout of a person]. Moscow, 2005. 330 p. (in Russian).
 13. Orel V. E. *Strukturno-funkcionalnaya organizatsiya i genesis psikhicheskogo vygoraniya: dis. ... d-ra psihol. nauk* [Structurally functional organization and genesis of mental burnout: diss. ... doct. of psychology]. Yaroslavl, 2006. 449 p. (in Russian).

Cite this article as:

Nerush T. G. Main Stages of Studying the Burnout Phenomenon. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 454–459. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-454-459.

УДК 316.6

ЭТИКО-СМЫСЛОВЫЕ СИСТЕМЫ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ: ОРДЕРНЫЙ ПОДХОД

Нестерова Ксения Сергеевна – аспирант кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ksenianestr@gmail.com

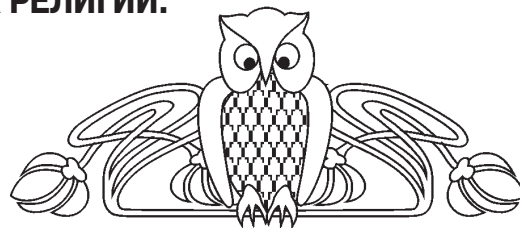
В статье анализируются проблема этико-смысловых систем мировых религий и различия между ними. Проводится их сравнительный анализ на основе ордерного подхода: изучается отношение христианства, ислама, иудаизма, индуизма, буддизма и конфуцианства к смысловым диадам «жизнь–смерть», «ответственность–безответственность». Основное сходство диады «жизнь–смерть» заключается в призыве не бояться смерти, а различия – в представлениях о загробной жизни человека и причине выбора праведной жизни. Сходством диады «ответственность–безответственность» является призыв всех религий к ответственности за свои поступки, а различие заключается в субъекте, перед которым человек несет ответственность. В качестве причин выявленных сходств и различий в этико-смысловых системах мировых религий обозначаются особенности исторических традиций возникновения этих религиозных культур и географическая распространенность: христианство, ислам и иудаизм – авраамические религии, произошедшие от монотеистической древнееврейской веры, а индуизм, буддизм и конфуцианство возникли в древневосточных цивилизациях. По результатам анализа выдвигается гипотеза о влиянии этико-смысловых систем мировых религий на этико-смысловые системы участников управленческого взаимодействия, порождающего организационную культуру.

Ключевые слова: ордерный подход, организационная культура, этико-смысловые системы, мировые религии.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-460-464

В современном мире организационные культуры крупных компаний вынуждены адаптироваться и соответствовать постоянно изменяющимся обстоятельствам, темпам современного развития, обусловленным процессами глобализации. Если организация выходит на международный уровень, открывая собственные филиалы в других странах, где будут работать представители других национальных культур, то при выстраивании новой организационной культуры необходимо учитывать систему этико-смысловых ценностей принимающей культуры для более эффективного проведения процессов внедрения или слияния компаний, а также минимизации рисков конфронтации разных культурных систем. Поэтому изучение этико-смысловых систем организационных культур актуально для психологов, социологов, экономистов.

Ордерная концепция организационной культуры Л. Н. Аксеновской описывает органи-

зационную культуру как сложный социально-психологический порядок, конституируемый управленческим взаимодействием, в основе которого лежит этико-смысловая система [1]. При этом чувствительность организационной культуры к национальной была выявлена в ходе различных исследований, например, в масштабном исследовании Г. Хофстеде об особенностях национальных ценностей и различий между странами в рамках единой корпорации IBM. В связи с этим мы решили обратить особое внимание на влияние национальной культуры и ее религиозных основ на этико-смысловую систему организационной культуры, что может привести к обнаружению новых инструментов для эффективного взаимодействия организационных культур компаний разных стран.

Понимание этико-смысловой системы

Л. Н. Аксеновская определяет этико-смысловую систему как «сеть значений, конструируемых или приписываемых участниками взаимодействия как стандартным элементам потока жизнедеятельности, так и новым элементам этого потока, таким образом создавая субъективную культурную реальность» [2, с. 64]. Главной ее задачей является определение, что есть «хорошо» и «плохо» в зависимости от интересов и целей субъекта. Структура этико-смысловой системы представляет собой совокупность двух типов этических смыслов: базовых и функциональных. Система неизменных базовых этических смыслов регулирует отношения «целое – часть» (где под «целым» понимается мир либо, как минимум, планета, а под «частью» – человек) в соответствии с интересами «целого». Система функциональных этических смыслов представляет собой практическое преломление базовых этических смыслов в социуме [1].

В связи с тем, что отсутствует рациональный механизм, который мог бы определить «хорошее» и «плохое» на планетарном уровне, возникает вопрос: как определить «интересы целого»? Ответ можно найти в мировых религиях, которые являются хранилищем набора общечеловеческих

этических принципов. Так, с одной стороны, базовые этические смыслы носят инвариативный характер для всей планеты, а с другой стороны, под влиянием этико-смысловых принципов различных мировых религий могут быть выявлены различия в функциональных этических смыслах субъектов, принадлежащих к различным религиозным и национальным культурам. В связи с этим необходимо провести сравнительный анализ этико-смысловых систем мировых религий для дальнейшего выявления влияния их различий и сходств на этико-смысловые системы участников управленческого взаимодействия организационной культуры.

В вопросах изучения этико-смысловой системы ордерная модель предлагает опираться на четыре пары смысловых оппозиций: жизнь–смерть, безответственность–ответственность, борьба–сотрудничество, улучшение–ухудшение [2]. Далее мы рассмотрим представления первых двух пар смысловых диад в основных мировых религиях.

Опираясь на работу М. Вебера «Хозяйственная этика мировых религий», под мировыми религиями в настоящей работе мы понимаем те свободные от оценочных суждений шесть религиозных или религиозно обусловленных систем регламентации жизни, число сторонников которых особенно велико: христианство, ислам, иудаизм, индуизм, буддизм и конфуцианство [3].

Жизнь–смерть

Вопросы жизни и смерти в мировых религиях достойны особого обсуждения. Многие религиоведы отмечают сходство отношения мировых религий к данной экзистенциальной проблеме, так как все религии пытаются осмыслить проблему жизни, смерти и жизни после смерти. В результате более подробного осмысления мы понимаем, что выводы разных религий не совпадают.

Согласно *христианству* цель жизни – обрести дух, познать жизнь, не ограниченную телом и собственным «Я». Избрав духовный путь, человек посвящает свою жизнь вере в Бога. Воздаяние, к которому устремляется христианин, – это не мирские блага, а духовное наследие. Но согласно христианству, человеческому роду свойственны ограниченность и внутреннее сопротивление, выражающиеся в неудачных попытках стать лучше. Причина этого не в обстоятельствах жизни конкретного человека, а в свойствах человеческого рода: люди стремятся к добру, но в них возникает внутреннее сопротивление – и они терпят провал. В результате это учение стали называть учением о первородном грехе [4].

В результате смысл жизни христианина заключается в избавлении от первородного греха посредством крещения, в праведной жизни, угодной Богу, в спасении своей души от ада после перехода в другой мир. Смерть обладает положительным смыслом, потому что полагает конец ограниченному существованию и представляет возможность полной трансформации в области духа [4]. Отношение к смерти в христианстве можно охарактеризовать словами Иоанна Златоуста: «Всегда ожидай, но никогда не бойся смерти, то и другое – истинные черты мудрости» [5, с. 909]. Христианин должен помнить о том, что земная жизнь со всеми страданиями – это лишь подготовка к другой жизни, которая будет вечной, но именно от земной жизни зависит, каким будет посмертное существование.

Важной является идея спасения и воскресения души, характерная для ряда направлений христианства (православия, католицизма и некоторых протестантских направлений) [6]. Душа продолжает существование в период между смертью и всеобщим воскресением. Предварительная участь души решается на частном суде, который наступает после смерти человека, в результате она либо сразу попадает в рай или ад, либо в течение некоторого времени пребывает в промежуточном месте.

В *исламе* приоритетом для человека является стремление к счастливой загробной жизни, но рекомендуется не забывать о мирской жизни, потому что в загробном мире человек получает место, которое заслужил при жизни. Верующие люди во время испытаний в этом мире демонстрируют высокие моральные качества и приближаются к раю, а отвергающие религию из-за нечестия и неверия приближаются к аду.

Ислам учит, что не надо бояться смерти: если человек верит, совершает добрые дела, то смерть не страшна ему, так как конец земной жизни – это конец испытаний и искушений. Умереть лучше всего тогда, когда все твои поступки посвящены Богу: борьбе со злом, паломничеству в Мекку или исповеданию веры [6].

Иудаизм как одна из авраамических религий провозглашает учение об абсолютной ценности человека, человеческой жизни как бессмертного духовного существа, созданного Богом по своему образу, об идеальном назначении человека, заключающемся во всестороннем духовном совершенствовании [7]. В течение жизни человек борется со своими злыми наклонностями, а смерть полагает этой борьбе конец, открывая путь к миру и радости [4], т.е. иудаизм не считает смерть концом: душа человека вечна, она не появляется в момент рождения и не исчезает в

момент смерти. Смерть – поворотный пункт на пути души человека. Иудеи также верят в бессмертие души и воскресение из мёртвых.

Буддизм рассматривает жизнь и смерть как единое целое; сансара – круговорот рождений и смертей, где жизнь предназначена для того, чтобы подготовиться к смерти. Смерть является желанной, так как она – ступень к нирване, но не гарантирующая ее достижение, потому что последующее существование зависит от человеческой жизни. Кармический закон делает человека ответственным за свои поступки в течение жизни. Карма охватывает предыдущие и будущие жизни и определяет дальнейшую судьбу человека. После его смерти возможно три варианта: мгновенное перерождение, попадание в ад либо уход в нирвану [8]. Нирвана представляет собой высшую цель в буддизме. Она заключается в освобождении от мирских привязанностей, зависимостей и желаний, и как результат – освобождение от круговорота перерождений. Тем не менее вопрос о природе нирваны неоднозначен и относится к тем, относительно которых Будда хранил «благородное молчание», а состояние нирваны принципиально выходит за пределы области эмпирического знания [9].

В *индуизме* смерть воспринимается как необходимый элемент мироздания [4]. После смерти происходит перевоплощение души. Если человек совершает достойные поступки, то он станет в будущей жизни чем-то хорошим, если недостойные – он станет чем-то плохим. Священные книги индуизма указывают четыре цели, к достижению которых должна быть направлена жизнь человека: дхарма – моральное и нравственное поведение, артха – богатство и власть, кама – наслаждение и удовлетворение желаний, мокша – освобождение от цикла нескончаемых перерождений, когда человек становится открытым к пониманию тайн вселенной. При правильном образе жизни такое освобождение может быть достигнуто и при жизни.

В *конфуцианстве* вопросы, касающиеся богов, духа, смерти и загробной жизни, находятся на периферии: «Не зная, что такое жизнь, можно ли знать смерть?» [10, с. 376]. Рассуждения Конфуция в основном посвящены нравственным и социальным вопросам. Идеалом конфуцианства является создание гармоничного общества по древнему образцу, в котором всякая личность имеет свою функцию. Конфуций считал, что каждый должен заботиться о любви к ближнему своему и о накоплении качеств благородного человека в течение жизни. Смысл жизни человека заключается в саморазвитии, отказ от которого приводит к движению назад. Образование и

развитие своего духовного мира – это то, что заставляет человека осознать свое место.

Сходство в понимании проблем жизни и смерти в мировых религиях заключается в том, что они призывают не бояться смерти, представляя ее как этап при переходе из одного состояния человека в другое. Различия можно увидеть в представлениях о загробной жизни человека и причине выбора праведной жизни: ради спасения себя в загробной жизни (христианство, ислам, иудаизм), ради достижения высшего блага через самосовершенствование (конфуцианство) или освобождения от перерождения (буддизм и индуизм).

Ответственность–безответственность

Ордерная концепция считает универсальным критерием ответственности–безответственности «интерес целого», в состав которого входит человек. Если под «целым» в мировых религиях понимается Бог, то под ответственностью, – соответственно, способность человека к диалогу с Богом, следование его учениям и ответы на его вопросы. Безответственность в мировых религиях в таком случае иллюстрирует распад коммуникации с Богом, сознательный или бессознательный отказ от отношения с ним как с «целым» [2].

Авраамические религии, такие как иудаизм, христианство и ислам, признают единого Творца мира – Бога, который раскрывает себя людям, сообщая свою волю и предписывая им определенное поведение. Авраамические религии верят в единственную человеческую жизнь, за которой следуют рай и ад, т.е., в отличие от буддизма или индуизма, человеку не дается несколько попыток для исправления своих поступков, поэтому он несет ответственность перед «целым» за свою душу в Судный день. Тот, кто выбрал праведный жизненный путь, ожидает награду – спасение своей души после смерти.

Для *буддизма* характерно отрицание единого Бога-творца, а главной целью жизни является освобождение от круга перерождений (сансары) через достижение нирваны [11]. Некоторые мастера буддистской практики рассматривают веру в Бога как препятствие на пути достижения высшей цели буддизма. В результате можно говорить о том, что в буддизме не закреплена ответственность человека перед «целым» за свои поступки. В то же время вера в карму, которая зависит от поступков человека на протяжении всех жизней, приводит к тому, что каждый сам проходит свой путь просветления и достижения нирваны и ответственность за спасение несет сам. Хотя в буддизме существует учение о реинкарнации,

которая может восприниматься авраамическими религиями как «шанс на новую жизнь», он определяет жизнь как страдания, что направляет человека к прекращению этих страданий через достижение высшей благодати.

В отличие от буддизма, индуизм признает божественную реальность, которая творит, поддерживает и разрушает вселенную. Большая часть индуистов верят в божество, которое появляется внутри каждого живого существа. Главная цель индуизма – разорвать цепь реинкарнаций, вырваться за пределы сансары и соединиться с Богом, т.е. прослеживается коммуникация человека с «целым». Такое состояние достигается в земной жизни через преодоления эгоизма и раскрытия истинной, глубинной сущности индивида как чистого духа или души.

В конфуцианстве понятие Бога отсутствует, в связи с чем многие стремятся отнести данное направление к философии, а не к религии. Тем не менее конфуцианство признает существование духов, демонов, богов, но они не играют определяющую роль в выборе жизненного пути человека. Основой конфуцианской морали, направленной на поиск религиозного соединения с сутью бытия, является вера в концепцию Неба (Тянь) и небесного веления (приказа, судьбы). Небо представляется и как часть природы, и как высшая духовная сила, определяющая природу и человека. Человек наделяется этическими качествами, в согласии с которыми он должен поступать, а также должен придерживаться высшего морального закона Дао. Небо является в конфуцианстве «целым», перед которым человек несет ответственность, а коммуникация с ним выстраивается на основе мистического учения «Ли», определяющего особые формы поведения, речей, мыслей и устремлений, которые способствуют соединению человека с небесными силами: тогда человек достигает состояния «цзюньцзы» – носителя конфуцианских добродетелей, что является духовной целью самосовершенствования. В противоположность ему обычные люди, вовлеченные в мирские заботы, не способны вступить в связь с высшими силами.

Подводя итог об отношении к проблеме ответственности и безответственности, можно сделать вывод о схожести учений авраамических религий, в которых представлены как выстраивание коммуникации с «целым», так и выбор жизненного пути в соответствии с «интересами целого», праведный характер которого будет оцениваться «целым» по окончании жизни человека. Это отношение совпадает с представлениями данной смысловой диады в рамках ордерной модели, что может быть связано с тем, что мо-

дель разрабатывалась психологом, относящимся к национальной культуре, наибольшее влияние на которую оказывает христианство.

Восточные религии акцентируют внимание человека на ответственности за свои поступки перед своей кармой, а отсутствие посмертного суда способствует самостоятельному познанию пути совершенствования и дает надежду на исправление неправедных поступков в следующей жизни.

Таким образом, по результатам изучения отношения мировых религий к двум парам этико-смысловых диад (жизнь–смерть, ответственность–безответственность) выявлены сходства в этико-смысловых системах между христианством, исламом и иудаизмом и между индуизмом, буддизмом и конфуцианством. Эти результаты обусловлены историческими традициями возникновения данных религиозных культур и географической распространенности: христианство, ислам и иудаизм являются авраамическими религиями, произошедшими от монотеистической древнееврейской веры, а индуизм, буддизм и конфуцианство относятся к древневосточным цивилизациям.

Для того чтобы в рамках ордерной концепции однозначно разделить этико-смысловые системы мировых религий на две группы, необходимо в дальнейшем рассмотреть отношение религий к остальным смысловым диадам. Но уже по результатам проведенного исследования можно выдвинуть гипотезу: различия в этико-смысловых системах мировых религий влияют на этико-смысловые системы участников управленческого взаимодействия организационных культур, поскольку последние находятся под влиянием национальных и связанных с ними конфессиональных культур.

Список литературы

1. Аксеновская Л. Н. Ордерная модель организационной культуры. М., 2007. 303 с.
2. Akseovskaya L. N. Ethical and Sense Bearing System, Emotional Intelligence : the order aspect // International Annual Edition of Applied Psychology : Theory, Research, and Practice. 2016. Vol. 3, iss. 1. P. 60–69.
3. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М. И. Левиной. М., 1994. С. 43–77.
4. Смерть и жизнь после смерти в мировых религиях / сост. Дж. Ньюзнер., пер. с англ. Г. Ястребов. 2-е изд. М., 2007. 123 с.
5. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского : в 12 т. 2-е изд. СПб., 1899. Т. 9. 1329 с.
6. Макарова О. А. Сравнительный анализ отношения к смерти и посмертному состоянию в мировых ре-

лигиях и иудаизме // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2014. № 2. С. 111–115.

7. Николс Г. Религии мира. М., 2013. 90 с.
8. Иванов Б. А. Основные идеи и направления буддизма // История религии : в 2 т. / под общей ред. И. Н. Яблокова. М., 2004. Т. 2. С. 9–11.
9. Торчинов Е. А. Религии мира : Опыт запредельного :

психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1998. 384 с.

10. Переломов Л. С. Конфуций «Лунь юй». Факсим. текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М., 1998. 588 с.
11. Bhikku T. Anuradha Sutta : to Anuradha. 2004. URL: <http://www.accesstoinsight.org/tipitaka/sn/sn22/sn22.086.than.html> (дата обращения: 23.04.2017).

Образец для цитирования:

Нестерова К. С. Этико-смысловые системы мировых религий: орднерный подход // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 460–464. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-460-464.

Ethic and Semantic Systems of World Religions: Order Approach

Kseniya S. Nesterova

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: ksenianestr@gmail.com

This article analyzes the problem of ethic and semantic systems of world religions and distinctions among them. The comparative analysis of world religions is carried out on the basis of the order approach: attitude of such religions as Christianity, Islam, Judaism, Hinduism, the Buddhism and Confucianism to semantic dyads «life and death», «responsibility and irresponsibility» is observed. The key similarity on the dyad «life and death» consists in call not to be afraid of death, and distinction – in beliefs of afterlife and in the reason of the choice of a saintly life. Similarity on a dyad «responsibility and irresponsibility» is an appeal of all religions to responsibility for the people's acts, and distinction consists in a subject before which the person is responsible for. As the reasons established similarities and differences in the ethic and semantic systems of world religions historical traditions of creation of these religious cultures and also geographical prevalence are designated, namely Christianity, Islam and Judaism as the Abrahamic religions that came from monotheist Hebrew belief, and Hinduism, Buddhism and Confucianism that occurred from the Ancient East civilizations. By results of the analysis the hypothesis of influence of ethic and semantic systems of world religions on ethic and semantic systems of participants of the managerial interaction, generating organizational culture, is made.

Key words: order approach, organizational culture, ethic and semantic systems, world religions.

References

1. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya model organizatsionnoy kultury* [The order model of organizational culture]. Moscow, 2007. 303 p. (in Russian).
2. Aksenovskaya L. N. Ethical and Sense Bearing System, Emotional Intelligence: the Order Aspect. *International annual edition of applied psychology: theory, research, and practice*, 2016, vol. 3, iss. 1, pp. 60–69.

3. Weber M. Die wirtschaftsethik der weltreligionen: einleitung. In: Weber M. *Gesammelte aufsatze zur religionssoziologie*: in 3 Bd. Tubingen, 1920, Bd. 1, S. 237–275. (Russ. ed.: Veber M. Khozyaystvennaya ehtika mirovykh religiy. Veber M. Izbrannoe. *Obraz obshchestva*. Per. s nem. M. I. Levinoy. Moscow, 1994, pp. 43–77).
4. *Death and the afterlife*. Ed. by J. Neusner Cleveland, Ohio. 2000. 142 p. (Russ. ed.: *Smert i zhizn posle smerti v mirovykh religiyakh*. Comp. Dzh. Nyuzner, trans. from English. G. Yastrebov. 2nd ed. Moscow, 2007. 123 p.).
5. *Tvoreniya izhe vo svyatykh ottsa nashego Ioanna Zlatousty, Arkhiepiskopa Konstantinopolskogo*: v 12 t. [Creations of our Holy Father John Chrysostom: in 12 vol.]. 2-e izd. St. Petersburg, 1899, vol. 9, 1329 p. (in Russian).
6. Makarova O. A. Sravnitelnyy analiz otnosheniya k smerti i posmertnomu sostoyaniyu v mirovykh religiyakh i iudaizme [Comparative analysis of the death's problem and the problem of existence after death in the world religions and Judaism]. *Vestn. Kostrom. gos. un-ta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 2014, no. 2, pp.111–115 (in Russian).
7. Nikols G. *Religii mira* [World religions]. Moscow, 2013. 90 p. (in Russian).
8. Ivanov B. A. Osnovnye idei i napravleniya buddizma [Main ideas and directions of the Buddhism]. In: *Istoriya religii*: v 2 t. [Religion history: in 2 vol.]. Ed. by I. N. Yablokov. Moscow, 2004, vol. 2, pp. 9–11 (in Russian).
9. Torchinov E. A. *Religii mira: opyt zappedelnogo: psikhotehnika i transpepsonalnye sostoyaniya* [World religions: experience of ultramundane: psychotechnics and transpersonal states]. St. Petersburg, 1998. 384 p. (in Russian).
10. Perelomov L. C. *Konfutsiy "Lun Yuy"*. Faksim. tekst "Lun yuya" s komment. Cpzhu Si [Konfutsiy "Lun Yuy". Facsimile text "Lun Yuy" with comments Cpzhu Si]. Moscow, 1998. 588 p. (in Russian).
11. Bhikku T. *Anuradha sutta: to anuradha*. 2004. Available at: <http://www.accesstoinsight.org/tipitaka/sn/sn22/sn22.086.than.html> (accessed 23 April 2017).

Cite this article as:

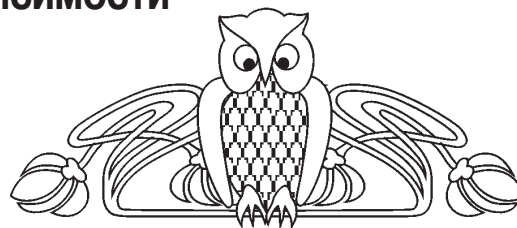
Nesterova K. S. Ethic and Semantic Systems of World Religions: Order Approach. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 460–464. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-460-464.

УДК 316.6+159.9:61

АДАПТАЦИОННАЯ РЕСУРСНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДИКТОРОВ У БОЛЬНЫХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТЕПЕНИ ИНВАЛИДИЗАЦИИ

Орлова Мария Михайловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: orlova-maria2010@mail.ru

Проблема реабилитации и ресоциализации больных хроническими соматическими заболеваниями и инвалидов требует рассмотрения этого процесса в интегративном контексте различных научных дисциплин: медицины, социологии, социальной и медицинской психологии. Одним из вариантов решения этой задачи является анализ ситуации болезни и личности инвалида с точки зрения представления о маргинальности. В статье рассмотрена трансформация личностной ресурсности социальных предикторов ситуации болезни больных сахарным диабетом как без инвалидности, так и с ней. Подчеркивается значимость профессиональной деятельности в сохранении роли здорового человека. Тяжелое инвалидизирующее заболевание затрагивает всю систему механизмов адаптации личности и позволяет оценить сохраненные и дефицитные сферы взаимодействия личности с социумом при изменении роли здорового человека на роль больного (инвалида). Анализируются формирование зависимого поведения у больных в связи с инвалидностью и трансформация системы идентичности. В ситуации сахарного диабета без инвалидности больной опирается на социальные взаимодействия, что снижает уровень независимости, но не вызывает внутреннего конфликта, в ситуации инвалидности опора на социальные взаимодействия становится свидетельством зависимости и утраты идентичности с ролью здорового человека.

Ключевые слова: маргинальность, адаптационные стратегии, субъектность, ситуация болезни, инвалидность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-465-470

Динамичность развития современного общества предполагает усложнение социальной ситуации и высокий риск потери имеющихся социальных позиций. Одним из факторов, создающих ситуацию социальных изменений, является болезнь, особенно тяжелое соматическое инвалидизирующее заболевание. Т. Шибутани рассматривает процесс социализации личности в изменяющемся обществе в связи с проблемой маргинальности человека [1]. Маргинальность может быть определена объективными факторами, такими как изменение социальных норм, традиций, социального статуса, экономического положения, биологических особенностей, предполагающих переход человека в другую социальную роль и утрату социальных позиций. Большое значение имеет «фатальность» ситуации, а также субъективные факторы, к которым относятся степень

субъектности адаптации, оценка качества жизни имеющейся ситуации, оптимизм или пессимизм в оценке перспектив её развития [2], трансформация идентичности, личностных ценностей и адаптационных стратегий.

Применение понятия маргинальности к анализу ситуации болезни у хронических соматических больных, по данным литературы, предполагает, что она рассматривается как условие формирования социального аутсайдерства в отношении лиц, страдающих зависимостями и социально опасными болезнями. Например, это представители таких медицинских маргинальных групп, как больные алкоголизмом, туберкулезом легких, ВИЧ-инфекцией, которые демонстрируют экстернальный локус контроля, рентные установки к лечению [3–8].

Нам представляется, что ситуация социальной неопределенности, ухудшение экономического положения, изменение образа жизни являются неизменным атрибутом социальных последствий любого тяжелого соматического заболевания. Это связано с ограничениями или невозможностью реализовать себя в прежних, прежде всего, профессиональных ролях и создает внутренний конфликт, затрудняющий возможность осуществления смыслообразующих мотивов личности и формирующий зависимость от других людей, что, в частности, может выражаться в иждивенческой позиции [9]. Маргинальность больного человека связана с объективными внешними составляющими ситуации болезни, такими как утрата или ограничение профессиональной реализации, ухудшение социальной и экономической защищенности, ограничение социальных взаимодействий рамками медицинских учреждений и семейным кругом, что дополняется необратимостью, невозможностью придерживаться прежнего образа жизни, необходимостью отказа от жизненных планов, зависимостью от других людей. К субъективным факторам, определяющими маргинальность больного человека, относятся пассивность позиции, утрата значимости роли здорового человека, идентификация

себя с больным и инвалидом, формирование зависимого способа взаимодействия [10].

Адаптационные стратегии в ситуации болезни во многом связаны с субъектностью и социальной компетентностью личности, которые утрачиваются с утяжелением болезни и сужением жизненного кругозора как следствие невозможности реализации прежних социальных ролей [11–12]. Сохранение личностной и ценностной структуры, а также прежней системы идентификаций возможно за счет творческой активности личности, интернальности, самоуважения, референтной группы, осознанности адаптации, что обеспечивает получение опыта преодоления и расширяет диапазон адаптационных стратегий, в том числе конструктивных отношений с другими людьми. В рамках проведенных нами исследований это было показано на примере целого ряда нозологий [13].

Процесс адаптации больного, с точки зрения утраты социальных позиций, реализуется через трансформацию социальных и психических аспектов, что приводит к формированию личности с новыми свойствами, по аналогии с изменениями личности маргинала [14]. Человек ощущает невозможность успешно выполнять свои социальные роли, испытывает недоверие по отношению к людям, чувство одиночества, ненужности, психологической незащищенности. При наличии стремления сохранить утраченное может произойти отчуждение самого себя, за которым наступает некоторая деперсонализация, снижающая социальную активность [15].

Маргинализация больного как социально-психологический феномен, по нашему мнению, определяется поиском социально-личностной идентичности в условиях социальных ограничений: она переживается как конфликт идентичности, что может восприниматься как отчужденность от всего, что было ранее, в том числе и самого себя.

Целью данной работы являлся анализ изменений личности больных сахарным диабетом в зависимости от социальных предикторов ситуации болезни. Было исследовано 48 больных сахарным диабетом второго типа без инвалидности и 19 больных сахарным диабетом – инвалидов 2-й группы инвалидности. Контрольную группу составили 187 здоровых лиц аналогичного возраста и пола. Были проведены исследования по методикам: «Шкала семейных отношений» в адаптации С. Ю. Куприянова, «Незаконченные предложения» М. М. Орловой, «Кто Я» М. Куна, Т. Макпартленда, МИС С. Р. Панталева, «Исследование копинг-стратегий» Р. Лазаруса, многоуровневый

личностный опросник «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина, опросник оценки психологических защит Келлермана–Плутчика–Конте, авторская анкета «Представления о здоровом и больном человеке». Статистический анализ проводился методом корреляционного анализа Пирсона с применением компьютерной программы SPSS-19 ($p < 0,05$).

По результатам анализа полученных данных в контрольной группе мужчины более ориентированы на профессиональные успехи ($0,2$; $p < 0,01$) и опираются на более высокую нервно-психическую устойчивость ($0,2$; $p < 0,01$) и сплоченность семьи ($0,19$; $p < 0,05$). Женщины больше идентифицируют себя с материальными и хозяйственными задачами ($0,22$; $p < 0,01$), испытывают страх перед последствиями болезни ($0,2$; $p < 0,01$). С возрастом повышается профессиональный статус ($0,3$; $p < 0,01$), у испытуемых чаще наличествует супружеская семья ($0,48$; $p < 0,01$), снижаются самоуважение ($-0,16$; $p < 0,01$), сплоченность ($-0,22$; $p < 0,01$) и организация в семье ($-0,16$; $p < 0,05$), оценка качества жизни в сфере независимости ($-0,21$; $p < 0,01$) и общее качество жизни ($-0,24$; $p < 0,01$), повышается идентификация себя с физической сферой ($0,16$; $p < 0,05$). По-видимому, при большем социальном капитале люди субъективно воспринимают себя и свои отношения более критично.

Уровень образования также повышает уровень профессионального статуса ($0,25$; $p < 0,01$) и снижает самопринятие ($-0,21$; $p < 0,01$), что повышает критичность в отношении себя и других. Профессиональный статус коррелирует с возрастом ($0,3$; $p < 0,01$), образованием ($0,25$; $p < 0,01$), наличием супружеской семьи ($0,19$; $p < 0,05$), идентификацией себя с деятельностью ($0,16$; $p < 0,05$) и опорой в решении вопросов здоровья на семейную поддержку ($0,16$; $p < 0,05$). Данные факторы можно рассматривать как симптомокомплекс социальной полноценности, характерный для мужчин ($0,2$; $p < 0,01$).

Наличие детей сочетается со снижением самооценности ($-0,27$; $p < 0,01$), самопривязанности ($-0,19$; $p < 0,05$), психологических защит, таких как компенсация ($-0,31$; $p < 0,01$), рационализации ($-0,19$; $p < 0,05$), представления о сплоченности своей семьи ($-0,24$; $p < 0,01$), оценки качества жизни ($-0,24$; $p < 0,01$), повышением дистанцирования как копинг-стратегии ($0,2$; $p < 0,01$), идентификацией с материальными ($0,25$; $p < 0,01$) и физическими характеристиками ($0,27$; $p < 0,01$), опорой на себя в сохранении здоровья ($0,2$; $p < 0,01$). Этот социальный фактор, по всей видимости, может рассматриваться как ситуация испытания и повышения проблемности.

Наличие супружеской семьи связано с профессиональным статусом (0,48; $p < 0,01$), самопринятием (0,17; $p < 0,05$), дистанцированием (0,16; $p < 0,05$), снижением психологических защит, таких как замещение (-0,15; $p < 0,05$), рационализация (-0,18; $p < 0,05$).

В целом наиболее проблемной сферой для здоровых людей может считаться сфера родительства. Следовательно, можно сделать вывод о том, что наиболее оптимизирующим социальным фактором является профессиональный статус: болезнь и особенно инвалидизация предполагает утрату именно этого социального фактора.

Объективные составляющие ситуации диабета 2-го типа без инвалидности связаны с неожиданным началом, средней степенью тяжести течения болезни, которая диктует необходимость соблюдения диеты, регулярного приема лекарственных препаратов. Вместе с тем это предполагает изменение образа жизни и зависимость от медицинских учреждений. Субъективные составляющие ситуации сахарного диабета для работающих больных характеризуются, как нам кажется, прежде всего, ограничениями, связанными с изменением образа жизни.

В нашем исследовании группа больных диабетом представлена мужчинами и женщинами от 18 до 64 лет преимущественно со средним специальным и высшим образованием, находящимися в браке и имеющими детей.

Анализ влияния социальных факторов на адаптационные возможности личности показал, что для мужчин, больных сахарным диабетом, более характерны нервно-психическая адаптивность (0,39; $p < 0,01$) и личностная адаптивность в целом (0,326; $p < 0,05$), а также более высокое качество жизни (0,33; $p < 0,05$). Для женщин более характерны внутренняя неустроенность (0,303; $p < 0,05$) и большая опора на семейную поддержку (0,358; $p < 0,05$). По-видимому, в этой группе сохраняются полоролевые особенности реагирования на стрессовую ситуацию.

Возраст в этой группе сочетается с повышением имеющегося профессионального статуса (0,435; $p < 0,01$), наличием семьи (0,469; $p < 0,01$), детей (0,349; $p < 0,05$) и стажа болезни (0,358; $p < 0,05$), самопринятия (0,422; $p < 0,01$) и вместе с тем снижением общей оценки качества жизни (-0,458; $p < 0,01$), в том числе в сфере социальных взаимодействий (-0,392; $p < 0,01$), что, видимо, связано с субъективным уровнем неудовлетворенности своей жизнью.

Уровень образования коррелирует с профессиональным статусом (0,389; $p < 0,01$), значимостью переживания здоровья (0,343; $p < 0,05$), ориентацией семьи на активный отдых (0,323;

$p < 0,05$) и снижением проекции (-0,435; $p < 0,05$). По-видимому, уровень образования можно рассматривать как субъективный ресурс в ситуации болезни, поскольку он позволяет иметь амбиции и повышает активность личности.

Профессиональный статус коррелирует с возрастом (0,435; $p < 0,01$), уровнем образования (0,389; $p < 0,01$), снижением конфронтационного копинга (-0,293), повышением экспрессивности в семье (0,296; $p < 0,05$). Можно рассматривать профессиональный статус как оптимизирующий социальный фактор наряду с образованием.

Наличие супружеской семьи в данной группе более характерно для женщин (0,390; $p < 0,01$), коррелирует с возрастом (0,469; $p < 0,01$), наличием детей (0,685; $p < 0,01$), принятием себя в глазах других людей (0,494; $p < 0,01$), самоуважением (0,465; $p < 0,01$), аутосимпатией (0,429; $p < 0,01$), представлением, что здоровью помогает семья (0,304; $p < 0,05$), снижением психологических защит, таких как вытеснение (-0,294; $p < 0,05$), рационализация (-0,293; $p < 0,05$), оценкой качества жизни в духовной сфере (-0,316; $p < 0,05$). Можно говорить о том, что семейные люди в большей степени сохраняют позитивное самоотношение.

Наличие детей также коррелирует с возрастом (0,349; $p < 0,05$), позитивным самоотношением, а именно с аутосимпатией (0,323; $p < 0,05$) снижением психологических защит, таких как вытеснение (-0,348; $p < 0,05$) и рационализация (-0,318; $p < 0,05$), значимостью представлений о соматических ограничениях, связанных с болезнью (-0,319; $p < 0,05$), повышением значимости здоровья как условия активности и социальной востребованности (0,378; $p < 0,01$), чаще встречается в полной семье (0,685; $p < 0,01$). По-видимому, наличие семьи и детей является субъективно значимым социальным ресурсом.

Стаж болезни коррелирует с возрастом (0,358; $p < 0,05$), значимостью здоровья (0,339; $p < 0,05$), личностным адаптационным потенциалом (0,318; $p < 0,05$), значимостью социальных ролей (0,288; $p < 0,05$). Это свидетельствует о том, что ситуация болезни у больных сахарным диабетом без инвалидности характеризуется их субъективной ресурсностью социальных возможностей, позволяющих воспринимать себя здоровым человеком, что предъявляет определенные требования и повышает критичность к себе. В этом случае социальные ограничения, связанные с болезнью, в частности, возможной инвалидизацией, составляют основу переживания ситуации.

Объективные составляющие ситуации инвалидности больных диабетом связаны с тяжелой формой его течения (как инсулинозависимого, так и инсулинонезависимого типа), сопровождаются

явлениями микроангиопатии, что предполагает значительные нарушения функций органов зрения, нервной системы и почек, невозможность продолжать профессиональную деятельность, необходимость постоянного лечения, ограничение круга общения, инвалидизацией как изменением социального статуса, предполагающим опеку со стороны общества.

Для мужчин, больных диабетом, характерны более высокие психологические защиты: регрессия (0,56; $p < 0,05$), замещение (0,5; $p < 0,05$), отрицание (0,56; $p < 0,05$), проекция (0,54; $p < 0,05$), рационализация (0,57; $p < 0,01$). Для них характерны снижение идентификации с социальными ролями (-0,61; $p < 0,01$) и повышение значимости идентификации себя с личностными особенностями (0,49; $p < 0,05$). По-видимому, это предполагает переориентацию личности на новые критерии.

Возраст повышает внутренний конфликт, такие копинг-стратегии, как дистанцирование (0,56; $p < 0,01$), самоконтроль (0,58; $p < 0,01$), бегство-избегание (0,51; $p < 0,05$), снижает оценку качества жизни в сфере уровня независимости (-0,47; $p < 0,05$), оптимизм в возможности сохранить здоровье (-0,58; $p < 0,01$). Следовательно, возраст является фактором, отягощающим ситуацию болезни.

Уровень образования снижает опору на семейную поддержку (-0,46; $p < 0,05$) в сохранении здоровья. Видимо, образование повышает стремление к самостоятельности.

Наличие супружеской семьи усиливает опору на морально-нравственные ориентации в семье и повышает оценку качества жизни в социальных взаимодействиях и вместе с тем снижает восприятие себя как активного человека (-0,46). По-видимому, семью можно рассматривать как опору в трудной жизненной ситуации.

Наличие детей стимулирует дистанцирование (0,57; $p < 0,01$), опору на морально-нравственные ориентации в семье (0,61; $p < 0,01$) и повышает оценку качества жизни в сфере окружающей среды (0,53; $p < 0,05$). Обращает на себя внимание, что оптимизация состояния не сопровождается активными формами адаптации.

Длительность болезни в этой группе коррелирует с выраженностью идентификации с физической сферой (0,6; $p < 0,01$), в том числе и с идентификацией себя с больным человеком (0,6; $p < 0,01$), со снижением оценки качества жизни (0,46; $p < 0,05$), приводит к реакции капитуляции и формированию новой философии, объясняющей имеющуюся ситуацию потерь.

Анализ специфичности связи социальных факторов с субъективным благополучием лю-

дей в зависимости от ситуации болезни дает представление об изменении восприятия своего социального положения и форм социальной адаптации больного человека среди других людей. Происходящая трансформация связана с промежуточностью социальной роли больного – либо человек продолжает воспринимать себя здоровым, адаптируясь с опорой на самого себя, либо рассматривает себя зависимым и социально опекаемым.

Обращает на себя внимание то, что для здорового человека наиболее адаптивным можно рассматривать фактор профессионального статуса. Семейные отношения и наличие детей не оказались значимым ресурсом. По-видимому, профессиональный статус можно рассматривать как выражение социальной значимости индивида, что стимулирует адаптацию, направленную на достижение личного успеха.

У больных сахарным диабетом без инвалидности сохраняются социальные ориентации здорового человека, при этом семейные отношения становятся значимым ресурсом. Это свидетельствует о поиске ресурсов в ситуации ограничения социальных возможностей и может создать основу для формирования зависимого поведения и изменения идентичности.

В группе инвалидов утрата профессиональной самореализации стимулирует переориентацию на идентичность больного (инвалида) и опору на семейное окружение. Таким образом, у инвалидов по сахарному диабету социальные факторы могут рассматриваться как оптимизирующие в рамках адаптации к новому социальному статусу инвалида, что предполагает реализацию себя в узком (семейном) социальном круге. По-видимому, это опосредует изменение характера адаптации, когда опора на себя сменяется зависимостью от Других.

Список литературы

1. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д, 1998. 536 с.
2. Пачколина Е. Н. Состояние маргинальности и его динамика у студентов из сельской местности в условиях города : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2006. 28 с.
3. Узлов Н. Д. Личностные характеристики больных с бытовой ожоговой травмой и их отношение к болезни // Клиническая психология: Итоги. Проблемы. Перспективы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2010 г.). СПб., 2010. С. 182–188.
4. Узлов Н. Д. Напряженность психологических защит, отношение к болезни и лечению больных алкоголизмом при первичной и вторичной госпитализации // Актуальные вопросы теории и практики психо-

- логии отношений: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24–27 мая 2010 г.) / науч. ред. С. А. Минюрова, С. В. Духновский. Екатеринбург, 2010. С. 229–231.
5. Узлов Н. Д. Личностные профили женщин-заключенных, ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом // Медицинская психология в России. 2011. № 2. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer16.php (дата обращения: 15.04.2017).
 6. Узлов Н. Д. Психологический портрет пациентов с бытовой ожоговой травмой // Тюмен. мед. журн. 2011. № 2. С. 45–46.
 7. Узлов Н. Д., Башкирцева О. В. Самоотношение ВИЧ-инфицированных и заболевших туберкулезом осужденных // Клиническая и медицинская психология : исследования, обучение, практика. 2014. № 2 (4). URL: http://www.medpsy.ru/climp/2014_2_4/article08.php (дата обращения: 15.04.2017).
 8. Узлов Н. Д., Габдрахманова Н. Н. Совладающее поведение и защитные механизмы личности у больных туберкулезом легких с анозогнозическим типом отношения к болезни // Медицинская психология в России. 2013. № 3 (20). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2013_3_20/nomer/nomer06.php (дата обращения: 15.04.2017).
 9. Орлова М. М. Субъективная ресурсность социальных предикторов ситуации болезни при острых и хронических заболеваниях желудочно-кишечного тракта // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23978> (дата обращения: 28.08.2017).
 10. Орлова М. М. Субъективная ресурсность социальных предикторов ситуации болезни (на примере острых и хронических заболеваний легких) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 94–98.
 11. Орлова М. М. Трансформация идентичности у больных ишемической болезнью сердца как проявление адаптационных стратегий // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Сер. Психолого-педагогические науки. 2015. № 174. С. 101–109.
 12. Орлова М. М. Адаптационные стратегии в условиях тяжелого инвалидизирующего заболевания как субъективная составляющая ситуации болезни // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 64–70.
 13. Орлова М. М. Субъектно-социальный подход к исследованию здоровья. Саратов, 2014. 220 с.
 14. Стоунквист Э. В. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнография. М., 1979. С. 90–112.
 15. Mancini B. J. No owner of soil : The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday // International Review of Modern Sociology. 1988. Vol. 18, № 2. P. 182–204.

Образец для цитирования:

Орлова М. М. Адаптационная ресурсность социальных предикторов у больных сахарным диабетом в зависимости от степени инвалидизации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 465–470. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-465-470.

Adaptive Resource of Social Predictors in Patients with Diabetes Mellitus Depending on the Degree of Disability

Mariya M. Orlova

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: orlova-maria2010@mail.ru

The problem of rehabilitation and resocialization of patients with chronic somatic diseases and disabled people requires consideration of this process in the integrative context of various scientific disciplines: medicine, sociology, social and medical psychology. One of the ways to solve this problem is to analyze the situation of a person with a disability from the point of view of marginalization. The article deals with the transformation of the personal resource of social predictors of the situation of patients with diabetes mellitus both with and without disability. The importance of professional activity in preserving the role of a healthy person is emphasized. Severe disabling disease affects the entire system of mechanisms of personality adaptation and allows you to assess the safe and deficit areas of personal interaction with the society when the role of a healthy person changes to the role of a patient (disabled person). The formation of dependent behavior in patients with disabilities and the transformation of the identity system are analyzed. A patient with diabetes with no disability relies on social interaction. This usually reduces the level of independence, but does

not cause any internal conflict. In the situation of disability, reliance on social interaction is the evidence of dependence and losing their identity with the role of a healthy person.

Key words: marginality, adaptation strategies, subjectivity, disease situation, disability.

References

1. Shibutani T. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social psychology]. Rostov-on-Don, 1998. 536 p. (in Russian).
2. Pachkolina E. N. *Sostoyanie marginalnosti i ego dinamika u studentov iz selskoy mestnosti v usloviyakh goroda*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [The condition of marginality and its dynamics in students from rural areas in the city: autoref. diss. ... cand. of psychology]. Samara, 2006. 28 p. (in Russian).
3. Uzlov N. D. Lichnostnye kharakteristiki bolnykh s bytovoy ozhogovoy travmoy i ikh otnoshenie k bolezni [Personality characteristics of patients with a domestic burn injury and their relation to illness]. In: *Klinicheskaya psikhologiya: Itogi. Problemy. Perspektivy: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Clinical psychology: Results. Problems. Prospects: Collection materials All-Russian scientific-practical.

- conf. with intern. Participation]. (St. Petersburg, April 27–28, 2010). St. Petersburg, 2010, pp. 182–188 (in Russian).
4. Uzlov N. D. Napryazhennost psikhologicheskikh zashchit, otnoshenie k bolezni i lecheniyu bolnykh alkogolizmom pri pervichnoy i vtorichnoy hospitalizatsii [Tension of psychological defenses, attitude to illness and treatment of patients with alcoholism in primary and secondary hospitalization]. In: *Aktualnye voprosy teorii i praktiki psikhologii otnosheniy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* (Actual problems of theory and practice of psychology of relations: materials All-Russian scientific-practical. conf.) (Ekaterinburg, May 24–27, 2010). Eds. S. A. Minyurova, S. V. Dukhnovskiy. Ekaterinburg, 2010, pp. 229–231 (in Russian).
 5. Uzlov N. D. Lichnostnye profili zhenshin-zaklyuchennykh, VICH-infitsirovannykh i bolnykh SPIDom [Personal profiles of female prisoners, HIV-infected and AIDS patients]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2011, no. 2. Available at: medpsy.ru (accessed 15 April 2017) (in Russian).
 6. Uzlov N. D. Psikhologicheskiy portret patsientov s bytovoy ozhogovoy travmoy [Psychological portrait of patients with a domestic burn injury]. *Tyumen. med. zhurn.* [Tyumen Medical Journal], 2011, no. 2, pp. 45–46 (in Russian).
 7. Uzlov N. D., Bashkirtseva O. V. Samootnoshenie VICH-infitsirovannykh i zabollevshikh tuberkulezom osuzhdennykh [Self-relationship of HIV-infected and tuberculosis-infected convicts]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika* [Clinical and medical psychology: research, training, practice], 2014, no. 2 (4). Available at: <http://medpsy.ru/climp> (accessed 15 April 2017) (in Russian).
 8. Uzlov N. D., Gabdrakhmanova N. N. Sovladayushchee povedenie i zashchitnye mekhanizmy lichnosti u bolnykh tuberkulezom legkikh s anozognozicheskim tipom otnosheniya k bolezni [Conforming behavior and protective mechanisms of personality in patients with pulmonary tuberculosis with an anosognotic type of attitude towards the disease]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2013, no. 3 (20). Available at: <http://medpsy.ru> (accessed 15 April 2017) (in Russian).
 9. Orlova M. M. Subektivnaya resursnost sotsialnykh prediktorov situatsii bolezni pri ostrykh i khronicheskikh zabollevaniyakh zheludochno-kishechnogo trakta [Subjective resource of social predictors of the disease situation in acute and chronic diseases of the gastrointestinal tract]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 2–3. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23978> (accessed 28 August 2017) (in Russian).
 10. Orlova M. M. Subektivnaya resursnost sotsialnykh prediktorov situatsii bolezni (na primere ostrykh i khronicheskikh zabollevaniy legkikh) [Subjective resource of social predictors of the disease situation (on the example of acute and chronic lung diseases)]. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2015, vol. 15, iss. 4, pp. 94–98 (in Russian).
 11. Orlova M. M. Transformatsiya identichnosti u bolnykh ishemiceskoy boleznyu serdtsa kak proyavlenie adaptatsionnykh strategiy [Transformation of identity in patients with ischemic heart disease as a manifestation of adaptation strategies]. *Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. Psikhologo-pedagogicheskie nauki* [IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences. Psychological and pedagogical sciences], 2015, no. 174, pp. 101–109 (in Russian).
 12. Orlova M. M. Adaptatsionnye strategii v usloviyakh tyazhelogo invalidiziruyushchego zabollevaniya kak subektivnaya sostavlyayushchaya situatsii bolezni [Adaptation strategies in conditions of severe disabling disease, as a subjective component of the disease situation]. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 64–70 (in Russian).
 13. Orlova M. M. *Subektno-sotsialnyy podkhod k issledovaniyu zdorovya* [Subject-social approach to health research]. Saratov, 2014. 220 p. (in Russian).
 14. Stonequist E. V. *The marginality man. A study in personality and culture conflict*. New York, 1961. 228 p. (Russ. ed.: Stonequist E. V. Marginalnyy chelovek. Issledovanie lichnosti i kulturnogo konflikta. In: *Sovremennaya zarubezhnaya etnografiya: referat. sb.* Moscow, 1979, pp. 90–112).
 15. Mancini B. J. No owner of soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday. *International review of modern sociology*, 1988, vol. 18, no. 2, pp. 182–204.

Cite this article as:

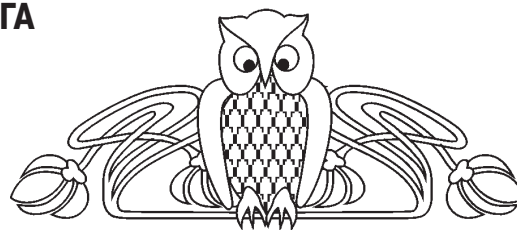
Orlova M. M. Adaptive Resource of Social Predictors in Patients with Diabetes Mellitus Depending on the Degree of Disability. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 465–470. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-465-470.

УДК 159.91

АПРОБАЦИЯ АВТОРСКОГО ТЕСТА И ТРЕНИНГА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Фролова Светлана Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: frolovasv71@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме изучения способности творческого управления эмоциональными реакциями и состояниями. Обращается внимание на сложные вопросы, касающиеся операционализации понятия эмоциональной креативности и разработки объективных способов измерения этой личностной способности. Работа содержит описание нового, предложенного автором, объективного теста эмоциональной креативности, предполагающего продуцирование эмоциональных ответов на стимульные рисунки, содержащие условное изображение различных социально напряженных ситуаций. Приводятся результаты констатирующего исследования и формирующего эксперимента, послужившие апробацией авторского психодиагностического инструмента. В исследовании приняли участие 50 человек (32 женщины и 18 мужчин) в возрасте от 20 до 30 лет. Предпринятое исследование позволило установить значимую корреляцию апробируемого теста с показателями субъективного опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла и такими личностными свойствами, участвующими в социально-психологической адаптации, как уравновешенность, общительность и толерантность к депрессивным состояниям. Предложенный диагностический тест оказался высоко чувствительным к изменениям, произошедшим в ходе формирующего эксперимента, направленного на развитие эмоциональной креативности. Разработанный автором тренинг, основанный на авторском понимании феномена эмоциональной креативности, показал свою эффективность для развития гибкости, вариативности, спонтанности, быстроты и личностно-социальной полезности эмоционального реагирования и улучшения адаптационных свойств личности.

Ключевые слова: эмоциональная креативность, адаптационные свойства личности, объективный тест, формирующий эксперимент, тренинг эмоциональной креативности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-471-477

Одним из самых молодых понятий современной психологии является понятие эмоциональной креативности, под которым широко понимается способность продуцировать новые эмоциональные реакции на вызовы внешней среды. В условиях стремительных перемен жизнь современного человека оказывается порой незащищенной от личных, социальных, культурных травм, а также от техногенных чрезвычайных ситуаций. Эмоциональная креативность может являться одним из ресурсов адаптации человека к условиям повышенных жизненных рисков.

В литературе термин «эмоциональная креативность» впервые был использован в работах американского психолога Дж. Эверилла, на-

чавшего свои изыскания в рамках социально-конструктивистской теории, рассматривающей эмоции как сложные конструкты или социально обусловленные эмоциональные синдромы [1]. Дж. Эверилл предложил структуру эмоциональной креативности, выделив в ней такие компоненты, как готовность (preparedness), новизна (novelty), эффективность (effectiveness) и аутентичность (authenticity). Готовность к эмоциональной креативности определяется теми знаниями об эмоциях, которые накапливает индивид на основе предшествующего, социально детерминированного опыта, и тем значением, которое он придает эмоциональной жизни. Новизна эмоций зависит от способности переживать необычные, оригинальные и порой с трудом поддающиеся описанию эмоции. Эффективность эмоций понимается как проявление социально значимых эмоций, имеющих определенную ценность для окружающих. Аутентичность эмоций обеспечивает возможность производить индивидуально особенные, неповторимые эмоциональные синдромы [2].

Несмотря на недавнее появление самого термина, на наш взгляд, история проблемы эмоциональной креативности может восходить еще к древнегреческой философии, искавшей ответы на вопросы о способах регуляции поведения человека. История разработки проблемы эмоциональной креативности в психологии, на наш взгляд, напрямую связана с созданием Я. Л. Морено целостной системы социально-психологических, личностных и психотерапевтических теорий: социометрии, психодрамы, ролей, спонтанности. Одними из центральных в теоретической системе Я. Л. Морено являются понятия способности «эмоционального предпочтения» как основы любой социальной связи [3, с. 106–108]; понятие психической, или эмоциональной, роли [4, с. 115–116], отражающей неповторимые, индивидуальные переживания человека; понятие «спонтанности» как возможности творческого преобразования своих стереотипных жизненных сценариев. Созданная Морено теория и технология психодрамы, на наш взгляд, являет собой не что иное, как способ преобразования посредством спонтанного творческого действия неэффектив-

ных эмоциональных ролей (устойчивых эмоциональных синдромов) в адекватные и более конструктивные способы переживания реальности.

Интерес к феномену эмоциональной креативности в последние годы растет как в зарубежной, так и в отечественной психологии [5–11]. Предпринимаются попытки исследования взаимосвязи эмоциональной креативности с эмоциональным интеллектом, самооффективностью и успешностью выполнения различных видов деятельности [5, 6]. Ранее нами было предпринято изучение вопросов об участии эмоциональной креативности в процессе формирования жизнестойкости и адаптационных свойств личности [7, 8]. Несмотря на активность изучения, проблемное поле эмоциональной креативности остается пока еще недостаточно теоретически, методологически и эмпирически разработанным. Одними из актуальных остаются вопросы, касающиеся операционализации этого понятия и поиска адекватных инструментов, способных измерять данную личностную способность.

На наш взгляд, эмоциональная креативность – это творческое управление своими эмоциями, предполагающее гибкое реагирование в субъективно и объективно сложных стрессовых и социально напряженных ситуациях, быстрое преобразование привычных, стереотипных, «заходящих в тупик» эмоциональных реакций в новые эмоциональные состояния, служащие отысканию конструктивных смыслов возникающих жизненных событий. Эмоциональную креативность можно распознать через проявление широты, гибкости, вариативности, спонтанности, новизны, быстроты и личностно-социальной полезности эмоционального реагирования.

Исходя из уже сложившегося понимания и собственного авторского представления о феномене эмоциональной креативности как способности вариативного и спонтанного генерирования новых смыслов возникающих жизненных событий и новых способов эмоционального реагирования, мы предположили, что выраженность данной способности можно измерять посредством фиксации качества и количества вариантов производимых эмоциональных ответов на предъявление стимулов, условно отражающих личностно и социально напряженные и фрустрирующие ситуации.

К настоящему времени большинство исследователей использует разработанный Дж. Эвериллом опросник эмоциональной креативности, состоящий из 30 утверждений [9], возможности которого ограничены субъективными представлениями, не позволяющими получить объективные данные о выраженности этой способности у индивида. С целью создания диагностического инструмента,

позволяющего объективно выявлять выраженность способности эмоциональной креативности, нами был предложен тест, предполагающий продуцирование эмоциональных ответов в различных социально напряженных ситуациях. В качестве стимульного материала мы сочли возможным использовать контурные рисунки методики РАТ Л. Н. Собчик [12] – модифицированного варианта тематического апперцептивного теста Г. Мюррея. На восьми рисунках изображены контуры двух или трех человечков в условных и довольно экспрессивных позах (пример рисунков см. в приложении). Особенности расположения фигурок, экспрессия позы и жестов позволяют судить о том, что изображенные персонажи задействованы в сложных межличностных отношениях или личностно и социально напряженных ситуациях. Преимуществом такого стимульного материала является его малая структурированность, свобода от культурно-этнических, социально-статусных, гендерных и возрастных признаков. Это дает возможность толковать сюжеты и переживания персонажей независимо от каких-либо клише, строить различные предположения относительно ситуации, роли «героев» в сложившихся обстоятельствах, об их взаимоотношениях и главное – об испытываемых ими чувствах. Достоинством методики является невербальный характер предъявляемого материала, расширяющего количество степеней выбора эмоциональных ответов для испытуемого и располагающего к раскрытию глубинных переживаний.

Понимая эмоциональную креативность как способность, обеспечивающую гибкость эмоционального ответа в ситуации неопределенности, конфликта или фрустрированности, мы задавали следующие вопросы к рисункам: 1) *Кто эти люди, и что происходит в данный момент?* 2) *Какие чувства могут испытывать персонажи рисунка? Представьте и перечислите все возможные варианты чувств, которые, как вам кажется, они могут переживать;* 3) *Могут ли чувства героев совсем скоро измениться; что они могут почувствовать потом?*

При этом испытуемому сообщалось, что эмоции могут обозначаться одним словом или подробным описанием, представленным в нескольких предложениях. Обработка теста предполагает подсчет баллов, выставляемых за фиксируемые варианты называемых испытуемым эмоций и чувств. За каждое новое развернутое описание эмоции в протоколе ставится 2 балла; за простое название эмоции, кратко обозначенное одним словом, – 1 балл; за повторяющееся в протоколе название или описание эмоции, встретившееся уже при реагировании на пре-

дыдущие стимульные картинки, присваивается 0,5 балла. Поскольку испытуемого просят назвать все возможные, по его мнению, варианты чувств, которые могут испытывать персонажи, изображенные на картинках, и описать, как могут измениться чувства героев в скором времени, количество баллов, полученных испытуемым за ответы на одну картинку, может измеряться от 0 и достигать восьми и более. Общий показатель эмоциональной креативности устанавливается путем суммирования баллов всех сюжетов восьми предъявляемых стимульных картинок. Чем шире и разнообразнее спектр эмоциональных состояний, называемых испытуемым, тем больше развита его способность к творческому генерированию эмоциональных реакций.

Мы предположили, что созданный нами диагностический тест является достаточно надежным и его показатели коррелируют с показателями уже зарекомендовавшего себя опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла и с рядом личностных свойств, отвечающих за социально-психологическую адаптацию.

Рассматривая эмоциональную креативность, прежде всего, как способность, мы предположили, что она подлежит формированию и развитию, и попытались разработать тренинг эмоциональной креативности, главной направленностью которого явилось расширение спектра вариативности производимых эмоциональных ответов в лично и социально напряженных ситуациях. Доказательством эффективности созданного нами психологического тренинга может служить положительная динамика развития способности эмоциональной креативности, фиксируемая при помощи опросника Эверилла и разработанного нами теста. Чувствительность авторского диагностического теста к изменениям эмоциональной креативности в ходе ее тренировки может служить дополнительным подтверждением его валидности. Мы также выдвинули гипотезу о том, что тренинг эмоциональной креативности может способствовать улучшению состояний и свойств личности, которые имеют значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения.

С целью апробации предложенного нами теста и разработанной программы тренинга эмоциональной креативности, а также для проверки выдвинутых предположений нами было проведено констатирующее исследование и формирующий эксперимент. Констатирующее исследование ставило задачи проверить надежность предложенного нами теста и выявить возможные корреляции с показателями уже зарекомендовавшего себя опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла.

Целью формирующего эксперимента с использованием психологического тренинга явилось развитие творческого, вариативного и эффективного управления эмоциональными состояниями. Психологический тренинг ставил задачи увеличения гибкости и широты спектра выражения чувств, нахождения различных вариантов возможных смыслов в трудных жизненных ситуациях и соответствующих им способов эмоционального реагирования, развитие умения преобразовывать привычные, стереотипные и деструктивные эмоции в более конструктивные, служащие построению новых перспектив выхода из лично и социально напряженных ситуаций. Формирующий эксперимент с использованием тренинга эмоциональной креативности проводился в течение двух с половиной месяцев. В программу тренинга вошли пять занятий по два часа. Упражнения тренинговых сессий были направлены на решение следующих основных задач: включение участников в тематику тренинга, знакомство с содержанием понятия эмоциональной креативности; актуализация в памяти и расширение знаний о диапазоне чувств; актуализация творческого воображения (для развития эмоциональной креативности, которая основывается на способности быть спонтанным и умении «отказаться» на время от прошлого опыта, от стереотипов и установок); формирование готовности к генерированию непривычных для себя эмоций; тренировка гибкости и вариативности продуцируемых состояний и способов выражения чувств в трудных жизненных ситуациях; обсуждение внутренних и внешних барьеров эмоциональной креативности и возможностей их преодоления. Одно из главных упражнений, разработанных и используемых нами на всем протяжении тренинга, представляло собой процедуру тренировки эмоциональной и поведенческой вариативности в ходе группового обсуждения и ролевой игры. Рабочим материалом для данного упражнения послужили изображения фрустрирующих ситуаций из известной проективной методики С. Розенцвейга, а также ситуации, отражающие сложности переживания и совладания с возникшим событием, которые предлагались участниками из собственного жизненного опыта. Для обсуждения способов эмоционального реагирования во фрустрирующих ситуациях, изображенных в рисунках стимульного материала теста С. Розенцвейга, участникам тренинга предлагалось ответить на следующие вопросы.

1. Что бы вы почувствовали и как бы отреагировали на месте этого человека, оказавшись в такой ситуации?

2. Представьте на месте этого человека вашего знакомого, который, по вашему мнению, полная противоположность вам. Что бы он почувствовал? Как бы он отреагировал?

3. Представьте себе в этой ситуации человека, очень для вас авторитетного. Что бы он почувствовал? Как бы он отреагировал?

4. Есть ли в вашей жизни человек или персонаж, которого вы считаете эталоном, идеалом для подражания. Что бы он почувствовал? Как бы он отреагировал?

5. Представьте еще какого-либо персонажа в этой ситуации. Каковы были бы его чувства и реакции?

Данные вопросы помогают выйти за пределы своего «Я», снять напряжение, возникающее в стрессовой ситуации, найти новые варианты интерпретации происходящего, расширить выбор возможных поведенческих реакций и творчески подойти к генерированию и выражению чувств.

В качестве психодиагностического инструментария использовались опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла [9], модифицированная форма В опросника FPI (Фрейбургский личностный опросник в адаптации А. А. Крылова и Т. И. Ронгинского) [13, с. 385–389], позволяющая диагностировать состояния и свойства личности, имеющие первостепенное значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения; а также разработанный нами тест диагностики эмоциональной креативности. Для статистически-математической обработки данных использовались корреляционный анализ *r*-Пирсона с целью проверки гипотез о связях между переменными и критерий Стьюдента, направленный на оценку различий величин средних значений двух зависимых и независимых выборок, которые распределены по нормальному закону.

Диагностика осуществлялась трижды: перед экспериментом, непосредственно после окончания эксперимента и по прошествии полугода после окончания эксперимента. В констатирующей части исследования приняли участие 50 человек (32 женщины и 18 мужчин) в возрасте от 20 до 30

лет. В экспериментальной группе формирующей части комплексного исследования приняли участие 15 человек, контрольную группу составили 35 человек.

Проведенные в ходе констатирующего исследования испытания теста с повторными замерами спустя месяц позволили установить значение коэффициента корреляции, характеризующего надежность методики, равное 0,87, что является довольно высоким показателем.

В результате статистически-математического анализа была установлена значимая взаимосвязь между показателями опросника Дж. Эверилла и предложенным нами тестом эмоциональной креативности ($r = 0,56; p \leq 0,01$), что свидетельствует о валидности нового разработанного инструмента.

Дополнительно были обнаружены положительные связи между показателями теста эмоциональной креативности и такими личностными свойствами, участвующими в социально-психологической адаптации, как уравновешенность ($r = 0,54; p \leq 0,05$) и общительность ($r = 0,5; p \leq 0,05$); а также отрицательная связь с депрессивностью ($r = -0,6; p \leq 0,02$). Установленные корреляции могут косвенно подтверждать валидность инструмента, измеряющего эмоциональную креативность, поскольку задействованные в корреляциях личностные свойства имеют эмоционально-чувственную сторону и участвуют в процессе взаимодействия личности с ее социальным окружением. Можно также сказать, что способность переживать необычные эмоции и нестандартно реагировать связана с оптимистичностью, социальной активностью и защищенностью к воздействию стресс-факторов

Анализ результатов формирующего эксперимента показал, что в экспериментальной группе произошла положительная динамика в развитии эмоциональной креативности (табл. 1), установленная с помощью опросникового ($t_{эмп} = 3,2; p \leq 0,05$) и тестового ($t_{эмп} = 4,6; p \leq 0,001$) методов. При этом более чувствительным инструментом к произошедшим изменениям оказался предложенный нами метод теста.

Таблица 1

Изменение показателя уровня эмоциональной креативности после формирующего эксперимента

Используемый инструмент измерения эмоциональной креативности	Экспериментальная группа (средние значения)			Контрольная группа (средние значения)		
	До эксперимента	После эксперимента	$t_{эмп}$	До эксперимента	После эксперимента	$t_{эмп}$
Опросник Дж. Эверилла	110	122,5	3,2	105,2	104,9	0,4
Тестовая методика С. В. Фроловой	14,3	31,3	6,4	14,9	14,2	0,2

На вопросы анкеты о полезности тренинга участники ответили, что он помог осознать возможности управления эмоциональными состояниями и расширить их спектр, развить гибкость эмоционального реагирования и выражения чувств, способность совладать с отрицательными эмоциональными состояниями через их трансформацию в новые эмоции и чувства,

улучшить эффективность межличностного взаимодействия.

Через полгода после завершения тренинга была предпринята еще одна попытка диагностики уровня эмоциональной креативности участников экспериментальной группы с помощью опросника Дж. Эверилла и предложенного нами тестового метода (табл. 2).

Таблица 2

Изменение показателя уровня эмоциональной креативности в экспериментальной группе в течение девяти месяцев

Используемый инструмент измерения эмоциональной креативности	До эксперимента (средние значения)	$t_{эмп}$	Спустя три месяца после эксперимента (средние значения)	$t_{эмп}$	Спустя полгода после эксперимента (средние значения)
Опросник Дж. Эверилла	110	3,2	122,5	2,7	121
Тестовая методика С. В. Фроловой	14,3	6,4	31,3	2,4	39,5

Сравнительный анализ результатов диагностики с использованием опросника Дж. Эверилла непосредственно после эксперимента и через полгода выявил высокий устойчивый эффект улучшенной способности эмоциональной креативности.

Сравнительный анализ диагностики по предложенному нами методу после эксперимента и через полгода после его окончания выявил плавное возрастание показателя уровня эмоциональной креативности ($t_{эмп} = 2,4; p \leq 0,05$), что позволяет говорить о возможности накопительного эффекта в процессе развития данной способности с течением времени, после процедуры ее активизации в ходе тренинга. С другой стороны, данный факт может свидетельствовать о большей чувствительности к динамике и дифференцированности в проявлении эмоциональной креативности разработанного нами тестового метода, по сравнению с субъективной опросниковой методикой.

Анализ выраженности личностных свойств, значимых для процесса адаптации, диагностируемых при помощи Фрейбургского личностного опросника, позволил выявить значимые изменения ряда шкал у участников тренинга эмоциональной креативности: уменьшение застенчивости ($t_{эмп} = 2,9; p \leq 0,05$), спонтанной агрессивности ($t_{эмп} = 2,4; p \leq 0,05$), эмоциональной лабильности ($t_{эмп} = 2,8; p \leq 0,05$), невротичности ($t_{эмп} = 3,5; p \leq 0,05$), раздражительности ($t_{эмп} = 4,4; p \leq 0,01$), повышение общительности ($t_{эмп} = 3,6; p \leq 0,01$) и уравновешенности ($t_{эмп} = 4,3; p \leq 0,01$). В контрольной группе значимых изменений данных параметров не обнаружено.

На основе полученных результатов констатирующего исследования и формирующего эксперимента можно сделать следующие выводы.

Созданный нами диагностический тест эмоциональной креативности является надежным и валидным. Его показатели значимо коррелируют с показателями опросника эмоциональной креативности Дж. Эверилла и с такими личностными свойствами, отвечающими за социально-психологическую адаптацию, как уравновешенность, несклонность к депрессивным состояниям и общительность.

Разработанный авторский объективный тест является более чувствительным инструментом, чем субъективный опросник, и позволяет с большей точностью фиксировать изменения, происходящие в ходе развития эмоциональной креативности.

Созданный нами психологический тренинг, направленный на развитие гибкости и вариативности в выражении чувств, способности нахождения различных вариантов возможных смыслов в трудных жизненных ситуациях и соответствующих им способов эмоционального реагирования, умения преобразовывать привычные, стереотипные и деструктивные эмоции в более конструктивные, служащие построению новых перспектив выхода из личностно и социально напряженных ситуаций, является достаточно результативным, способствует развитию эмоциональной креативности и имеет положительный накопительный эффект. Эмоциональная креативность, активизируемая благодаря авторскому психологическому тренингу, продолжает свое самостоятельное спонтанное развитие и за его пределами. Тренинг эмоциональной креативности может способствовать улучшению состояний и свойств личности, которые имеют первостепенное значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения.

Приложение

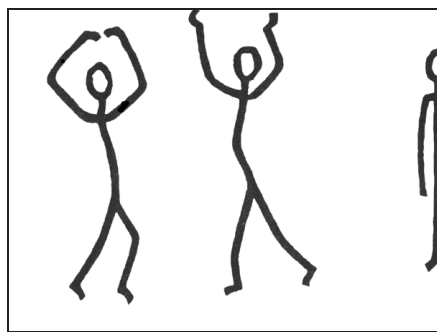

Рис. 1

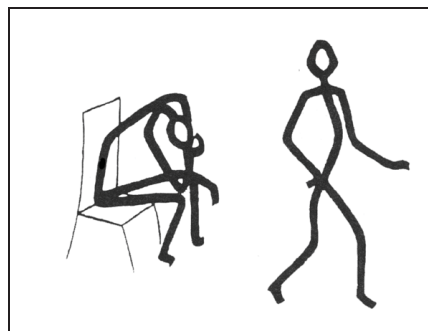

Рис. 2

Список литературы

1. *Averill J. R.* Individual differences in emotional creativity: structure and correlates // *Journal of Personality*. 1999. Vol. 67, № 2. P. 331–371.
2. *Averill J. R.* Emotions as mediators and as products of creative activity // *Creativity across domains : Face of muse* / eds. J. Kaufman, J. Baer. N.Y., 2005. P. 225–243.
3. *Морено Я. Л.* Социометрия : экспериментальный метод и наука об обществе / пер. с англ. М., 2004. 320 с.
4. *Лейтц Г.* Психодрама : теория и практика. Классическая психодрама Я. Л. Морено / пер. с нем. А. М. Боквинова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. 380 с.
5. *Zareie H. A.* Structural modeling of the relationship between emotional creativity, self-efficacy and academic motivation among students // *Bulletin of Environment, Pharmacology and Life Sciences*. 2014. Vol. 3. P. 27–30.
6. *Ivcevic Z., Brackett M. A., Mayer J. D.* Emotional intelligence and emotional creativity // *Journal of Personality*. 2007. № 2. P. 199–235.
7. *Фролова С. В., Сергеева В. С., Стулина Л. К.* Эмоциональная креативность как фактор жизнестойкости личности // *Организационная психология : люди и риски* : сб. материалов V рос.-амер. науч.-практ. конф. Саратов, 2015. С. 419–425.
8. *Frolova S. V., Novoselova K. I.* Emotional creativity as a factor of individual and family psychological wellbeing // *International Annual Edition of Applied Psychology : Theory, Research, and Practice*. 2015. Vol. 2. P. 30–43. URL: http://interpsy.sgu.ru/sites/default/files/emotional_creativity_as_a_factor_of_individual_and_family_psychological_wellbeing.pdf (дата обращения: 30.03.17).
9. *Валуева Е. А.* Диагностика эмоциональной креативности : адаптация опросника Дж. Эверилла // *Социальный и эмоциональный интеллект : от процессов к измерениям* / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М., 2009. С. 216–227.
10. *Березина Т. Н., Терещенко Р. Н.* Эмоциональная креативность личности : определение и структура // *Психология и психотехника*. 2012. № 2. С. 43–50.
11. *Белова С. С.* Эмоциональная креативность и активационная парадигма в исследовании творчества // *Психология человека в современном мире* : в 2 т. Т. 2. Материалы Всерос. юбилейной науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна (Москва, 15–16 октября 2009 г.). М., 2009. С. 299–307.
12. *Собчик Л. Н.* Рисованный апперцептивный тест. СПб., 2002. 32 с.
13. *Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии* : учеб. пособие / под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева ; 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2003. 560 с.

Образец для цитирования:

Фролова С. В. Апробация авторского теста и тренинга эмоциональной креативности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 471–477. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-471-477.

Approbation of Original Test and Training of Emotional Creativity

Svetlana V. Frolova

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: frolovasv71@mail.ru

The article is devoted to the topical research into abilities of creative management of emotional reactions and conditions. The author focuses on the complex issues of operationalization of the notion of creativity,

and development of objective methods to measure this personal ability. The article provides the description of an original objective test of emotional creativity designed by the author. The test involves production of emotional response to stimulus pictures containing conventional images of various situations connected with social tension. The researcher gives the results of the summative study and formative experiment that were used for approbation of the author's psychodiagnostic tool. 50 people aged 20 to 30 (32 female and 18 male participants) took part in the research. The research revealed the significant correlation of the test under approbation with the factors of J.R. Averill's subjective inventory of emotional creativity and such adaptive personal qualities

involved in social and psychological adaptation as a poise, sociability and tolerance to depressive states. The diagnostic test, proposed by the author, proved to be highly sensitive to the changes that took place in the course of the formative experiment aimed at development of emotional creativity. The constructed training based on the author's understanding of the phenomenon of emotional creativity showed its effectiveness for developing flexibility, variability, spontaneity, speed and personal-social utility of emotional response and improving the adaptive properties of the individual.

Key words: emotional creativity, adaptive personal qualities, objective emotional creativity test, approbation, formative experiment, training of emotional creativity.

References

1. Averill J. R. Individual differences in emotional creativity: structure and correlates. *Journal of Personality*, 1999, vol. 67, no. 2, pp. 331–371.
2. Averill J. R. Emotions as mediators and as products of creative activity. *Creativity across domains: Face of muse*. Eds. J. Kaufman, J. Baer. New York, 2005, pp. 225–243.
3. Moreno J. L. *Sociometry: Experimental method and the science of society*. New York, 1951. 316 p. (Russ. ed.: Moreno J. L. *Sotsiometriya: Eksperimentalnyy metod i nauka ob obshchestve*. Trans. from English. Moscow, 2004. 320 p.).
4. Leutz G. *Psychodrama. Theorie und Praxis. Das klassische Psychodrama nach J. L. Moreno*. Berlin, 1974. 368 S. (Russ. ed.: Leytts G. *Psikhodrama: teoriya i praktika. Klassicheskaya psikhodrama Ya. L. Moreno*. Trans. from German by A. M. Bokovikov. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, 2007. 380 p.).
5. Zareie H. A. Structural modeling of the relationship between emotional creativity, self-efficacy and academic motivation among students. *Bulletin of Environment, Pharmacology and Life Sciences*, 2014, vol. 3, pp. 27–30.
6. Ivcevic Z., Brackett M. A., Mayer J. D. Emotional intelligence and emotional creativity. *Journal of Personality*, 2007, no. 2, pp. 199–235.
7. Frolova S. V., Sergeeva V. S., Stulina L. K. Emotsionalnaya kreativnost kak faktor zhiznestoykosti lichnosti [Emotional creativity as a factor of individual hardiness]. *Organizatsionnaya psikhologiya: lyudi i riski: sb. materialov V ros.-amer. nauch.-prakt. konf. [Organizational psychology: people and risks. Collection of materials of the 5th Russian-American scientific-practical conference]*. Saratov, 2015, pp. 419–425 (in Russian).
8. Frolova S. V., Novoselova K. I. Emotional creativity as a factor of individual and family psychological wellbeing. *International Annual Edition of Applied Psychology: Theory, Research, and Practice*, 2015, vol. 2, pp. 30–43. Available at: http://interpsy.sgu.ru/sites/default/files/emotional_creativity_as_a_factor_of_individual_and_family_psychological_wellbeing.pdf/ (accessed 30 Mart 2017) (in Russian).
9. Valueva E. A. Diagnostika emotsionalnoy kreativnosti: adaptatsiya oprosnika Dzh. Everilla [Diagnosis of emotional creativity: Adaptation of the questionnaire of J. Averill]. In: *Sotsialnyy i emotsionalnyy intellekt: ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measurements]. Eds. D. V. Lyusin, D. V. Ushakov. Moscow, 2009, pp. 216–227 (in Russian).
10. Berezina T. N., Tereshchenko R. N. Emotsionalnaya kreativnost lichnosti: opredelenie i struktura [Emotional creativity of personality: Definition and structure]. *Psikhologiya i psikhotehnika* [Psychology and Psychotechnics], 2012, no. 2, pp. 43–50 (in Russian).
11. Belova S. S. Emotsionalnaya kreativnost i aktivatsionnaya paradigma v issledovanii tvorchestva [Emotional creativity and activation paradigm in the study of creation]. In: *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire: v 2 t. T. 2. Materialy Vseros. yubileynoy nauch. konf., posv. 120-letiyu so dnya rozhdeniya S. L. Rubinshteyna* [Psychology of man in the modern world: in 2 vol. Vol. 2. Materials of the All-Russian Jubilee Scientific Conference, dedicated to the 120th anniversary of the birth of S. L. Rubinstein, {Moscow, October 15–16, 2009}]. Moscow, 2009, pp. 299–307 (in Russian).
12. Sobchik L. N. *Risovannyy appertseptivnyy test* [Pictured apperceptive test]. St. Petersburg, 2002. 32 p. (in Russian).
13. *Praktikum po obshchey, eksperimentalnoy i prikladnoy psikhologii* [Practical work on general, experimental and applied psychology]. Eds. A. A. Krylov, S. A. Manichev. 2-e izd., dop. i pererab. St. Petersburg, 2003. 560 p. (in Russian).

Cite this article as:

Frolova S. V. Approbation of Original Test and Training of Emotional Creativity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 471–477. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-471-477.

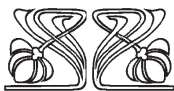

ПЕДАГОГИКА

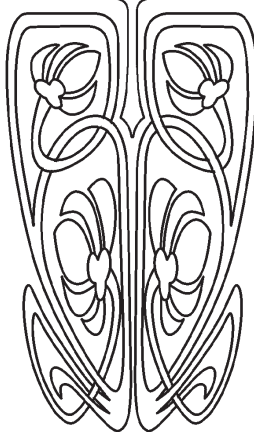
УДК 378.147.227

ВИДЫ И ФОРМЫ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ

Бактыбаева Аннель Тлеумагамбетовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и профессионального русского языка с курсом латинского языка, Казахский национальный медицинский университет имени С. Асфендиярова. E-mail: almaz_annel@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье проанализированы мнения исследователей об использовании в обучении интерактивных технологий, особенно в среде преподавания русского языка как иностранного. Автор предлагает ряд заданий, эффективных при обучении лексике, включая профессионально ориентированную, в электронном учебном пособии по русскому языку как иностранному. Даются упражнения, направленные на формирование у обучающихся коммуникативных навыков и правильной речи на примере притекстовых и послетекстовых заданий. Благодаря этим упражнениям текст становится реальной и продуктивной основой обучения. Разнообразные виды работ с предложениями, формирование навыка работы с исходным (образцовым) текстом, реконструирование, трансформации и конструирования языковых единиц при решении определенной учебной задачи в коммуникативно обращенном устном монологическом/диалогическом высказывании, письменном сообщении способствуют развитию лексического запаса у иностранных студентов-медиков. Интерактивность развивает активность студентов, совершенствует традиционный опрос, касающийся содержания текста, закрепляет изученную лексику в речи. Результаты подтвердили целесообразность изучения на занятиях по русскому языку как иностранному лексического материала при помощи электронного учебного пособия для развития профессиональной компетенции будущих медиков.

Ключевые слова: электронное учебное пособие, лексика, упражнения на понимание текста, текстовые задания, студенты-иностранцы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-478-482

В настоящее время в Казахстане актуальна задача ускорения информационного прогресса, взаимосвязанная с необходимостью совершенствования системы образования на всех уровнях, наполненная ее новым содержанием в соответствии с требованиями Болонского процесса. В высшем образовании необходимо сформировать взаимодействующие образовательные траектории в электронном формате. Цель реформы казахстанского высшего образования – сделать его доступным для всех обучающихся: именно применение информационно-коммуникационных технологий способствует достижению данной цели, так как они позволяют развивать и дополнять традиционное образование новыми способами передачи и получения знаний.

Современное преподавание русского языка как иностранного (РКИ) включает в себя множество различных технологий обучения: наиболее востребованными являются именно информационно-коммуникационные. Ряд исследователей, занимающихся этой проблемой, в частности Э. Г. Азимов, в своих работах отмечают, что компьютер – это учебное средство. Он представил классификацию тренировочных компьютерных упражнений, описал последовательность действий,

выполнение которых способствует созданию коммуникативно ориентированных учебных электронных курсов, продемонстрировал технологию разработки основ электронного учебника [1]. В работах А. Д. Гарцова подробно описаны вопросы лингводидактики [2]. Он отмечает, что «основное предназначение электронной лингводидактики заключается в обеспечении теоретической и практической базы для обучения языкам в новых условиях информационного общества...» [2, с. 6]. В. А. Трайнев считает, что в образовании новые информационные коммуникационные технологии позволяют создавать большое количество стимулов для вовлечения обучающихся в иноязычную речевую деятельность [3]. Обобщенный профессионально-языковой опыт на основе психолого-педагогических инноваций представлен в работах М. А. Бовтенко [4]. Этноориентированная технология обучения русскому языку в рамках мультиязычного, поликультурного информационного пространства освещена в исследованиях Т. М. Балыхина, Джао Юйцань [5]. Анализ современных сетевых прикладных средств, электронных учебников, электронных учебных пособий и т.п. – вот далеко не весь перечень вопросов, представленных в методических работах [6].

Обобщив доступную нам научно-методическую литературу, можно сказать, что под термином «электронное учебное пособие» мы подразумеваем электронный учебник, у которого нет печатного варианта, но в его основе лежат те же принципы создания, как и у учебной книги. Подобные издания имеют грамматический, справочный, тренировочный материалы и удобны в применении, так как могут быть высланы по электронной почте и использоваться студентами, у которых есть лэптоп [7, с. 3].

Цель статьи – описать некоторые виды заданий и упражнений по работе с текстом с элементами профессионально ориентированной лексики электронного учебного пособия по русскому языку как иностранному.

В настоящее время на кафедре русского языка и профессионального русского языка Казахского национального медицинского университета им. С. Асфендиярова создаются электронные учебные пособия (ЭУП), соответствующие требованиям Государственного стандарта для студентов-иностранцев медицинского вуза. В это пособие включены небольшие тексты в соответствии с требованиями профессионального модуля стандарта. Авторы стремятся таким образом сформировать основы речевой, языковой, предметной и дискурсивной компетенции студентов для дальнейшего обучения.

Электронные пособия по РКИ позволяют моделировать реальные или приближенные к

реальным русскоязычные речевые ситуации и раскрывают новые возможности знакомства с актуальной и аутентичной информацией не только лингвострановедческого, но и профессионально ориентированного характера. Электронный учебник – это средство обучения на компьютерном диске, хранящем и представляющем аудио-, видео-, текстовую и графическую информацию, это – автоматическая обучающая система: он состоит из дидактического, методического, информационно-справочного материалов по учебной дисциплине. Сюда же относится программное обеспечение, которое можно комплексно применять при самостоятельном изучении русского языка и контроля знаний [8]. Цель нашего электронного пособия – развить навыки общения при помощи активизации использования лексико-грамматических конструкций на основе различных вариантов. Данное ЭУП включает элементы подъязыка медицины, что позволяет овладевать азами языка специальности: это своеобразный переход от учебной к учебно-профессиональной коммуникации. Такая преемственность обеспечивает профессионально ориентированное обучение русскому языку как средству получения специальности. Сегодня, по мнению Л. П. Клобуковой, существуют две группы профессионально ориентированной учебной литературы по русскому языку для иностранных учащихся. Основная задача учебных пособий первой группы – формирование и развитие языковых и речевых умений, необходимых для общения в учебной и научной сферах коммуникации. Задача учебных пособий второй группы – профессионально ориентированные книги и материалы для делового профессионального общения [9, с. 193].

Данное электронное пособие можно использовать как под руководством преподавателя, так и самостоятельно; в зависимости от индивидуальных особенностей и условий обучения задания можно выполнять последовательно или выборочно.

Работа над текстом содержит задания, включающие чтение, письмо, ответы на вопросы. Все тексты имеют притекстовые и послетекстовые задания: первые отрабатывают навыки, необходимые для правильного чтения, их цель – развить умения анализировать смысл текста, его понимание. Задача послетекстовых упражнений – обеспечить развитие навыков на письме и при говорении. Каждая тема включает от двух до шести текстов. Задания способствуют пониманию основной информации прочитанного текста, умению её воспроизводить, выразить согласие или несогласие с высказанным мнением, свое отношение к высказанному в тексте, уточнять информацию. Например, текст «Поликлиника».

Притекстовые задания. Прочитайте лексический комментарий слов и выражений.

Поликлиника – многопрофильное или специализированное лечебно-профилактическое учреждение для оказания медицинской помощи больным.

Учреждение – это организация, которая осуществляет управленческие, социально-культурные и другие функции некоммерческого характера, – школа, больница, орган управления и т.д.

Медицинская помощь – это помощь, оказываемая при состояниях, требующих срочного медицинского вмешательства (несчастные случаи, травмы, отравления и другие состояния и заболевания).

После работы с данными словами, есть задание, где необходимо заполнить пропуски в этих дефинициях. Данное упражнение нацелено на понимание текста медицинского характера.

Например, *медицинская карта – медицинский ..., в котором врачи ведут запись истории ... пациента и назначаемого ему ... Слова для справки: болезнь, документ, лечение.*

При этом проверяется знание падежной системы. Следующий этап – работа с текстом «Поликлиника».

Поликлиника.

Современная поликлиника – это крупное лечебно-профилактическое учреждение. Она оказывает медицинскую помощь населению при острых заболеваниях и травмах. Поликлиника проводит профилактическую и санитарно-просветительскую работы, противоэпидемические мероприятия среди населения обслуживаемого района, выявляет раннюю заболеваемость, организует статистический учет и анализ показателей состояния здоровья. В настоящее время в городах имеются два типа поликлиник: объединенные с больницами и необъединенные – самостоятельные.

Контроль понимания текста определяется на основе тестовых заданий.

1. *Современная поликлиника – это а) крупное лечебно-профилактическое учреждение; б) крупное воспитательное учреждение; в) современное физико-профилактическое учреждение;*

2. *Поликлиника оказывает: а) медицинскую помощь населению; б) воспитательную помощь населению; в) медико-воспитательную помощь населению и т.п.*

После выполнения теста студенты-иностранцы могут перейти к другим послетекстовым заданиям, например «Раскройте скобки. Дополните предложения, поставив слова и словосочетания в правильном падеже».

Поликлиника проводит ... (профилактическая и санитарно-просветительная работа), противоэпидемические мероприятия среди населения ... (обслуживаемый район), выявляет раннюю заболеваемость, организует статистический учет и анализ ... (показатели состояния здоровья). Основной медицинский документ ... (пациент) – медицинская карта. В ней есть запись врача о ... (прием, диагноз, результаты осмотра больной), дата выписки ... (рецепт); копии ... (выписанные рецепты) с указанием номера рецепта; доза ... (прием лекарственных препаратов).

Понимания теста можно достичь при помощи следующих заданий: определите, во всех ли высказываниях содержится верная информация, соответствующая содержанию текста.

1. *Современная поликлиника – это маленькое лечебно-профилактическое учреждение.*

2. *В поликлинике оказывают медицинскую помощь населению при острых заболеваниях и травмах.*

3. *Поликликой руководит замглавного врача по финансовой части.*

4. *Замглавного врача по финансовой части назначается органом здравоохранения.*

5. *Заместитель главного врача по лечебной работе отвечает за всю медицинскую деятельность поликлиники.*

Следующий вид задания – так называемые упражнения в сознательном выборе, их использование направлено на автоматизацию уже введенного материала. Обучающиеся находятся в ситуации решения определённой речемыслительной задачи, связанной с выбором правильной грамматической формы. Формулировка задания: Подберите слова по смыслу к каждому предложению и выберите его правильную форму:

Пример: У меня болит зуб, я пойду к стоматологу.

У меня болит ухо, я пойду к _____.

У меня плохо видит правый глаз, я пойду к _____.

У тебя болит голова, ты должен пойти к _____.

У тебя перелом руки, ты должен пойти к _____.

У Вас болит желудок, Вам надо пойти к _____.

Слова для справки: лор-врач, окулист, терапевт, травматолог, гастроэнтеролог.

Другим видом работы с профессионально ориентированной лексикой является коллективная форма учебной деятельности – ролевая игра. Данный вид обучения обеспечивает формирование и развитие речевых навыков и умений в условиях, максимально приближенных к условиям

реального общения или имитирующих такое общение. Упражнение «Восстановите диалог» способствует решению двух задач одновременно: во-первых, подобрать необходимые слова по смыслу, во-вторых, развитию коммуникации на русском языке.

Пациент: Добрый день, доктор!

Врач: _____! Что у Вас болит?

Пациент: Несколько дней у меня болит голова.

Врач: _____?

Пациент: Почти каждый день.

Врач: _____?

Пациент: Обычно болит здесь, лоб.

Врач: Давайте измерим давление. Положите левую руку на стол... Сейчас у Вас 130 на 90. Высокое давление. Вы учитесь или работаете?

Пациент: Я учусь. Постоянно готовлюсь к занятиям. В университете я с 8.00 утра и до 17.00. Потом иду в общежитие. Готовлю ужин. Ем, а потом учу уроки на следующий день. Я ложусь в 1.00 ночи. Устаю.

Врач: _____?

Пациент: Да, я отдыхаю, но очень мало.

Врач: Сколько _____?

Пациент: Я сплю 5–6 часов.

Врач: Вам надо отдыхать, спать побольше, 8 часов минимум. Купите витамины и пейте их. Постарайтесь в выходные дни побольше отдыхать.

Пациент: Спасибо большое, доктор.

Врач: Пожалуйста. Не болейте! Если через 2–3 дня не почувствуете себя лучше, придете опять.

Пациент: До свидания!

Врач: _____.

В ходе апробации данного электронного учебного пособия были выбраны две группы студентов из Индии по 10 человек в каждой. Никто из них раньше не изучал русский язык. Студенты экспериментальной группы могли пользоваться электронным учебным пособием, студенты второй занимались, используя только отпечатанный вариант. Время проведения эксперимента один месяц, поскольку занятия проходят три раза в неделю по одному часу. Итоговым контролем стало выполнение теста. Его результаты показали развитие умений в использовании лексики с элементами профессионально ориентированного направления: в экспериментальной группе – 69,8%, во второй – 60,2%; правильная письменная речь в первой группе – 50,7%, во второй – 43,3%. Не-

высокие результаты были у студентов при чтении отрывка из специального текста, где нужно было раскрыть скобки и поставить нужное слово в правильной форме. По нашему мнению, причинами таких результатов стала непоследовательность в изучении русского языка: студенты за пределами занятий говорят или на хинди или на тамильском; другая причина – нет опыта изучения иных языков, особенно у студентов, живших на юге Индии.

Подытоживая, можно сказать, что применение в обучении благодаря электронному пособию интерактивных технологий обеспечивает прочность приобретаемых знаний по русскому языку как иностранному. Свободный и неформальный подход обучающихся к выполнению этой работы, элементы творчества и соревновательности свидетельствуют об их заинтересованности в овладении лингвистическими, речевыми и коммуникативными умениями и навыками.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. 448 с.
2. Гарцов А. Д. Электронная лингводидактика : среда – средства обучения – педагог. М., 2009. 295 с.
3. Трайнев В. А. Новые информационные коммуникационные технологии в образовании. М., 2013. 320 с.
4. Бовтенко М. А. Компьютерная лингводидактика. М., 2005. 216 с.
5. Балыхина Т. М., Джао Юйцань. От методики к этно-методике. М., 2010. 210 с.
6. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е. С. Полат. М., 1999. 269 с.
7. Розина И. Н. Основы информационной и коммуникационной компетенции при использовании электронной почты // Интернет в профессиональной деятельности : сб. ст. под ред. Д. Т. Рудаковой. М., 2003. URL: <http://iatp.projectharmony.ru/about.php?menu=publications> (дата обращения: 03.04.2017).
8. Карпов В. А. Электронный учебник русского языка как иностранного «Русский язык». URL: <http://philology.bsu.by/karpov/> (дата обращения: 27.12.2014).
9. Клобукова Л. П., Нестерская Л. А., Норейко Л. Н. Новое учебное пособие в системе средств профессионально ориентированного обучения русскому языку как иностранному // Иноязычное образование в современном мире : сб. науч.-метод. ст. М., 2013. С. 193–196.

Образец для цитирования:

Бактыбаева А. Т. Виды и формы работы при обучении речи студентов-иностранцев медицинского вуза на примере использования электронного учебного пособия // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 478–482. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-478-482.

Types and Forms of Work when Training the Speech of Students Foreigners of Medical School on the Example of Use of the Electronic Manual

Annel T. Baktybayeva

Asfendiyarov Kazakh National Medical University
94, Tole Bi str., Almaty, 050000, Kazakhstan
E-mail: almaz_annel@mail.ru

The article analyzes the opinions of researchers on the use of interactive technologies in teaching, especially in the teaching environment of the Russian language as a foreign language. The author describes and suggests a number of tasks that are effective in teaching vocabulary, including professionally oriented in the electronic textbook on Russian as a foreign language. Efforts are being made to develop communication skills and qualities of good speech among students in the example of pre-text and post-text assignments. The above exercises are aimed to make the text a real and productive basis for learning. Various types of work with proposals, the formation of the skill of working with the source (model text), reconstruction, transformation and construction of language units in the solution of a specific learning task – in a communicatively-verbal oral monologic/dialogical utterance, written communication – all this contributes to the development of lexical stock in foreign Medical students. Interactivity develops the activity of students, interests them, introduces a new element in the course of teaching the Russian language, improves the traditional survey on working with the content of the text, fixes the studied vocabulary by way of its speech. The results obtained during personal observation of the course of teaching the practical course of the Russian language to foreign medical students confirmed the expediency of studying lexical material at the Russian as Foreign classes using an electronic training tool to develop the professional competence of future doctors.

Keywords: electronic textbook, vocabulary, exercises, understanding of the text, text jobs, foreign students.

References

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. *Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New vocabulary of methodical terms and concepts {theory and practice of teaching languages}]. Moscow, 2009. 448 p. (in Russian).
2. Gartsov A. D. *Elektronnaya lingvodidaktika: sreda – sredstva obucheniya – pedagog* [Electronic linguodidactics: environment – means of teaching – teacher]. Moscow, 2009. 295 p. (in Russian).
3. Traynev V. A. *Novye informatsionnye kommunikatsionnye tekhnologii v obrazovanii* [New information communication technologies in education]. Moscow, 2013. 320 p. (in Russian).
4. Bovtenko M. A. *Kompyuternaya lingvodidaktika* [Computer linguodidactics]. Moscow, 2005. 216 p. (in Russian).
5. Balykhina T. M., Dzhaio Yujsan. *Ot metodiki k etnometodike* [From methodology to ethnomethodics]. Moscow, 2010. 210 p. (in Russian).
6. *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [New pedagogical and information technologies in the education system]. Ed. by E. S. Polat. Moscow, 1999. 269 p. (in Russian).
7. Rozina I. N. *Osnovy informatsionnoy i kommunikatsionnoy kompetentsii pri ispolzovanii ehlektronnoy pochty* [Bases of information and communication competence when using e-mail]. In: *Internet v professionalnoy deyatel'nosti: sb. statey* [The Internet in professional activities: collection of articles]. Ed. by D. T. Rudakova. Moscow, 2003. Available at: <http://iatp.projectharmony.ru/about.php?menu=publications> (accessed 3 April 2017) (in Russian).
8. Karpov V. A. *Elektronnyy uchebnik russkogo yazyka kak inostrannogo «Russkiy yazyk»* [Electronic Russian textbook as foreign «Russian»]. Available at: <http://philology.bs.u.by/karpov/> (accessed 27 December 2014) (in Russian).
9. Klobukova L. P., Nesterskaya L. A., Noreyko L. N. *Novoe uchebnoe posobie v sisteme sredstv professionalno orientirovannogo obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [The new manual in the system of means of professionally focused training in Russian as foreign]. In: *Inoyazychnoe obrazovanie v sovremennom mire: sb. nauch.-metod. st.* [Foreign language education in the modern world: the collection of scientific and methodological articles]. Moscow, 2013, pp. 193–196 (in Russian).

Cite this article as:

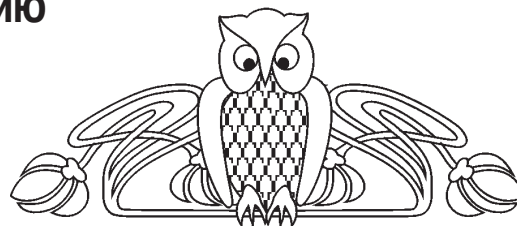
Baktybayeva A. T. Types and Forms of Work when Training the Speech of Students Foreigners of Medical School on the Example of Use of the Electronic Manual. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 478–482. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-478-482.

УДК 37.013.2

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К СТАНОВЛЕНИЮ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Недогреева Наталия Герасимовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики и методико-информационных технологий, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: nata-ned@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы становления обучающихся и соответствие личностных результатов обучения требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов всех уровней. Этнокультурный подход к становлению личности предполагает использование выработанных человеком ценностей национальных культур. Наиболее адекватны сущности и предназначению этнокультурной составляющей процесса становления учащегося принципы культуросообразности, народности, диалога культур и толерантности. Этнокультурный подход призван обеспечить ознакомление обучающихся с различными пластами культуры этнических и общественных групп и мира в целом. Реализация вышеназванных принципов предполагает приобщение к системе общечеловеческих ценностей, моральных устоев и общественных норм и ориентирует педагога на ознакомление обучаемых с различными пластами культуры. Целенаправленное использование позитивного потенциала современных методов и технологий в процессе формирования личности позволяет помочь развитию у молодого поколения позитивного отношения к представителям разных народов и уважения к особенностям различных этнических групп, проживающих в России. Воспитание на основе исторических и культурных традиций и обычаев дает осознание того, что каждый человек является уникальным представителем своего народа (нации), формирует уважение к разнообразию культур, готовность к сотрудничеству.

Ключевые слова: становление, культуросообразность, народность, межкультурный диалог, толерантность, этнокультурный подход.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-483-487

Сегодня от образовательных учреждений всех уровней ожидают реализации задач воспитания обучающихся. Этнокультурный подход к становлению личности обучающегося предполагает использование выработанных человеком ценностей национальных культур. Наиболее адекватными сущности и предназначению этнокультурного подхода к становлению личности являются принципы культуросообразности, народности, диалога культур и толерантности.

Принцип культуросообразности был сформулирован Ф. А. В. Дистервегом как один из ведущих принципов обучения и воспитания, который означал организацию учебно-воспитательного процесса на основе определенной внешней, внутренней и общественной культуры. По Дистервегу, внешняя культура – это нормы морали, правила поведения в быту; внутрен-

няя – духовная жизнь индивида; общественная подразумевает общественные отношения и национальную культуру [1]. В современной педагогической науке этот принцип был развит в работах А. П. Булкина, И. Е. Видт, А. Я. Данилюк, Н. Б. Крыловой, А. В. Мудрика, С. Ш. Салимовой, В. Д. Семенова и др.

В соответствии с указанным принципом перед образованием стоит задача приобщения подростков к различным пластам культуры этноса, а также общества и мира в целом. Необходимо, чтобы воспитание и обучение помогало растущему человеку ориентироваться в тех изменениях, которые происходят в нем самом и в окружающем его мире. Важно, чтобы воспитание помогало ему «вписаться» в изменяющиеся реалии жизни, найти способы самореализации и самоутверждения, адекватные этим реалиям [2].

Культуросообразность, как подчеркивает Н. Б. Крылова, это «метапринцип, согласно которому образование (в том числе и формирование гражданской идентичности) должно быть, с одной стороны, адекватным современной культуре и ее особенностям и требованиям, а с другой – способным к социальному реконструированию, то есть организующим новые культурные формы, а не просто транслирующим ее нормы и ценности» [3, с. 76].

Данный принцип имеет объяснительный смысл, так как культуросообразное образование (насыщенность образовательного процесса элементами культуры) базируется на свойствах «качества» и «ценности» (смыслообразующие понятия для культуры), и функциональный смысл: предполагается прямое влияние на определение, организацию, предъявление содержания образования, образовательных форм, методов и средств [3].

Принцип культуросообразности обнаруживает удивительную историческую пластичность и преобразуется в конце прошлого века, с началом процессов глобализации и информатизации, в связи с распространением идей толерантности и защиты прав человека, социальных групп и народов, которые значительно усложнили образовательную реальность. Классический принцип

культуросообразности модифицировался в поликультурность за счет требования представлять в одной образовательной системе множество культур разных народов [4, с. 6]. Однако цели, содержание, методы воспитания культуросообразны в том случае, если учитывают исторически сложившиеся в конкретном социуме традиции.

Требованием к реализации данного принципа в рамках становления личности обучающегося является учет как этнической и региональной культур, так и культуры общества в целом. Важно, что принцип культуросообразности позволяет осуществлять внутрипредметную и дополнять межпредметную интеграцию, что является очень важным при становлении личности обучающихся. Таким образом, сущность принципа культуросообразности в контексте культурного становления личности заключается в том, что он ориентирует педагога на формирование знаний обучающихся о родном крае, о субъектах различных культур, проживающих на территории Саратовской области, с учетом региональных культурных традиций, событий, происходящих в регионе.

Особое внимание следует обратить также на принцип народности. Свое достаточно полное обоснование этот принцип получил в трудах К. Д. Ушинского, утверждавшего, что если воспитание не хочет быть бессильным, оно должно быть народным: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к Отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями. Обращаясь к народности, воспитание всегда найдет ответ и содействие в живом и сильном чувстве человека, которое действует гораздо сильнее убеждения, принятого одним умом, или привычки, вкорененной страхом наказания» [5, с. 252]. В современной педагогической науке принцип народности определяет народные традиции в качестве основы воспитания, вращение нового поколения в жизнь взрослых (самостоятельное освоение культурных ценностей) и целенаправленную передачу культурного опыта старшими младшим [6].

Методологическое значение принципа народности состоит в том, что его реализация обеспечивает гражданское становление обучающихся посредством освоения ценностей национальной культуры, истории, традиций и обычаев, способствует их приобщению к культурно-историческим корням (через связь с принципом культуросообразности). Данный принцип ориентирует педагога на развитие чувства принадлежности к той или иной нации, на формирование знаний о духовно-нравственных ценностях своего наро-

да, позволяет обучающимся почувствовать себя частью определенной гражданской общности, соотнести себя с такой общностью.

Наряду с принципом народности важное значение имеет принцип диалога культур (В. С. Библер, А. Б. Панькин, А. П. Садохин, Е. Г. Фалькова и др.), актуальность которого в формировании гражданской идентичности обучающихся обусловлена, с одной стороны, необходимостью учета традиций национального воспитания, с другой – изменением контингента обучающихся, их поликультурным составом. Это обусловлено ростом национального самосознания народов и этнических групп, населяющих Россию, масштабами миграционных процессов как внутри страны, так и из-за рубежа, что определяет реалии социально-экономической и политической жизни нашего общества в целом и Саратовской области в частности.

Изучение культуры разных народов способствует воспитанию чувств равенства, достоинства через культурный диалог с представителями различных национальностей. Культура в таком диалоге выступает как один из решающих факторов единения людей. Без диалога культур нет истории и развития личности. Этническая культура позволяет глубже познать чужое через свое и свое через чужое [7, с. 229]. Взаимодействие личности с объектами другой культуры и ее субъектами как носителями различных культурных ориентаций, с одной стороны, позволяет глубже осознать уникальность духовного и культурного достояния своего этноса, а с другой – познать, понять и принять ценности культуры других этносов. Человек, имеющий собственное мировоззрение и веру, способен проявлять великодушие, уважать мировоззрение и веру другого человека, обладать гармонией гражданской, этнокультурной и общечеловеческой идентичности [8].

Данный подход реализуется в ходе освоения разнообразных дисциплин: особенно он важен при изучении философии, педагогики, психологии и дисциплин по выбору. Например, по направлению «педагогическое образование» 44.03.01 (степень «бакалавр») и 44.04.01 (степень «магистр») выдвигаются такие требования к знаниям будущих педагогов, как умение работать в поликультурной и полиэтнической среде, умение формировать толерантное отношение к культурным традициям разных народов Российской Федерации, формировать критически мыслящую личность.

В ходе проведения педагогических практик студентов значительное внимание уделяется вопросам, связанным с культурой межнациональных отношений, осознанием своей этнической принадлежности, знанием истории, языка, культуры

своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества, усвоением гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества и пр. Особое значение придается общению учащихся разных национальностей и формированию толерантности.

Одним из эффективных средств формирования толерантности у подрастающего поколения является религия. Целенаправленное использование потенциала религии при формировании личности помогает обеспечить у будущего поколения позитивное отношение к представителям различных народностей, уважение и лояльность к этнопедагогическим и этнопсихологическим особенностям различных народов, проживающих в России.

В современных условиях в общественном сознании утвердилось мнение о том, что религия является не только формой общественного сознания и идеологии, но и носителем общечеловеческих нравственных ценностей, составной частью национального культурного наследия, одним из факторов, формирующих национально-этническое сознание и культуру межнациональных отношений. Мировоззрение народа во многом определяется характером религии, которую он исповедует. Поэтому особый интерес вызывают внеклассные мероприятия, основной целью которых является формирование культуры межнациональных отношений учащихся, например, «История мировых религий». Эти занятия – не просто знакомство с той или иной религией, но уроки, которые учат уважать другие народы, различать добро и зло, помогают усвоить морально-этические нормы различных народов.

Являясь одним из основных регуляторов социального поведения, религия даже на подсознательном уровне определяет в значительной степени специфику национально-культурной среды этнического сообщества. Сегодня религиозная принадлежность в большей степени отражает тип культуры, с которой соотносит себя человек, и его ценностно-культурные ориентации, нежели степень религиозности. Религия – важный индикатор национального самосознания и интегрированности этноса, поэтому религиозные ориентации представителей любого народа отражают тенденции культурного развития этноса в целом.

Всякая религия учит толерантности, терпению, почитанию родителей, уважению женщин, матерей, заботе о слабых, больных и обездоленных, учит быть образованными, гуманными, трудолюбивыми и порядочными. Сам факт устойчивого, на протяжении тысячелетий, существования различных религий, свидетельствует о том, что они имеют глубокие корни в человеческой природе,

выполняют ряд функций: религия, являясь прежде всего сферой духовной жизни общества, отражает общечеловеческие нормы нравственности.

Таким образом, проводимое студентами в ходе педагогической практики культурное и религиозное просвещение подрастающего поколения, приобщение его к ценностям национальной культуры вносит неоценимый вклад в воспитание и развитие школьников. Знание традиционной религиозной культуры может служить своего рода защитным механизмом от воздействия религиозно-мистических и экстремистских элементов, позволяет сформировать у обучающихся высокую нравственность, национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к культуре других народов. Изучая историю религии, учащиеся убеждаются в том, что все мировые религии характеризуются схожей сущностью и преемственностью содержания, что подлинным смыслом религии является нравственное совершенствование человека и консолидация народов.

Основной установкой в проведении подобного рода учебных мероприятий является четкая ориентация на самовыражение, учащимся не навязывается какая-либо «правильная» точка зрения, но напротив, их всеми возможными способами подталкивают к самостоятельным выводам и решениям. В связи с этим принимается решение об отказе от всякой соревновательности. Занятие может проходить в форме беседы или по достаточно распространенной технологии «круглого стола». Ведущий (педагог) задает направление размышлений, высказывает свою точку зрения на ту или иную проблему, а затем ненавязчиво предлагает каждому учащемуся изложить и пояснить собственную точку зрения. Очень приятно видеть, как учащиеся, приняв такую форму общения, с удовольствием высказываются, вступают в полемику друг с другом, а затем совместными усилиями, не без участия ведущих, приходят к общему выводу. Все мероприятия сопровождаются презентациями.

Также авторами впервые была опробована применяемая в российской образовательной деятельности современная технология *The World Café* («мировое кафе»). В мире она известна с 1995 г., это и технология, и искусство разговора, по сути дела, в непринужденной и открытой атмосфере – в уютной обстановке «обычного привычного кафе», что позволяет вовлечь в процесс обсуждения коллективный интеллект участников и располагает их к масштабному многоуровневому диалогу. Технология «*The World Café*» – это процесс, общение и привнесение в разговор того, что помогает хозяевам (держателям столиков) и участникам обсуждения достичь своих целей, это простой,

но очень мощный метод создания предметного совместного обсуждения животрепещущих вопросов участников диалога.

Технология «The World Café» основана на том, как люди разговаривают друг с другом, вовлекая в высказывания и в слушание свои эмоции. Это не столько обучающий процесс для формирования широкого взгляда на проблему, сколько инструмент для создания контекста коллективных действий. Организуются столики на четверых, их хозяева, ведущие нить разговора, погружаются все глубже и глубже в тему, при этом они приглашают новых людей в обсуждение – любой человек может перейти от одного столика к другому и т.д.

В заключение ведущие выделяют тех, кто наиболее активно проявил себя в ходе мероприятия, и выражают надежду, что у остальных, вероятно, после такой оживленной беседы сложилось собственное мнение относительно обсуждавшихся вопросов. Беседа как форма проведения занятия оправдывает себя полностью. Учащиеся не чувствуют себя скованно, не пытаются отмолчаться, боясь дать неправильный ответ, по той простой причине, что любой ответ является правильным, поскольку выражает личную точку зрения.

Итак, процесс становления личности обучающихся обязательно включает этнокультурную составляющую и реализуется с помощью адекватных ее сущности принципов. Основные ценности – «Родина», «толерантность», «благородство», «великодушие», «ответственность», «долг», «национальная гордость», «справедливость» и др. – задаются ходом общественного развития, являются ориентиром единения страны и принимают форму мотива поведения.

Воспитание на исторических и культурных традициях и обычаях дает осознание того, что каждый человек является уникальным представителем своего народа (нации), а обеспечение устойчивой гармонии между различными этническими группами формирует уважение к разнообразию культур, готовность к сотрудничеству. Этнокультурная направленность ценностных ориентаций способствует взаимопроникновению общечеловеческих и национальных ценностей, их взаимозависимости.

Список литературы

1. Поздняков А. Н. История педагогики и образования за рубежом и в России : учеб. пособие. Саратов, 2009. 143 с.
2. Мудрик А. В. Социальная педагогика. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. В. А. Сластенина. М., 2000. 200 с.
3. Крылова Н. Б. Культурология образования. М., 2000. 272 с.
4. Данилюк А. Я. Принцип культурогенеза в образовании // Новые ценности образования : культурная парадигма. 2007. № 4 (34). С. 4–10.
5. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Ушинский К. Д. Пед. соч. : в 6 т. М., 1988. Т. 1. С. 194–256.
6. Педагогика. URL: <http://www.pedpro.ru/terms/168.htm> (дата обращения: 21.06.2017).
7. Панькин А. Б. Этнокультурный парадокс современного образования. Волгоград, 2001. 446 с.
8. Асмолов А. Г. Стратегия социокультурной модернизации образования : на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопр. образования. 2008. № 1. С. 65–86.

Образец для цитирования:

Недогреева Н. Г. Этнокультурный подход к становлению личности обучающихся // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 483–487. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-483-487.

Ethno-Cultural Approach to the Formation of Personality of Students

Nataliya G. Nedogreeva

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: nata-ned@mail.ru

The article considers the issues of formation of the students in the aspect of accordance of personal learning outcomes to the requirements of Federal state educational standards of all levels. The ethno-cultural approach to the formation of student's personality involves the use of human values of national cultures. The most appropriate to the nature and the purpose of ethno-cultural component of the process of development of students are the principles of culture conformity, ethnicity, cultures dialogue and tolerance. The ethno-

cultural approach is intended to provide the students acquaintance with different layers of culture of ethnic and social groups and the whole world. The implementation of the above called principles involves the introduction to the system of human values, morals and norms of society and orients the teacher to the acquaintance of trainees with the different layers of culture. The purposeful use of the positive potential of modern methods and technologies in the process of identity formation can help to nurture a positive attitude of the younger generation to the representatives of different nations and the respect to the particularities of different ethnic groups living in Russia. The education on the historical and cultural traditions and customs gives the realization that every person is a unique representative of his people (nation) and forms the respect of diversity of cultures and the willingness for cooperation.

Key words: formation, culture conformity, ethnicity, intercultural dialogue, tolerance, ethno-cultural approach.

References

1. Pozdnyakov A. N. *Istoriya pedagogiki i obrazovaniya za rubezhom i v Rossii: ucheb. posobie* [The history of Pedagogy and Education abroad and in Russia]. Saratov, 2009. 143 p. (in Russian).
2. Mudrik A. V. *Sotsialnaya pedagogika*. 3-e izd., ispr. i dop. Pod red. V. A. Slastenina [Social pedagogics. Ed. by V. A. Slastenin]. Moscow, 2000. 200 p. (in Russian).
3. Krylova N. B. *Kulturologiya obrazovaniya* [Cultural science of education]. Moscow, 2000. 272 p. (in Russian).
4. Danilyuk A. Ya. Printsip kulturogeneza v obrazovanii [The principle of cultural Genesis in education]. *Novye tsennosti obrazovaniya: kulturnaya paradigma* [New values of education: Cultural paradigm], 2007, vol. 4 (34), pp. 4–10 (in Russian).
5. Ushinskiy K. D. O narodnosti v obschestvennom vospitanii [About the national spirit in public education]. Ushinskiy K. D. *Ped. soch.*: v 6 t. [Pedagogical works: in 6 vol.]. Moscow, 1988, vol. 1, pp. 194–256 (in Russian).
6. *Pedagogika* (Pedagogy). Available at: <http://www.ped-pro.ru/termins/168.htm> (accessed 21 June 2017).
7. Pankin A. B. *Etnokulturnyy paradoks sovremennogo obrazovaniya* [Ethno-cultural paradox of modern education]. Volgograd, 2001. 446 p. (in Russian).
8. Asmolov A. G. Strategiya sotsiokulturnoy modernizatsii obrazovaniya: na puti k preodoleniyu krizisa identichnosti i postroeniyu grazhdanskogo obschestva [The strategy of sociocultural modernization of education: on the way to overcoming the identity crisis and building a civil society]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2008, vol. 1, pp. 65–86 (in Russian).

Cite this article as:

Nedogreeva N. G. Ethno-Cultural Approach to the Formation of Personality of Students. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 483–487. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-483-487.

УДК 37.03

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «МЕДИАТИВНЫЙ ПОДХОД»

Рождествина Анна Анатольевна – декан факультета дополнительного образования, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове. E-mail: Rozhdestvinaaaa@yandex.ru

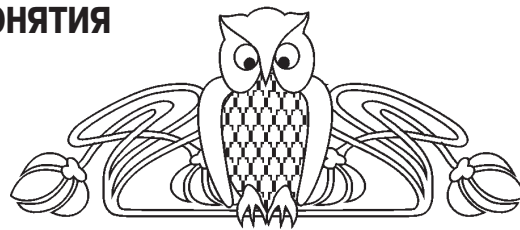
Железовская Галина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: edupsy@info.sgu.ru

Статья посвящена изучению некоторых аспектов содержания медиативного подхода. Несмотря на практическое применение медиативного подхода, его теоретическое содержание не исследовано. Поэтому, исходя из нормативного определения медиативного подхода, выявляются и раскрываются его признаки, при этом отмечается, что медиативный подход представляет собой вид деятельности. Приводятся сложившиеся в педагогике и психологии определения деятельности и отражаются ее особенности применительно к медиативному подходу, подчеркивается, что деятельность основывается на применении принципов медиации, но без проведения ее процедуры. При этом принципы медиации относятся к правовым составляющим медиативного подхода. Раскрыты особенности реализации этих принципов применительно к медиативному подходу; отмечается, что не все принципы медиации применимы при реализации медиативного подхода. Кроме того, деятельность предполагает владение навыками позитивного осознанного общения, при условии, что эти навыки выполняют профилактическую функцию, а именно – создают основу для предотвращения и (или) эффективного разрешения споров и конфликтов в повседневных условиях. При этом навыки позитивного осознанного общения являются синонимами навыков коммуникативной деятельности.

Ключевые слова: медиативный подход, медиация, деятельностный подход, спор, конфликт, коммуникация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-488-493

Среди вопросов, связанных с обеспечением ценности образования как образовательной услуги, одним из самых актуальных в последние годы считается вопрос формирования специалистов новой формации, обладающих инновационным подходом к принятию решений, высоким нравственным потенциалом, профессиональной компетентностью, инициативой, способных к конкуренции на рынке труда. Среди таких подходов особое место занимает медиативный. Его использование возможно: 1) в профилактике безнадзорности и беспризорности, наркомании, алкоголизма, табакокурения, правонарушений несовершеннолетних; 2) в работе с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении; 3) в воспитании культуры конструктивного поведения в конфликтной ситуации и

создании условий для выбора ненасильственных стратегий поведения в ситуациях напряжения и стресса; 4) в коррекционной работе с несовершеннолетними правонарушителями, в том числе в общении с работниками правоохранительных органов и представителями комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав; 5) в качестве основы для сохранения межпоколенческой коммуникации и возможности передачи главных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей [1]. Особое распространение в настоящее время этот подход приобретает в деятельности служб школьной медиации и иных подобных, созданных в различных организациях.

Несмотря на широкое практическое применение, теоретическое содержание понятия «медиативный подход» до сих пор в полной мере не выявлено. В своей статье мы остановимся лишь на некоторых аспектах содержания этого подхода. Нормативное определение медиативного подхода впервые было дано в письме Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № ВК-844/07 «О направлении методических рекомендаций по организации служб школьной медиации» [2], а затем – в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 г. № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность». Согласно этой концепции медиативный подход – это деятельностный подход, основанный на принципах медиации, предполагающий владение навыками позитивного осознанного общения, создающими основу для предотвращения и (или) эффективного разрешения споров и конфликтов в повседневных условиях без проведения медиации как полноценной процедуры.

Как видно из указанного определения, медиативный подход представляет собой, в первую очередь, вид деятельностного подхода, известного в педагогике и психологии, начиная с трудов С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, П. Я. Галь-

перина и др. Поэтому для понимания содержания медиативного подхода необходимо рассмотрение деятельностного подхода.

Изучение деятельности стало центральной темой отечественной психологии, связанной, прежде всего, с именами С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева. Первый шаг в признании деятельности в качестве предмета психологии был сделан С. Л. Рубинштейном, который положил начало деятельностной трактовке психики. Человек стал пониматься как существо изначально сознательное (т.е. рефлексивное), способное отдавать себе отчет о сделанном и деятельное, способное к осознанному преобразованию [3, с. 69]. Он формулирует принцип единства сознания и деятельности и включает в сферу психологических исследований психическую сторону деятельности [4, с. 255].

А. Н. Леонтьев формулирует принцип единства психики и деятельности: вне целостной системы деятельности не может быть понято психическое отражение. Психическое отражение рождается в процессе развития чувственно-практической деятельности, образ (психическое отражение) всегда занимает существенное место в системе деятельности, и в отрыве от деятельности нельзя понять ни его генезис, ни функционирование. Для возникновения образа предмета или ситуации необходимо осуществление сложного перцептивного действия, включающего систему предметных операций. Психический образ есть продукт жизненных, практических связей и отношений субъекта с предметным миром [5, с. 43].

Деятельность – условие формирования первоначальных элементов мышления: практических, предметных обобщений, предметных и ситуативных значений, условие осмысления ситуации и переноса значений на другую ситуацию [6, с. 11].

Деятельность – это всегда условие формирования смыслов. В действии и взаимодействии раскрываются для субъекта смыслы и значения предметов (вначале – ситуативные). В ходе дальнейшего развития действия (мыслительного действия) происходит автономизация значений и смыслов от его предметного содержания и появляются процессы, состоящие в означении смыслов и осмыслении значений [7, с. 7].

Таким образом, деятельностью называют не всякий процесс, а только такие, которые, осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают соответствующей им потребности. Деятельность – это единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире. Это система, имеющая строение, свои внутренние переходы и пре-

вращения, свое развитие [5, с. 44]. Деятельность человека в целом – прежде всего, воздействие, изменение действительности, поэтому она представляет собой не внешнее делание, а позицию по отношению к людям, обществу, которую человек всем своим существом, в деятельности проявляющимся и формирующимся, утверждает [4, с. 350]. Деятельность – форма активного отношения к действительности, направленного на достижение сознательно поставленных целей, связанных с созданием общественно значимых ценностей и освоением общественного опыта [8, с. 52]. При этом психика порождается, развивается и функционирует в деятельности. Она как психическое отражение имеет деятельностную природу, т.е. по сути сама является деятельностью [9, с. 149].

Предметное содержание деятельности (предметные компоненты) в деятельности субъекта образуют: 1) мотив – предмет, на который направлена деятельность, или предмет потребности; 2) цель – представление о результате действия; 3) условия осуществления деятельности, среди которых важнейшими являются способы достижения цели; 4) цель, данная в определенных условиях, представляет собой задачу деятельности [7, с. 7].

При исследовании строения человеческой деятельности П. Я. Гальперин ввел системное понятие «субъект», который является главным базовым структурным моментом деятельности. Оно предполагает как выход индивида во внешний мир и систему общественных отношений людей, так и обращение к материальному субстрату – к физиологическим и психофизиологическим механизмам реализации деятельности [10, с. 28]. Он обращает внимание на потребности субъекта, так как они являются подлинной детерминантой деятельности: «Потребности означают не только побуждение к действию во внешней среде, они предопределяют избирательное отношение <...> к ее объектам и намечают <...> общее направление действий на то, чего субъекту недостает и в чем он испытывает потребность» [11, с. 92].

Особенность деятельности при медиативном подходе состоит в том, что она осуществляется на основе принципов медиации, предполагает владение навыками позитивного осознанного общения, которое имеет своей целью предотвращение и (или) эффективное разрешение споров и конфликтов в повседневных условиях, но при этом в ходе реализации деятельности процедура медиации не проводится.

Принципы медиации относятся к правовым составляющим медиативного подхода: их виды и содержание закреплены в ст. 3 Федерального

закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [12], согласно которой процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора. Мы не ставим целью своей статьи подробное рассмотрение принципов медиации, но остановимся лишь на их особенностях применительно к медиативному подходу.

Среди принципов медиации на первом месте находится добровольность, которая должна учитываться в решении вопроса об использовании медиативного подхода в отношении конкретного спора или возможных споров, вытекающих из заранее оговоренных отношений [13, с. 104]. Влияние добровольности должно проявляться при выработке условий, на основе которых стороны разрешают спор или конфликт. При этом следует учитывать, что содержание принципа добровольности при применении медиативного подхода существенно отличается от его реализации при проведении процедуры медиации. Несмотря на то, что медиативный подход применяется по взаимному согласию спорящих сторон, они не обращаются к услугам медиатора, так как применение медиативного подхода возможно, в том числе, и лицом, являющимся стороной в конфликте, и не заключают медиативного соглашения, т.е. медиативный подход предполагает неприменение процедуры медиации.

Специфика принципа конфиденциальности проявляется в том, что даже сам факт применения медиативного подхода может быть неизвестен третьим лицам, а также одной из спорящих сторон.

Особенности принципа равноправия и сотрудничества сторон проявляются в том, что он применяется к отношениям, в которых спорящие стороны равны и ни одна из них не имеет процедурных преимуществ; ни одна из сторон не может принуждать другую к каким-либо действиям.

По нашему мнению, не все принципы медиации можно применять при медиативном подходе: речь идет о принципе беспристрастности и независимости медиатора. При медиативном подходе не происходит обращения к посреднику, он используется, как правило, спорящими сторонами самостоятельно, соответственно, говорить о независимости посредника не приходится.

Следующей особенностью деятельности при применении медиативного подхода является владение навыками позитивного осознанного общения. В самом общем виде этот навык определяется как «действие, сформированное путем по-

вторения, характеризующееся высокой степенью освоения и отсутствием поэлементной сознательной регуляции и контроля» [14, с. 195]. Навыки, таким образом, – это автоматизированные компоненты сознательного действия человека, которые вырабатываются в процессе его выполнения [4, с. 350]. Когда действие стало привычкой, человек в процессе упражнения приобрел возможность осуществлять данную операцию, не делая ее выполнение сознательной целью. Отсутствие сознательности и преднамеренности не исключает при этом возможности сознательного контроля над выполнением автоматизированного действия и возможности сознательного вмешательства в его ход [15, с. 50].

По определению М. И. Лисиной, общение – это процесс передачи и приема вербальной и невербальной информации, одно из условий развития, важнейший фактор формирования личности, один из главных видов деятельности человека, направленный на познание и оценку себя посредством других людей. Общение способствует развитию познавательных процессов, эмоционально-волевой сферы, развитию личности [16, с. 136].

Общение как процесс рассматривается в качестве специфического вида деятельности – коммуникативной. *Коммуникация в общем виде* означает специфическую форму взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности [17]. **Целью коммуникации** является достижение взаимопонимания или обеспечение взаимодействия, а также выяснение позиции собеседника. Особое значение коммуникации при медиативном подходе проявляется в том, что она представляет собой такой её вид, который можно отнести к когнитивно новому ведению диалога, обеспечивающему безоценочность высказываний, расширение смыслового поля спорящих и снижение эмоционального напряжения при его наличии. Одним из важных психологических феноменов медиативного подхода является снижение влияния таких мощных психологических механизмов при восприятии партнера, как стереотипизация, упрощение, эгоцентризм и т.п.: происходит осознание индивидуальности и уникальности собеседника [18]. Соответственно, навыки позитивного осознанного общения являются синонимом навыков коммуникативной деятельности.

Владение навыками коммуникативной деятельности является основой для предотвращения и (или) эффективного разрешения споров и конфликтов в повседневных условиях, т.е. выполняет, в первую очередь, профилактическую функцию. Причем реализация этой функции будет различаться в зависимости от того, идет

ли речь о предотвращении и (или) эффективном разрешении споров или конфликтов, т.е. в данном случае необходимо разграничивать эти два понятия, что представляется весьма затруднительным, особенно когда спор почти переходит в конфликт, который, едва развившись, вновь переходит в спор или вовсе прекращается [19, с. 86].

В словаре русского языка С. И. Ожегова спор определяется как «словесное состязание, обсуждение чего-либо, в котором каждый отстаивает свое мнение» [20, с. 700], а конфликт это – «столкновение, серьезное разногласие, спор» [20, с. 257].

Спор в данном случае представляет собой содержание юридического конфликта. Такой вывод можно сделать, исходя из анализа нормативных актов, в которых речь идет о соотношении медиации и медиативного подхода, названных в начале статьи. В юридическом конфликте стороны могут спорить относительно: 1) признания, восстановления, нарушения субъективных прав; 2) объема или характера юридических прав и обязанностей; 3) притязания на те или иные права или освобождения от каких-либо обязанностей и т.д. [21, с. 196]. При этом в качестве предмета спора в юридическом конфликте рассматриваются вопросы, непосредственно связанные с субъективными правами и обязанностями, т.е. отождествляются понятия спор и юридический конфликт.

В. С. Жеребин рассматривает правовой спор как «идейно-психологическое состязание», «сопровождение» правового конфликта, выражающееся в «специальных категориях правосознания», а правовой конфликт как «противоборство его участников», сопровождаемое спором, переходящим в противоположные действия и поступки [22, с. 57–58]. Спор не может обеспечить эффективное функционирование составляющих правового конфликта, так как необходимо не только привести в действие интеллектуальные способности, но и осуществить физические операции по материальному, практическому воплощению результатов словесно принятых решений. Спор не обладает самодостаточностью для его объявления в качестве правового конфликта, потому что последний включает в себя нечто большее, чем идейно-психологическое противостояние между соответствующими субъектами [22, с. 51].

Истоки спора находятся в сознании, несмотря на ограниченность правом, принятым в государстве, спор обусловлен психологическими особенностями поведения человека, на психологическом уровне происходит осознание спорной ситуации [19, с. 87]. Таким образом, конфликт – более широкое и глубокое понятие, чем спор: им

обозначается противостояние или противоборство между лицами, соответственно спор – юридическое измерение конфликта.

При медиативном подходе и спор, и конфликт разрешаются без проведения процедуры медиации, т.е. все инструменты и техники, которые используются при проведении процедуры медиации, применяются и в рамках медиативного подхода, но при этом не составляются юридические документы, не приглашается посредник-медиатор и принципы медиации реализуются в том объеме, в котором это необходимо для разрешения или предотвращения спора или конфликта.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 г. № 1430-р. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.05.2017).
2. О направлении методических рекомендаций по организации служб школьной медиации : письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № ВК-844/07 // Администратор образования. 2014. № 1. С. 46–54.
3. *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М., 1997. 192 с.
4. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии : в 2 т. М., 1989. Т. 1. 488 с.
5. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
6. Системно-деятельностный подход в образовании и воспитании в условиях реализации ФГОС (для слушателей Pedcampus). М., 2014. URL: pedcampus.ru/file/2014/10/sdp2.pdf (дата обращения: 05.05.2017).
7. *Волкова М. Н.* Деятельностный подход и категория деятельности в психологии : учеб. пособие. Владивосток, 2007. 78 с.
8. Психология труда / под ред. А. В. Карпова. М., 2003. 352 с.
9. *Леонтьев А. Н.* Избр. психол. произв. : в 2 т. М., 1983. Т. II. 320 с.
10. *Габай Т. В.* Научные идеи П.Я. Гальперина и их развитие в современной деятельностной теории учения // Культурно-историческая психология. 2012. № 4. С. 28–37.
11. *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М., 1976. 150 с.
12. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Рос. газ. 30.07.2010. № 168. С. 9.
13. *Синенко В. С.* Проблемы реализации принципа добровольности в процедуре медиации // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. 2014. № 30 (193). С. 104–108.

14. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985. 431 с.
15. Дзида Г. А. О соотношении понятий компетенции, способности личности и понятий знания, умения и навыки // Ямальский вестн. 2016. № 2 (7). С. 50–56.
16. Лисина М. И. Проблема онтогенеза общения. М., 1986. 136 с.
17. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 2008. 688 с.
18. Аллахвердова О. В. Психологические феномены и парадоксы медиации. URL: <http://www.sudexp.org/publ/21-1-0-948> (дата обращения: 05.05.2017).
19. Шагивалеева И. З. О соотношении понятий спора и конфликта в юридической науке // Апробация. 2015. № 9 (36). С. 86–88.
20. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. С. П. Обнорского. М., 1952. 700 с.
21. Гревцов Ю. И. Социология права: курс лекций. СПб., 2001. 310 с.
22. Жеребин В. С. Правовая конфликтология: курс лекций: в 3 ч. Владимир, 1998. Ч. 1. 202 с.

Образец для цитирования:

Рождествина А. А., Железковская Г. И. О некоторых аспектах содержания понятия «медиативный подход» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 488–493. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-488-493.

About Some Aspects of the Contents of «Mediation Approach»

Anna A. Rozhdestvina

Volga Region Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
55, A. N. Radishcheva str., Saratov, 410003, Russia
E-mail: Rozhdestvinaaa@yandex.ru

Galina I. Zhelezovskaya

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: edupsy@info.sgu.ru

The article is devoted to studying some aspects of the content mediation approach. It notes that, despite the practical application of the mediative approach, its theoretical content has not been developed. Therefore, proceeding from a normative definition of mediative approach, its signs are revealed and revealed. It is noted that the mediative approach is a kind of activity approach. The definitions of activity developed in pedagogy and psychology are given and also is reflected her features in relation to mediative approach, noting that activity is based on use of the principles of mediation, but without mediation as a full procedure. At the same time, the principles of mediation belong to legal components of mediative approach. Accordingly, the article reveals the features of the implementation of these principles in relation to the mediative approach. It is noted that not all principles of mediation are applicable when implementing a mediative approach. In addition, activities involve the possession of the skills of positive conscious communication, provided that these skills perform preventive function, namely, they create a basis for the prevention and (or) effective resolution of disputes and conflicts in everyday conditions. The skills of positive conscious communication are synonymous with communicative skills.

Keywords: mediation approach, mediation, activity approach, dispute, conflict, communication.

References

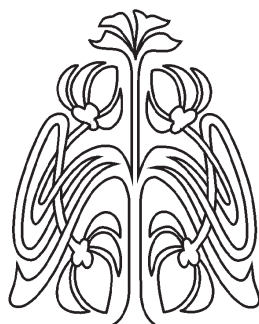
1. *Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya do 2017 goda seti sluzhb mediatsii v tselyakh realizatsii vosstanovitel'nogo pravosudiya v otnoshenii detey, v tom chisle sovershivshikh obshchestvenno opasnye deyaniya, no ne*
2. *dostigshikh vozrasta, s kotorogo nastupaet ugolovnaya otvetstvennost*: Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 30 iyulya 2014 g. no. 1430-r. (On approval of the Concept development until 2017 the network services of mediation in implementing restorative justice for children, including that committed socially dangerous acts, but have not reached age from which there comes criminal responsibility: the government of the Russian Federation of 30 July 2014, no. 1430-R). Available at: www.pravo.gov.ru (accessed 5 May 2017) (in Russian).
3. O napravlenii metodicheskikh rekomendatsiy po organizatsii sluzhb shkolnoy mediatsii: pismo Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 18 noyabrya 2013 g. no VK-844/07 [On the direction of the methodical recommendations on the organization of the services of school mediation: letter of the Ministry of education and science of the Russian Federation dated November 18, 2013, no. VK-844/07]. *Administrator obrazovaniya* [Admin edu], 2014, no. 1, pp. 46–54 (in Russian).
4. Rubinshteyn S. L. *Chelovek i mir* [Man and the world]. Moscow, 1997. 192 p.
5. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii*: v 2 t. [Basics of general psychology: in 2 vol.]. Moscow, 1989, vol. 1. 488 p. (in Russian).
6. Leontev A. N. *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, 1975. 304 p. (in Russian).
7. *Sistemno-deyatelnostnyy podkhod v obrazovanii i vospitanii v usloviyakh realizatsii FGOS (dlya slushateley Pedcampus)* [System and activity approach in education and upbringing in the implementation of the FGOS (for students Pedcampus)]. Moscow, 2014. Available at: pedcampus.ru/file/2014/10/sdp2.pdf (accessed 5 May 2017) (in Russian).
8. Volkova M. N. *Deyatel'nostnyy podkhod i kategoriya deyatelnosti v psikhologii*: ucheb. posobie [The activity approach and the category of activities in psychology]. Vladivostok, 2007. 78 p.
9. *Psikhologiya truda* [Psychology of work]. Ed. by A. V. Karpov. Moscow, 2003. 352 p.

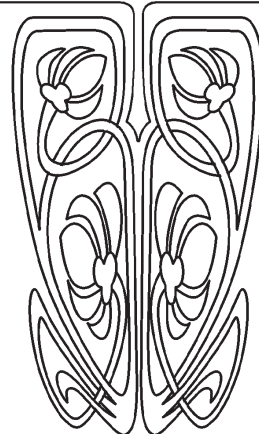
9. Leontev A. N. *Izbr. psikholog. proizv.: v 2 t.* [Selected psychological works: in 2 vol.]. Moscow, 1983, vol. 1. 320 p.
10. Gabay T. V. Nauchnye idei P.YA. Galperina i ikh razvitiye v sovremennoy deyatelnostnoy teorii ucheniya [Scientific ideas P. Y. Galperin and their development in modern activity theory of learning]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical Psychology], 2012, no. 4, pp. 28–37 (in Russian).
11. Galperin P. Ya. *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to psychology]. Moscow, 1976. 150 p.
12. Ob alternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii): Federalnyy zakon ot 27 iyulya 2010 no 193-FZ [On alternative procedure of dispute settlement with participation of mediator (mediation procedure): Federal law of 27.07.2010 no. 193-FZ]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2010, 30 July, no. 168, p. 9 (in Russian).
13. Sinenko V. S. Problemy realizatsii printsipa dobrovolnosti v protsedure mediatsii [Problems of implementation of the principle of voluntariness in mediation]. *Nauch. vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Ser. Philosophy. Sociology. Law], 2014, no. 30 (193), pp. 104–108 (in Russian).
14. *Kratkiy psikhologicheskii slovar* [Concise dictionary of psychology]. Comp. L. A. Karpenko. Ed. by A. V. Petrovskiy, M. G. Yaroshevskiy. Moscow, 1985. 431 p. (in Russian).
15. Dzida G. A. O sootnoshenii ponyatiy kompetentsii, sposobnosti lichnosti i ponyatiy znaniya, umeniya i navyki [About the relationship between the concepts of competence, abilities, personality and concepts of knowledge, skills and abilities]. *Yamalskiy vestnik* [Yamalskiy vestnik], 2016, no. 2 (7), pp. 50–56 (in Russian).
16. Lisina M. I. *Problema ontogeneza obshcheniya* [The problem of the ontogenesis of communication]. Moscow, 1986. 136 p. (in Russian).
17. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Ed. by V. N. Yartsev. Moscow, 2008. 688 p. (in Russian).
18. Allakxverdova O. V. *Psikhologicheskie fenomeny i paradoksy mediatsii* (Psychological phenomena and paradoxes of mediation). Available at: <http://www.sud-exp.org/publ/21-1-0-948> (accessed 5 May 2017).
19. Shagivaleeva I. Z. O sootnoshenii ponyatiy spora i konflikta v yuridicheskoy nauke [About the relationship between the concepts of dispute and conflict in legal science]. *Aprobatsiya* [Aprobation], 2015, no. 9 (36), pp. 86–88 (in Russian).
20. Ozhegov S. I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. by S. P. Obnorskogo. Moscow, 1952. 700 p. (in Russian).
21. Grevtsov Yu. I. *Sotsiologiya prava: kurs lektsiy* [Sociology of law: a course of lectures]. St. Petersburg, 2001. 310 p. (in Russian).
22. Zherebin V. S. *Pravovaya konfliktologiya: kurs lektsiy; v 3 ch.* [Legal conflictology: the course of lectures: in 3 parts]. Vladimir, 1998. Part 1. 202 p.

Cite this article as:

Rozhdestvina A. A., Zhelezovskaya G. I. About Some Aspects of the Contents of «Mediation Approach». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 489–494. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-489-494.

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2018 года

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36014, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов».

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

Адрес редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83;

Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
философский факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-12

E-mail: aporia@inbox.ru

Website: <http://phpp.sgu.ru>